

Историческое описание Борисовской Тихвинской девичей пустыни, составленное по монастырским документам и записям архимандритом Леонидом

Содержание

Предисловие

I. Местоположение обители

II. Предание об основании обители

III. Историческое обозрение Борисовской Тихвинской пустыни

Отдел I (1714-1800)

Завет или артикул, как содержать новопостроенную обитель в слободе Борисовке, нарицаемую Пресвятыя Богородицы Тихвинския

1714 года

Реестр, что надлежит по сему моему предложению им, законницам, давать денежной руги, и какову иметь трапезу с предбудущего 1714 года

В оных церквах ризница

В монастыре келий

Рогатого скота

Лошадей

В оном монастыре монахинь

Белицы, живущие по указу Его Сиятельства

Отдел II (1800-1872)

IV. Храмы и другие здания

A. Храмы

Б. Прочие здания внутри и вне монастыря

V. Достопримечательные церковные вещи

VI. Ризница

VII. Грамоты и древние акты

VIII. О чиноположении обители

IX. Краткий устав Тихвинской Борисовской девичей пустыни

О служении времени церковного чина

1

2

3

4

5

6

О должностях старейших сестёр

О должности настоятельницы

О должности казначеи

О должности ризничей

О должности церковной благочинной

О должности уставщицы

О должности пономарской

О должности просфирницы

О должности управляющей экономией

О должности странноприимницы

Дополнение к Уставу

1. О должном повиновении сестр к игумении

2. О еже како имети повиновение сёстрам между собою

3. Еже како всякой сестр внимати себе

X. Степень монастыря, число монашествующих

XI. Средства к содержанию монастыря в прежнее и настоящее время

А. Денежного жалованья

Б. Хлеба

Штатное положение, сколько ныне полагается иметь при Борисовском Тихвинском девичьем монастыре монахинь, священников, сторожей и скота, и на каком содержании

XII. Список Настоятельниц обители

Достопамятные старицы и сёстры Борисовской пустыни

Приложения

I. Генерал-Фельдмаршал Граф Борис Петрович Шереметев, и его дочь, Княгиня Наталия Долгорукая

II. Граф Петр Борисович Шереметев

III. Граф Николай Петрович Шереметев

IV. Графиня Прасковья Ивановна Шереметева

V. Граф Дмитрий Николаевич Шереметев

Боярин Петр Васильевич Шереметев

VI. Борисовская девичья Тихвинская пустынь

1

2

3

4

VII. Домик Петра I в Борисовке

«Принимать известных, а неведомых не принимать, также и рукодельных искать, чтобы тем обитель святая разширялася».

(Из Завета Графа Б. П. Шереметева 1714 года).

«Старатца таких иметь (Игуменью и Духовника), чтобы, от хорошего поведения начальных и от доброго жития монашествующих и служащих, монастырь был в почтении».

(Слова Графа П. Б. Шереметева из Указа Борисовскому Управляющему 1775 г.)

Предисловие

Борисовская Тихвинская девичья пустынь, будучи основана, по обету знаменитым сподвижником Петра Великого, Генерал-Фельдмаршалом Графом Борисом Петровичем Шереметевым, в кивоте знаменоносной иконе Тихвинской

Божией Матери, и в благодарное воспоминание о богодарованной Её всесильным заступлением славной Полтавской победе, имеет, таким образом, значение исторического памятника.

О значении сей обители в отношении духовном ясно свидетельствует уже одно то, что в ней в настоящее время, кроме монашествующих, находится до 300 насельниц, из коих немалое число принадлежит к дворянскому и купеческому сословиям.

Очаровательное местоположение в краю, нескудном первыми потребностями жизни, совершенная отдельность от селения, при видимой близости к нему, благоразумное начальство, избранное общество, во всем порядок и благочиние, чиноположение по правилам Св. Отец пустынножителей, церковная служба по Уставу, стройное и благоговейное пение, простое и единообразное одеяние, трудолюбие и добрые нравы, при возможности иметь духовное руководство, желающим с самого начала иноческого поприща идти спасительным путем послушания, смирения и отвержения своей воли и разума: вот совокупность внешних и внутренних причин, привлекающих на сию спасительную гору, к покрову Девы, преимущественно пред другими обителями, тех, которые, подобно Ноевой голубице, не обрели покоя ногами своими, среди молвы житейских попечений.

Представляя благосклонному вниманию почитателей обители «Краткое историческое описание Борисовской пустыни», составленное по имеющимся в её архиве письменным памятникам и устным преданиям стариц, прошу их покрыть Христианскою любовью погрешности моего труда, ради его цели. Она состоит в том, дабы, изобразив начало обители, отношение к ней её знаменитого основателя и его потомков, и постепенное, при их благодетельном усердии и попечительности Настоятельница, возрастание и процветание пустыни, принести тем самым, от лица всей обители, посильную дань благодарности её незабвенному покровителю, который, будучи верен завету своих благочестивых предков, постоянно благодетельствовал оной, и, содержа на полном своем иждивении штатное число монашествующих (30 человек), ограждал своим влиянием мирное пребывание в ней всех тех, которые избрали тихую

Борисовскую пустынь местом своих земных подвигов, из любви к небесному жениху своему, Христу.

В храмах сей обители ежедневно приносится бескровная жертва и воссылаются от многих уст и сердец тёплые мольбы ко Всевышнему о здравии и спасении находящихся в живых и о упокоении в вечном блаженстве преставившихся членов славного дома Графов Шереметевых.

Искренно веруем, что Господь, обещавший призреть на молитву смиренных и не унижить моления их, воздать и за чашу студеной воды, поданной ближнему во имя Его, не отринет мольбы Св. обители своей, и воздаст благотворителям оной блаженством милостивых, по слову своему: «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут!» (Мф.5:7), подвигнет и наследника недавно почившего Графа, Д. Н. Шереметева, по владению Борисовкою, продолжать покровительство Святой обители, воздвигнутой, благотворимой и благоустроенной благочестивым попечением его предков и родителей в особенности; если же удостоит её своего посещения, то лично удостоверится, что завет его деда, чтобы «монастырь был в почтении», вполне достигнут цветущим состоянием обители и её благоустройством внешним и внутренним.

Архимандрит Леонид

I. Местоположение обители

Не может град укрытись верху горы стоя (Мф.5:14)

Борисовская Тихвинская девичья заштатная пустынь находится Курской Губернии Грайворонского Уезда, от города Грайворона в 30, от Харькова в 75, от Курска в 120 и от Белгорода в 40 верстах. Обитель стоит на высокой горе, омываемой с юго-восточной стороны рекою Ворсклою; с вершины горы во все стороны открываются живописные, по истине, ненаглядные, виды. На востоке, под самую горою, которая имеет с сей стороны значительную впадину и оканчивается почти отвесным утёсом, похожим на стену, протекает излучистая река Ворскла, окаймлённая привольными лугами; на реке местами разбросаны маленькие островки, покрытые зеленью трав; на этих островках растут деревья, преимущественно верба, бросая тень и на светлую зелень и на зеркало вод. Смотрящему далее, вверх по реке, открывается пространство вёрст на 20, состоящее из лугов, полей и долин. Внизу под горою, вдоль

противоположного берега реки, привольно раскинулась слобода Борисовка, с населением слишком в 12,000 душ¹. В ней, кроме Успенского соборного храма, три приходских каменных церкви, дом Графского Вотчинного Правления с большим садом; кроме сего в слободе много хороших домиков, и вообще вся постройка её имеет привлекательную наружность, состоя из белых, обсаженных вербою, хат; обширное, окаймлённое зеленью, озеро посреди слободы увеличивает в целом красоту её вида. На северо-востоке рисуется над рекою гряда холмов разнообразного вида: одни из них покрыты только зеленью, другие мелким лесом и кустарником, иные большими деревьями. На скатах холмов и при их подошвах виднеются по местам сады, а в них белые хатки, так сказать, осыпанные цветами. Любя приволье, многие из Малороссиян селятся отдельно от слободы в прилежащих лесах и домиках, и живут уединенно как пустынники.

На севере и западе также видны горы и дебри, покрытые вековым дубовым лесом. Но особенно живописны виды на юго-запад от обители. Там, при подошве крутой горы, покрытой густым лесом, виднеются роскошные луга, прорезанные ручьями; по ним местами разбросаны кустарники и растут несколько развесистых дубов; между лугами извивается голубою лентою Ворскла, теряясь вдали, а за нею видна столбовая дорога, ведущая богомольцев из Белгорода, чрез Ахтырку и Лубны, в Киев.

Гора, на которой стоит монастырь, открыта с трёх сторон, и лишь с северной соединяется с грядою проходящих здесь холмов, как бы узким перешейком; оттого Борисовская пустынь далеко видна издали; возвышаясь над обширною слободою, как неусыпный молитвенный страж её благоденствия, она красуется издали как священный чертог, возводящий от дольних к горним тех, которые, живя в нём, по слову Апостола, «горняя мудрствуют, а не земная», и, услаждая свои взоры красотою природы видимой, простирают душу и помышление к тем невидимым красотам и благам, кои уготовал [Бог](#) любящим его, в явление славы своей.

Прежняя дорога к монастырю проходила через старый мост, на который (если ехать из Белгорода), поворачивали с главной Борисовской улицы, не доезжая соборной площади, мимо дома Вотчинного Правления с его садом. От моста

дорога идёт по дну глубокого оврага, среди двух рядов хат; ибо и сюда протянулся Борисовский посёл, избегая тесноты. Далее, подымаясь на гору, дорога лепится по скату того же глинистого, размытого дождями, оврага (что и составляет главную её неудобность), а по окончании подъёма, пролегая мимо сельского кладбища и Священнических усадеб, приводит прямо к воротам монастырской гостинницы, расположенной против Св. врат обители. Но дорога эта, хотя и кратчайшая, с некоторого времени оставлена, по неудобности подъёма; новая идёт на новый мост, наведённый через Ворсклу на юго-западной стороне обители. Пройдя почти чрез всю главную Борисовскую улицу, мимо двух церквей, и чрез соборную площадь, дорога эта поворачивает на мост почти под прямым углом против последней из Борисовских церквей – Михайловской. Таким образом, прежде чем вы доедете до обители, познакомитесь с Борисовской слободой и налюбуетесь видом монастыря, который особенно хорош с моста. С вершины горы смотрят на вас две церкви, а ниже их, по скату той же горы, видны два ряда келий с галереями и террасами, напоминающими посетителям Востока Афонские обители; между келиями видна кое-где зелень деревьев и кустарников, и всё это опоясано частью деревянною, а частью каменною, оградой.

Взгляните налево, там другие виды: берег реки покрыт лесом; у опушки его, близ самого моста, несколько хат, окружённых огородами, из-за тына которых видны подсолнечники, необходимая принадлежность каждого Малороссийского огорода и сада; прямо с моста отделяется полевая дорога, которая теряется в глубине леса; по левую сторону её, у опушки того же леса, сенокосная левада монастырская и Священническая; направо монастырский кирпичный завод, а за ним, у подошвы лесистых холмов видны хутора. Поднимаясь на гору по дороге, ведущей к монастырю, вы видите сперва, прямо перед собою, почти совершенно обнажённую гору, на которой растёт лишь несколько одиноких дубов; по ней вьётся лентой тропинка, теряющаяся на заднем склоне; другая тропинка пролегает по небольшой долине, которая отделяет эту гору от другого возвышения, по скату которого разведён монастырской сад. Ближайшая к дороге часть его, противу северо-западного угла обители, занята кладбищем. Сквозь лёгкую деревянную ограду вы видите часовню, окружённую

несколькими памятниками. Позади кладбища виден сад, его беседка, и далее, в глубине сада, развесистые дубы, выше кладбища огород; всё это обнесено лёгкой деревянной оградой. Поднявшись на гору увидите монастырскую гостинницу, здания, позади её, составляющие скотный двор и избы для сторожей, а по ту сторону гостинницы Священнические усадьбы.

Богомольцы, посещающие Борисовскую пустынь, большую часть по пути в Киев, подкрепясь телесно отдыхом и вкушением пищи на монастырской гостиннице², и усладясь духовно молитвою в благолепных храмах, долго любят красотами природы, рассыпанными вокруг щедрою рукою Создателя, а по сему и уносят с собою самое приятное впечатление об этой обители, называя её в своих рассказах: «земным раем». И не напрасно: очаровательное местоположение, при удобстве к тихой безмолвной жизни, ограждаемой изнутри порядком и благоустройством, а извне покровительством и влиянием её вельможного содержателя, делает эту обитель одним из надёжнейших пристанищ для ищущих спасения в удалении от мира и его соблазнов, и назидательною для посещающих её поклонников.

II. Предание об основании обители

Мы уже упомянули, что основателем Борисовской пустыни был знаменитый сподвижник Петра Великого, первый Русский Фельдмаршал³ из природных Русских, Граф Борис Петрович Шереметев. Он основал сию обитель в кивот знаменоносной иконе Тихвинской Божией Матери, в благодарное воспоминание о замечательнейшем событии той поры – битвы Полтавской, в которой, говоря словом церковной песни: «рог сильных изнеможе и немощствующии препоясашася силою». Победа эта, купленная дорогою ценою Русской крови, покрыла военною славою Петра, утвердила его в доверии к достоинствам и опытности своего полководца, вознаградила молодое Русское войско за поражение под Нарвою, и решила дальнейшую судьбу России и Швеции, находившихся в упорной кровопролитной войне между собою с 1700 года.

Предание повествует, что когда, по предложению Фельдмаршала, Государь решился дать Шведам генеральное сражение под Полтавою, то назначил оное на 26 Июня, то есть, в день, посвящённый Церкви празднованию явления чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери; а

благочестивый Фельдмаршал, имея особенную веру и усердие к сей Богородичной иконе, сопровождавшей его во всех его походах⁴, упросил Государя отсрочить битву на один день, желая почтить оный приличным празднованием Божией Матери, дабы, накануне решительной борьбы, которой должна была решиться судьба двух Царств, испросить себе и вверенному ему воинству молитвенный покров и заступление Царицы Небесной.

Упование не постыдило благочестивого военачальника: предводительствуя в достославный день Полтавской битвы центром Российской армии, находившейся под личным наблюдением самого Монарха, Борис Петрович отличился примерною храбростию, являлся в самых опасных местах, и испытал над собою очевидный знак небесного заступления; ибо, находясь в жесточайшем огне, остался невредим, даже и тогда, как пуля, пробив латы и платье, задела рубашку, выказавшуюся из-под расстёгнутого камзола⁵. У Государя также в сей достопамятный день была пробита пулею шляпа.

Обрадованные богодарованною победою, и относя как её, так и чудесное сохранение своей жизни, заступлению Божией Матери, «осенившей над главою их в день брани», Монарх и его полководец молебно праздновали день сей, «восписуя благодарственная Единой, имущей державу непобедимую». По свидетельству того же местного предания, на обширном пути из-под Полтавы, Монарх посетил своего полководца в любимой им Борисовке⁶, которая в то время, как новоустроенная, была ещё невелика и небогата постройкою. Державному гостю имела честь послужить для отдыха небольшая горница сельского (с дубовым столом и лавками) домика, благоговейно сохраняемого и до ныне владельцами Борисовки, в память высокого посетителя (см. ниже вид его и описание в Приложениях к сей книге).

Здесь-то Борис Петрович объявил Монарху сердечный обет, данный им, перед битвой Полтавской, Матери Божией, если останется победителем, основать в Борисовке, в честь чудотворной Тихвинской иконы, иноческую девическую обитель. Государь, одоблив сию благочестивую мысль своего Полководца, сам избрал место для построения обители. Он, как утверждает предание, обозревая, вместе с Фельдмаршалом, живописные окрестности Борисовки, обратил особое своё внимание на ту гору, которую занимает

ныне обитель, и, повелев сделать большой деревянный крест, собственноручно водрузил оный на вершине горы, назначая тем место то для церкви, во имя любимого им праздника – Преображения Господня, что по времени и было исполнено построением в ней тёплого храма сего наименования; главная же [церковь](#), согласно первоначальному намерению Графа Бориса Петровича, была устроена во имя Тихвинской Богоматери; от чего и самая обитель получила наименование Борисовской Тихвинской.

Всякий, кто посещал Борисовскую обитель, неоспоримо должен сознаться, что выбор для неё места делает честь вкусу Государя, указавшего оное.

Гора эта, будучи выше других, стоит отвесно над рекою, возвышаясь над нею как неприступная скала; она почти отделена от цепи проходящих здесь холмов: с юго-востока обтекает её река Ворскла, живая свидетельница славной битвы Полтавской; на противоположном берегу её привольно раскинута Борисовская слобода; на юге, под горою, расстилаются на дальнее пространство живописные луга, прорезанные ручьями. С запада горы и дебри, покрытые густым лесом; лишь с севера гора эта соединяется небольшим перешейком с грядою холмов, также покрытых лесом.

Взглянув на нерукотворную картину, открывающуюся взорам с вершины сей горы, тщетно самый взыскательный вкус стал бы искать в окрестностях Борисовки места более удобного и красивого для иноческой обители.

Итак, следуя благочестивому местному преданию, не заключающему в себе ничего сомнительного в связи с другими событиями того времени, обитель Борисовская, была основана по мысли, Графа Бориса Петровича Шереметева, подтверждённой согласием Монарха на месте, им самим избранном².

Началом обители послужила, по словам того же предания, деревянная часовня, построенная, как полагают, в 1711 году, в которую Граф Борис Петрович тогда же пожертвовал копию с принадлежащей ему знаменоносной иконы Тихвинской Богоматери, в сребропозлащённом окладе; часовня эта по времени была обращена в церковь во имя Тихвинской Божией Матери. Когда именно это случилось, неизвестно; но в Завете, писанном рукою самого

Фельдмаршала 1-го Января, 1714 года, где обитель Тихвинская называется новопостроенной, упоминается о церкви, и повелено «неотменно» в течение 1714 года пристроить к ней небольшую деревянную колокольню, по данному для сего чертежу. Теплая церковь во имя Преображения Господня, вероятно, построена в то же время, или несколько после (не позже 1719 года); об ней упоминается впервые в надписи на напрестольном Евангелии (см. ниже в описании ризницы).

Здесь оканчивается предание, и последующие события уже вступают в область Истории.

III. Историческое обозрение Борисовской Тихвинской пустыни

Историю обители можно разделить на два периода или отдела: первый от основания обители до увеличения в ней штата и назначения монашествующим безбедного содержания, то есть, от 1714 до 1800 года. В течение сего периода Борисовская пустынь представляется нам почти в том самом устройстве, которое она получила от своего основателя, без заметных улучшений и значительных перемен, как во внутреннем, так и во внешнем своём, положении, и даже подвергается опасности быть упраздненной вовсе. Второй период: со времени штатного положения 1800 года до наших времен, от 1800 до 1872 года: период постепенного возрастания и улучшений обители во всех частях внешнего и внутреннего управления.

Отдел I (1714-1800)

Первое письменное сведение о Борисовской пустыни составляет, так называемый, Завет, писанный собственною рукою Генерал-Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева. Этот драгоценный для обители акт есть безмолвный, но красноречивый, памятник Христианской любви и попечения о ней её приснопамятного основателя, и замечателен в биографическом отношении, потому что служить выражением нравственного характера одного из замечательнейших лиц нашей переходной поры (см. Краткую биографию Графа Бориса Петровича в приложениях к сей книге).

«1714 года, Января 1-го дня. Завет блаженной памяти Генерал-Фельдмаршала Графа Бориса Петровича

Шереметева о содержании монастыря девического, Тихвинской Пресвятой Владычицы Богородицы, на каковом основании оному быть и какую ругу производить, Его Высокографского Сиятельства властною рукою надписан, и много своею рукою изволил писать, который в Архиве слободы Борисовки между прочими делами, по листочкам в разных местах, едва собран, для бережи, чтоб от небрежения и совсем не утратился, отдан на сохранение в сей Богоматери монастырь, для вечного соблюдения потомству, который хранить за печатью в ризнице, на вечное поминовение имени Его Сиятельства»⁸.

«Января 1-го дня.

Завет или артикул, как содержать новопостроенную обитель в слободе Борисовке, нарицаемую Пресвятыя Богородицы Тихвинския

Иметь в той обители двенадцать сестер, третью на десять Игуменью, и все б старицы умели грамоте, кроме старухи, которая принята с крылошанкою, а прочие, которые иные обретаются в Борисовке, а крылоса править не умеют, тем отказать; а как зберутся все старицы, и им велеть меж себя выбрать в Игуменьи, кого Дух Святой изберёт, и бить челом Архиерею, чтобы её посвятил; ехать тот час неотлагательно к Архиерею⁹, и бить челом о Священнике-монахе, которому быть у них Духовником, и сделать ему келью в монастыре у Святых ворот с каморою и огородец малый, а у того Священника быть келейнику старому человеку и ведомому, доброго жития, а иным никаким мужчинам в монастыре отнюдь не быть, и мужчин, кроме Воскресных дней, к литургии не пускать; а кроме обедни, ни к вечерни, ни к заутрени, ни в какие дни отнюдь не пускать, и к свойственницам к черничкам и свойственных людей, кроме обедни, не пускать.

1714 года

Также в Пономарях, ни в Дьячках, ни на крылосе мужчинам не быть, а отправлять пономарство и на крылосах стоять черничкам, и таких прибирать, чтоб все умели читать и вспевать; также бы старочки не держали при себе хлопцов в кельях для учения грамоты, а кто похочет держать у себя в кельях девчин, для услуг и для ученья. И быть той Святой обители общине, и по вся дни сходится за трапезу, а не по

кельям есть; также из монастыря не только что куда отъехать, или пойтить, ни на рынок отнюдь не ходить без благословения Духовника и Игумены; ходить куда с благословением для покупок монастырских, или для каких нужд с благословения по две, с старою молодая, и нигде не ночевать и не в потребные дома и в шинки не входить отнюдь; а которые будут ходить без благословения, таковых смирать: класть под порог и шелепами бить и из обители вон высылать, а таковых отнюдь не держать, и другим соблазна не чинить, и регулу не нарушать; только быть в обители Святой воротнику одному, пастуху, водовозу, и всего того смотреть Шафару¹⁰, и выбрать Шафара миром, доброва и смиреннова, и набожнова, изо всех слобожан, и довольствовать ему, как положено в Инструкции ниже сего, как содержать Игуменью и с сёстрами в каком довольстве, а что надобно, иметь у Комендантов, кто будет в Борисовке, а ему, Коменданту, по сему моему Указу, не ожидаючи иного Указу и не описываячи ко мне, исполнять без всякия волокиты, и не чинить им ни малые вспоны¹¹.

Реестр, что надлежит по сему моему предложению им, законницам, давать денежной руги, и какову иметь трапезу с предбудущего 1714 года

Игумены на год по три рубли. Крылошанкам и Пономарю и всем 12 человекам по два рубли, да в четвёртый год давать по десять овчин неделаных. Трапеза поставляется в Воскресные дни: по два полумеска рыбы, какая случится; в скоромные дни: каша с маслом, пироги с сыром, борщ с забелю, или какая ярина¹², квас всегда с перемешкою¹³; в посты во все четыре и в мясоед в понедельник, в среду, в пяток, отнюдь не ставить никакой рыбы, но только борщ и ярина, а в прочие дни во все с алеем¹⁴ по три стравы¹⁵, чтоб были довольны; а в праздник на Живоносное Христово Воскресение и на всю неделю рыба, и яйца, и масло, по четыре стравы, пива и мёду давать по порции, а вина отнюдь не только давать, ни в кельях не держать и в монастырь не вносить, а кто внесёт, на таких иметь штраф и бить нещадно.

Да им же в монастырь (дать) пять коров, двенадцать овец, два барана, две лошади. А воротнику, и пастуху, и келейнику Духовникову давать на свиты по рублю, да в третий год по шубе, а питаться им тем же, что и старицы, а на все выше

писанные расходы держать Прикащику деньги из моих наличных доходов; а хлеб и прочее, какой мой хлеб собирается, выдавать по вся года без задержания; только тово ему, Коменданту, смотреть накрепко, чтоб лишнево не шло на сторону и прихожим моим не делилися, только б сами довольствовались, и доверить ему, Коменданту, что будет хлеба на день расходится и на квас, и что в год с рыбою, с мёдом и с пивом в указные дни изойдёт.

На две лошади, кои им даны, давать по вся годы на шесть месяцев овса по пяти четвертей, и смотреть тово, чтоб давано было тем лошадям по расположению, чтоб им стало та пять четвертей на шесть месяцев, с Октября по Апрель месяц, а в иные месяцы летние не давать; а пяти коровам и тринадцати овцам и вышеписанным лошадям чтоб было без нужды, отвести пожню и косить миром, а в монастырь привезти вдруг миром же и скласть хорошенько, чтоб не погноить. Сделать две коляски, и отдать им, ежели куда понадобится ехать Духовнику, или Игуменья, или куда пошлет старицу Игуменья, и два хомута дать ременные не гнусные и вожжи воровенничие, чтоб не гнусно было ехать. Также в зиму выше писанной скотине сколько по потребу будет надобно соломы, собирать с громады и отдавать безволокитно. Кухарку и кому хлебы печь и прачку выбрать из тех же из двенадцати стариц, ково они изберут; им же дать три скатерти на стол, за которым могут все усесться, да пятнадцать полумесок каменных, двадцать тарелок деревянных, две солонки оловянных, горшков давать с потребу, три жбана, в чём носят квас, шесть стаканов стеклянных, чем пить; а ножи и ложки, салфетки иметь свои, квашню и чем покрывать, и чашу, в чём хлебы мешать, дать же, а хлебы печь такие, чтоб хлеб четырёх сестрам был, а не большие, соли давать с потребу.

А сходиться всем за трапезу в одну келью, докуля будет особливая келья построена; и построить келью на весну неотлагательно с пекарнею и кухнею, где место назначено и каков чертёж дан, также построить колокольню небольшую, каков дан образ ниже сего, сделать било по обычаю монастырскому, и выбрать будильницу, и смотреть тово накрепко Коменданту и Шафару, чтоб чин был монастырской и всякое благочиние и смирение; а паче ж, чтоб из монастыря без благословения не выходили отнюдь; а если кто из них явится дерзкая, и таких, не описавшись ко мне, с наказанием

высылать вон с нечестью, чтоб иным неповадно было; а которые будут высланы, в то место принимать грамотных, которые б могли крылос держать и читать; и принимать известных, а неведомых не принимать, также и рукодельных искать, чтоб тем обитель святая расширялася. По все воскресные дни и по Господским праздникам и Богородичным ходить по церкви и собирать, кто что даст, и те сборные деньги собирать целый год; как год минет и Шафару с Комендантом при Игуменьи те деньги вынуть, и держать на монастырские потребы и на выше писанные скатерти и всякую столовую посуду и на кухню, чтоб теми деньгами удовольствоваться, а не из казны иметь; а будет же сбору больши, а за выше писанным расходом станет оставаться, то употреблять на свечи, на ладон и на церковное всякое украшение. А будет кто станет молебны петь, и на сорокоусты давать, или на монастырь милостыню, также собирать в ящик погодно, и как год минет, по тому ж распечатовать, и Коменданту с Шафаром и с Игуменьею разделить половину всего сбора Духовнику, а из другой половины третью часть Игуменьи, а достальные крылошанкам с прибавкою и Пономарю, а другим по чему достанется, чтоб никто из них обижен не был.

Духовнику на платье на год давать денег по пяти рублѣв, а пища, что будут сѣстры есть; да сверх пяти рублѣв давать ему в день Пресвятыя Богородицы Тихвинския восемь алтын две деньги, на праздник Ангела моего, Бориса и Глеба, три алтына две деньги; на Ангел жены моей, тако ж сына Михаила, сына Петра, дочери Анны Борисовны, по три алтына по две деньги. На праздник Светлого Христова Воскресения и Рождества Христова ж по две гривны; и того четыре гривны. Две субботы вселенские бывают в год, по восемь алтын две деньги на панихиду, и петь панихиду большую, а по все субботы, чтоб были панихиды малые, а в прочие дни, когда будет служба, были бы литии. Сделать книги, что всегда будет расходиться денег, хлеба, и положить, что всего надобит по цене.

Чтобы в Воскресные дни и в субботу, в пятницу и в среду были литургии; будет не может во всю неделю, по все субботы были б, меж утрени и литургии, Акафисты Пресвятыя Богородицы. На литургии поминать за упокой: Боярина Василия¹⁶, иноку схимницу Евпраксию, Боярина Петра¹⁷, Боярыню Анну¹⁸, Боярина Василия, Боярыню

Параскеву, Боярыню Евдокию и чад её¹⁹, Боярина Петра и Грипену. Воскресные дни петь молебны о здравии: Боярина Бориса, Боярыни Анны, Михаила, Евдокии и чад их; младенца Петра, Анны и чад её, Боярыни Марфы и чад ее, Князя Иакова, Александра, Князя Петра, Луки, Василиа²⁰, и всех Православных Христиан».

Подлинная по склейкам была подписана (в начале): «Января 1-го дня 1714 года» ... (в конце): «рукою властною Борис Шереметев».

Приписка: Ещё в пополнение штата писанным пунктам, когда будет праздник Пресвятыя Богородицы Тихвинския, праздновать и петь всенощные и ходить со всеми Священники с процессиею и соборне молебствовать, и кто будет приходящих молебщиков, уготовать им трапезу и кормить в трапезе с мёдом и с пивом довольно: водки бы отнюдь не было; стариц выпускать из монастыря словом (?)²¹ на Рождество Христово, на Воскресение Христово, на утрия Тихвинския Богородицы со святынею, и что дадут мирские люди деньгами, наделять им по рукам, а что хлебова, или что иное, то иметь в общину, а по рукам не давать.

Сделать по четыре ризы с четырьмя подризниками с отделкою обыкновенною, белые шитые; поручи шитые, красной шёлк золотом.

Подвоскресные ризы шить одним шёлком; по две дневные выбойчатые белые; под панихидные чёрные, белые ж с чёрным шёлком. Дать в монастырь три топора».

Завет сей служит лучшим подтверждением справедливости выше писанного предания о начале обители; ибо из него легко можно усмотреть, что основание обители не было делом случайным, или, говоря языком светских писателей, фантазиею, прихотью богатого и щедрого Вельможи. Нет, прочтите внимательно сей Завет, и вы убедитесь, что для того, кто писал его, это было дело глубоко обдуманного сердечного совета возданием Божию – Богови, по данному обету. Кроме уважения к предпринимаемому делу, здесь видны заботливое внимание и любовь, от которых не ускользнули и малейшие подробности быта тех, кого позовёт Господь на служение в создаваемую обитель. По Христианскому смирению, считая себя лишь орудием Промысла Божия, благочестивый основатель не взял на себя

даже права избрать Начальницу для основанной им обители: «а как сберутся все старицы, пишет он в своём Завете, и им велеть меж себя выбрать в Игуменьи, ково Дух Святой изберёт, и бить челом Архиерею, чтоб её посвятил». Какой замечательный урок нынешним благотворителям, которые иногда, пожертвовав Бога ради небольшую сумму на какую-либо монастырскую потребу, домогаются, чтобы она была исполнена непременно по их указанию, плану или проекту, считая всякое благое в нём изменение за личную себе обиду.

За то и начинание, основанием которому послужило столь любимое Господом чувство, было утверждено благословением свыше, и по слову Псалмопевца: «Пустыня процвела яко крин». Рассматривая Завет сей, мы видим, что к 1 Января, 1714 года, Борисовская обитель находилась в следующем виде: Монастырь, занимая небольшое пространство, в длину и ширину не более 20 сажен, кругом был обнесён деревянною оградой. В нём было две церкви: одна летняя, холодная, во имя Тихвинския Божия Матери, в которой помещался и список с сей чудотворной иконы в сребропозлащённой ризе, пожертвованной основателем обители на благословение и утверждение её; вскоре и сия икона, по смотрению Божию, прославилась знамением благодати Божией, и в монастырской описи 1799 года она уже прямо именуется «чудотворною», и исчисляется до 50-ти привесов к ней, в память различных исцелений (см. ниже), от неё бывших.

Вторая церковь во имя Преображения Господня, тоже деревянная, тёплая. О существовании сей церкви в самые первые годы обители видно из собственноручной надписи Графа Бориса Петровича на напрестольном Евангелии (см. ниже при описании ризницы); в том же 1714 году велено было, по данному самим Графом чертежу, «неотлагательно» построить небольшую колокольню и трапезную келию с пекарнею и кухнею.

В новопостроенной обители учреждена, по воле её основателя, община, то есть, общая трапеза, на его иждивении, и сделана подробная роспись, в какие дни что должно быть поставляемо на ней. Обитель на первый раз снабжена всем необходимым для нового своего хозяйства; даже предусмотрены и будущие потребности. Заботы о вещественном довольстве общины возложены на доверенных

людей: Коменданта (Управляющего) Борисовки и Шафара (Эконома), выбираемого миром из слобожан. Озаботившись главным образом о вещественном обеспечении новоустроенной обители в отношении заведения, благочиния и порядка внутреннего, мудрый основатель, не стесняя ни в чём власти Настоятельницы и обязанности Духовника, по праву ктитора, в своём Завете указал им лишь в главных чертах на те правила, которые по общему взгляду необходимы для благоустроенного общежития иноческого, оградив исполнение их мерами строгости, внушёнными духом того времени. Основанием сих правил служат: послушание, необходимо соединённое с отсечением своей воли и разума, смиренная и трудолюбивая жизнь, простота и умеренность в пище и одежде, или сокращённо выражаясь словами самого основателя: «чтобы чин был монастырский и всякое благочиние и смирение», а иметь за сим «крепкий надзор» было поручено также Коменданту и Шафару.

Но, выражая в своём Завете желание, чтобы новоустроенная Св. обитель «расширялась», благочестивый основатель, конечно, не мог тогда предвидеть, что сам же он положил препятствие такому расширению учреждением общей трапезы с ограничением оной строгим запрещением не только отдельно не готовить, но и не держать по келиям никакой пищи. Это запрещение хотя и не могло быть исполняемо в точности, но пока учреждение общины имело силу закона в глазах содержателей обители, оно было главным препятствием её расширению; ибо, при общей трапезе, поставляемой лишь на 13 человек, и при выше упомянутом запрещении, нельзя было принимать на искус желающих, ни на общее монастырское, ни на собственное своё, содержание, и чрез то обитель была лишена одного из существенных условий для своего расширения и процветания: не имела возможности постепенно возвращать и воспитывать духовно у себя и для себя будущих чад своих. Мы ещё должны будем возвратиться к сему предмету, а теперь продолжим рассказ наш. Устное предание называет первую Настоятельницею обители в сане Игуменском старицу Иустину, в просторечии Устинью; вторую – Иулианию Данилевскую. Но сколько времени продолжалось настоятельство каждой, и чем особенно ознаменовано было, сведений о сём нет. Общежитие, как мы уже видели, по воле основателя, состояло из 12 стариц, кроме Игуменьи. Имена

первых насельниц обители, к сожалению, неизвестны. Первым духовником был Иеромонах, который, после кончины его, последовавшей в 1719 году, по распоряжению местного Архиепископа, был заменён белым Священником.

В Декабре 1714 года Фельдмаршал, будучи позван Государём в Петербург, сам того не зная, простился навсегда с Украиной и с своей любимой Борисовкой, где он провёл самые тихие годы своей жизни, отдыхая в своей семье на свежих ещё лаврах, будучи любим и почитаем от всех, его окружающих и подвластных за благодеяния, щедро им излитые на Украину, в пределах которой, как замечает его жизнеописатель, Граф «с юных лет обращался и оказывал всегда Малороссиянам в справедливых их требованиях благосклонное приятие».

В следующем 1715 году Граф получил приказание ехать к армии и, прибыв к полкам, поспешить с ними в Померанию, куда, по обстоятельствам, прибыли они не прежде весны 1716 года, зазимовав в Польше. 8-го Апреля, 1716 года, было совершено бракосочетание Государыни Цесаревны Екатерины Иоанновны с Герцогом Мекленбургским, при котором присутствовал и Фельдмаршал со всем Генералитетом (см. выше упомянутое его жизнеописание). Мы упомянули здесь о сём обстоятельстве лишь потому, что с ним имеет связь последнее известное нам распоряжение Графа, относящееся к основанной им Борисовской Тихвинской пустыни. Приводим здесь в подлиннике этот любопытный документ, отысканный в Борисовском Вотчинном Правлении:

«От Графа и Кавалера Генерал-Фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Указ мой, собственной руки моей, в слободу мою Борисовку, Коменданту моему Степану Перяшнику и Громаде и всей Старшине: Как сей мой Указ получишь, и Её Величества Государыни Цесаревны и Великой Княгини Екатерины Ивановны Горнея Её Францимирка²², девица Марья Фёдоровна, Шветка, прибудет в Борисовку, прими её с честью великою и с удовольствием великим. А она, девица, от Её величества отпущена с милостию, по желанию её постричься, и будет она пожелает в монастырь Тихвинской Богородицы постричься, призови Архимандрита благословения Архиепископа, Митрополита Белогородского и Обоянского, и постригите её, с обыкновенною церемониею, и

кто будет на пострижении, каких властей и Священников, всем уготовь трапезу со всяким удовольствием, моим коштом, со всякою довольностию и с почтением, и сыщи ей келейницу добрую и звычайную, и грамотную, также чево не будет у тебя требовать, каких припасов для своего она обиходу и келейницы её, не описываячи ко мне, во всём довольствуй, чтобы ничем не была скудна; а которой драгун с нею послан в провожатых, вели ему быть в Борисовке до Указу, и дать ему хлеб и жалованья из моей суммы, чтоб он не был по препорции своей и окладу скуден. А ежели она, девица, пожелает ехать к Москве, отпусти её с честью²³, и того драгуна с нею, и удовольствуй на дорогу всем, что потребно будет, со всяким довольством; а ежели она пострижется в том Тихвинском монастыре, попроси Игуменью и наместницы и уставщицы, чтобы к ней имели снисхождение и почтение и удовольствие перед других сестёр; а будет же Андрей Семенович Бахрастов (Бухвостов?) с тою девицею прибудет в Борисовку, особливую ему учини честь и довольство; ибо он zostает в милости Государыни Цесаревны и мне друг добрый, и как он похочет ехать к Москве, проводи его сам до Белгорода, и дай ему подводку, на чём надо быть до Белгорода, и что ему будет в дорогу потребно. Также я послал письмо Преосвященному Митрополиту о пострижении выше именованой девицы, и то мое письмо вручи ему, Архиеерею Божию; пиши и мне, что по сем учинится, и о тамошнем состоянии, как моя состоит слобода хранима Богом и Пресвятою Божиею Матерью.

Отпущен сей Указ из Мелной сури, из места Шгкирина²⁴ Декабря 13 дня, рука властная моя».

Апреля в 13 день подал Указ Андрей Бухвостов 1717 году».

Новоустроенной обители уже не суждено было более видеть своего знаменитого основателя: он скончался мирною Христианскою кончиною 17-го Февраля, 1719 года, от водяной болезни, проводя последний год своей жизни в Москве, приготавливаясь к переходу в вечность подвигами Христианского милосердия, прославившими имя его ещё более, нежели известные всему свету его военные доблести. Судя по словам жизнеописателя Фельдмаршала, что он в Завещании своём «наипаче щедрым показал себя подаянием в монастыри и церкви», надобно полагать, что при этом Граф конечно не забыл и о Борисовской пустыни²⁵. Хотя нам и неизвестно, что именно сказано о ней в его духовном

Завещании, но, судя по вниманию, которое, как увидим ниже, оказывал обители наследник Графа и владелец Борисовки, сын его, Граф Петр Борисович, надобно предполагать, что Фельдмаршал, в лице его, обязал своих потомков поддерживать и снабжать основанную им обитель. Он назначил и место погребения тела своего в Киевопечерской Лавре, «желая, как говорит его жизнеописатель, хотя по кончине своей опочить там, где при жизни своей жительства не получил»; ибо встретил непреодолимое препятствие сему в особе Государя, который желал навсегда удержать его предводителем своих войск, «взирая на лишение толикого мужа, яко на невозвратную потерю». Чувствуя особенное сердечное влечение к Киеву и его святыне²⁶, и основывая в своём любимом поместье обитель для инокинь, мог ли Борис Петрович предполагать, что, впоследствии времени, девичья обитель столь любимого им Киева, как бы вознаграждая его любовь к званию иноческому, гостеприимно примет испытанную, по воле Промысла, многими скорбями и лишениями дочь его, добродетельнейшую Наталию (Княгиню Наталию Борисовну Долгорукую, родившуюся в год основания обители 17 Января, 1714 года), и успокоит её у себя под именем старицы Нектарии (ск. в 1771 году, см. ниже биографию её в приложениях к сей книге). А Киево-Печерская Лавра, вместо тяготевшего к ней любвию отца, дала у себя приют сперва праху его старшего сына, Михаила Борисовича (сконч. 1714 года), потом внука (сына Наталии Борисовны, Князя Дмитрия), и наконец выше упомянутой дочери, старице Нектарии? Кто не задумается над сим, конечно, не случайным стечением обстоятельств? Ибо Христианин знает и верует, что в Божьем мире нет ничего случайного, а всё делается по благоволению или по попущению Промысла Божия.

По кончине Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева наследником недвижимых имений, согласно его духовному Завещанию, сделался старший сын его (от второго брака, Граф Петр Борисович (1719–1789). Следуя завету своего благочестивого родителя, он не забывал основанной им обители, и в течение всей своей жизни оказывал заботливое внимание о поддержании в ней внутреннего и внешнего благоустройства.

Так, в 1759 году, взамен первого малого храма во имя Тихвинской Божией Матери, по ветхости и

невместительности оно́го, при пособии Графа основан новый деревянный храм на том же самом месте²⁷. Храм этот отстроен и освящён в 1775 году Ноября 1-го дня, в Воскресный день Преосвященным Агеем, Епископом Белогородским и Обоянским, при Игуменьи Ксении, старанием управителя Борисовского Герасима Прокофьева.

Мы уже видели, что определённый, по воле основателя обители, Духовником в сию обитель Иеромонах скончался ещё в 1719 году; на место его Белоградский Архиерей определил белого Священника, которому Граф приказал выстроить за монастырём домик и назначил выдавать денежного жалованья в год 10 рублей, хлеба 8 четвертей, соли 1 пуд. Но как одному Священнику невозможно было служить повседневно, то Преосвященный, желая, чтобы в сей пустыне сходно с другими была ежедневная служба, в 1742 году определил в оную другого Священника. По просьбе сих Священников в 1763 году супруга Петра Борисовича, Графиня Варвара Алексеевна, изустно приказала выдавать и второму Священнику такое ж жалованье, как и первому, т.е., деньгами по 10 рублёв, хлебных запасов каждому: муки аржаной по 4, ржи по тому ж, пшеницы по одной, пшена по одной же, всего по 10 четвертей, соли по пуду.

В 1764 году, вследствие учреждения о духовных штатах, последовал, между прочими распоряжениями, Высочайший Указ, чтобы из тех монастырей и пустынь, при которых нет крестьян, переводить монашествующих в другие монастыри, которые состоят в штатах. Почему Преосвященный Порфирий, Епископ Белоградский, объявил прикащику Борисовской слободы, Андрею Казакееву, что он, в силу этого Указа, должен будет упразднить и Борисовскую пустынь, а находящихся в ней монахинь перевести в другие штатные монастыри; если же Графу Петру Борисовичу угодно, чтобы монастырь, основанный его родителем, остался на прежнем основании, то не благоугодно ли будет ему «о бытии и не нарушении оно́го просить в Святейшем Синоде».

По докладе о сем Графу, он велел своей Домовой Конторе послать в Борисовку Указ, с известием, что Тихвинский монастырь будет, как и прежде, содержаться коштом Его Сиятельства, и о «бытии и ненарушении оно́го» приказано просить письменно Преосвященного Порфирия, и какой на сие последует от него ответ, немедленно отписать. Ответ

Преосвященного Порфирия нам неизвестен, но известно, что монастырь остался на прежнем основании.

Распоряжения последующих годов показывают, что Граф с этого времени обратил особенное внимание на состояние обители: так, по Указу Домовой Канцелярии, от 10 Января, 1770 года, к тому же прикащику Андрею Казакееву, потребована была от него обстоятельная ведомость: сколько находилось в то время в Тихвинском монастыре монахинь, белиц и Священников, и нет ли куды выбывших из положенного по штату числа, и какая по Указам за подписанием Его Сиятельства руки определена руга, вся ли в выдачу производится сполна, и ежели не вся, на который год и почему не выдана, и ту ведомость велено прислать в Домовую Канцелярию «в самой скорости».

Далее в 1774 году Граф Петр Борисович потребовал к себе из Борисовки от прикащика своего, Герасима Прокофьева, копию с Завета своего родителя и, основываясь на донесении упомянутого прикащика, что «предписанное содержание и порядок не по тому положению исполняется»²⁸, послал ему за своею подписью Указ следующего содержания: «В слободу Борисовку прикащику Герасиму Прокофьеву. При отписке от 18 Декабря, 1774 года, прислана от тебя копия с завещания батюшкина о построении в Борисовке девичьего Тихвинского монастыря, о содержании оного и о благочинии жительствующих монахинь, а при том пишешь, что предписанное содержание и порядок не по тому положению исполняется, и о том ты требовал подтверждения; а как мною из того усмотрено, что порядок благочиния и содержание монахинь в том завещании описан по самым лучшим правилам, чего ради в нём переменять ничего отнюдь не должно, а содержать то всё предание, с каким намерением оной монастырь устроен, не отступая от предписанного устава, чтоб и малым ослаблением не давать случая к большой неблагопристойности, и как весь порядок внутреннего всегдашнего смотрения зависит от Игуменьи и Духовника, то надлежит, чтоб они были жития доброго, в чём стараться таких иметь, чтоб от хорошего поведения в начальных, и от доброго жития монашествующих и служащих, монастырь был в почтении; в пополнение же оного (завещания) в представляемой им трапезе в Воскресные и праздничные дни прибавить ещё по одному блюду рыбы, а в посты прибавлять кашу с грибами, чтоб они

были довольны, а жалованье за благочинное их житие выдавать Игуменьи по пяти рублёв, монахиням по три, Духовнику по пяти рублёв в год, чтоб они одеты были благопристойно, в прочем во всём, чего против положенного ныне недостает, снабдить оной монастырь, как предписано в уставе, и в обряде ничем не отступать, и то подлинное завещание хранить, чтоб было не утрачено и не истлело, а в монастыре положить копию, чтоб Игуменья и Духовник о учреждении и о всём уставе выдали и по тому поступали. В подлинном подписано:

Граф Петр Шереметев. Марта 10-го дня, 1775 года».

Новый прикащик Борисовской слободы, поступивший на место упомянутого выше, Герасима Прокофьева, донёс в Домовую Графскую Контору, что, по наезде его в Борисовскую слободу на приказ (т.е., при поступлении в должность), 1783 года, в Борисовском Тихвинском монастыре Игуменьи (вероятно упоминаемой под 1775 г., Ксении), в нём уже не имелось, а находилась только одна Начальница, Нимфодора Данилевская, и при ней в штате постриженных монахинь, умеющих грамоте и пению, четыре, не знающих пения, но грамотных, три, да определённых, по силе Указов Его Сиятельства, на жительство две женщины, обучавшихся грамоте девок три; а в 1784 году, 12 Января и 20 Мая, из упомянутых монахинь Нимфодора Данилевская, которая, по витиеватому выражению прикащика «между всех была благопристойнством лучшая», и монахиня Елисавета Ворожейкина, померли, и затем состоит в наличности: определённых монахинь постриженных 6, обучившихся грамоте девок 3, определённых вдов 2, всех 11, а кто оне именами и прозваниями, и кто в какой должности находится, о том приложил к своему донесению ведомость, прося: не повелено ль будет по силе прежнего Графского Указа, чтобы монастырь содержался во всём, согласно завещанию его покойного родителя, просить Преосвященного Аггея, Епископа Белоградского, о определении на имеющуюся вакансию Игуменьи и о пострижении недостающего до штату числа монахинь.

В ответ на это донесение последовал из Домовой Графской Канцелярии прикащику Указ, в котором сказано, что на докладе о сём Его Сиятельству, Граф Государь соизволил указать: «Как об определении в оной монастырь Игуменьи, так и о пострижении в полное число по штату монахинь Его

Преосвященство просить, что тебе и исполнить»; при чём накрепко подтверждается прежний Графский Указ 1775 года в следующих выражениях: «порядок же содержания того монастыря иметь во всей точности так, как в выше писанном Завете покойного Графа Бориса Петровича предписано, которое писанное рукою Его Сиятельства находится в слободе Борисовке, и что против положения недостает, снабдевать непременно». Из монастырских бумаг видно, что вследствие этого Указа начальницею Борисовской Тихвинской пустыни, по воле Преосвященного, назначена того же монастыря монахиня Александра Шарова (или по др. Шарой), но в котором именно году последовало это назначение, не видно. Она управляла обителью до 1793 года; вероятно, в то же время были пострижены в число штатных монахинь и три упоминаемые в донесении прикащика послушницы.

Из сих двух Указов очевидно, что Граф Петр Борисович с своей стороны обращал должное внимание на состояние обители, но, не имея возможности лично вникнуть в духовные её потребности, не зная её местных, так сказать, домашних нужд и причин, почему она, согласно желанию его родителя не расширялася, он естественно должен был смотреть на её состояние и основывать свои действия в её пользу единственно на донесениях Борисовских прикащиков, которые, как мы видели, были кратки и не сопровождались необходимыми для уразумения дела пояснениями; начальницы, как видно, не имели надлежащего значения, и вообще в то время не было в обители лица, которое бы могло объяснить Графу, хотя письменно, ясно всеми сознаваемую и чувствуемую стеснительность для неё того учреждения, которое, при других обстоятельствах, бывает благотельным, разумею общину²⁹ или общую трапезу, ограниченную строгим запрещением не готовить и не держать по кельям никакой пищи; а через это нельзя было принимать на искус послушниц для послужения немощным и облегчения общих монастырских трудов, и вместе для приготовления их самих к занятию монашеских вакансий, без чего не может обойтись ни один благоустроенный монастырь. И так, учреждение это, доселе колебавшееся, вследствие двух выше приведённых Графских Указов, к общему стеснению и неудовольствию, получило новую обязательность и силу для обители и, как мы полагаем,

держалось с некоторыми неизбежными ограничениями и отступлениями, до самого коренного преобразования, произведённого в монастырском быту штатным положением 1800 года, которое, вместе с новым чиноположением или уставом 1822 года, положило прочное основание внешнему и внутреннему благоустройству Борисовской пустыни. Краткие монастырские записки рассказывают ход этого дела несколько иначе; а как оно даёт особый характер всему настоящему периоду или отделу, то не излишним считаем рассмотреть и это показание и сказать о нём наше мнение.

В упомянутых записках повествуется о сей общине так: «Сколь ни душеспасителен казался устав общежития (учреждённого основателем), но здесь (т.е., в Борисовской пустыни) он с течением времени сделался невозможным для точного исполнения; ибо вся обитель состояла из 12 сестёр, на которых лежали все почти послушания, как церковные: пение, чтение, пономарство, так и общежительные (хозяйственные): печение хлебов, приготовление пищи, мытьё белья и проч.; словом, все обязанности лежали на столь малом числе сестёр, из которых некоторые, по времени состарившись, ослабели, и не только что не в силах были служить общине, но и сами требовали услуги других. По сему необходимо было принимать, сверх положенного штатного числа 12-ти монахинь, послушниц, которые бы, разделяя общие монастырские труды и служа немощным старицам, научались между тем от них монашескому образу жизни, а после смерти монахинь заняли бы их штатные места; желающих поступить на искуc было много, а принимать их неудобно; ибо общая трапеза (зависевшая, по Завету основателя от внешних доверенных распорядителей) поставлялась только на 12 человек, а по кельям не только готовить, а даже и держать пищу, тем же Заветом строго воспрещалось; а потому, хотя в числе желающих поступить в монастырь были и такие, которые могли бы содержаться до поступления в штат и на свой собственный кошт, пособиями родственников, но, по силе упомянутого запрещения, принять их было неудобно». К этим обстоятельствам надобно ещё присовокупить, что с 1742 года, по усмотрению Белогородского Архиерея, была установлена в монастыре ежедневная служба, для чего и определён в него другой Священник. Через это учреждение круг обязанностей и занятий монашествующих увеличился, а число сестёр

оставалось то же самое. Надобно также заметить, что управление общежитием требует от Настоятельницы особенных, не всякому свойственных, способностей к хозяйству, дабы все были успокоены её попечением и не произошёл ропот, неизбежный при недостаточестве, происходящем от очевидного для всех неблагоразумного или нераспорядительного управления общим хозяйством; следовательно, учреждение общины, будучи обременительным для сестёр, не могло не быть тягостным и для Настоятельницы; притом, хозяйственное попечение о нуждах обители, по Завету основателя, было возложено главным образом на Коменданта Борисовки (управляющего), а посредником между им и обителью был Шафар из слобожан (должность, соответствующая Эконому); естественно, что Шафар мог действовать не всегда с одинаковым усердием и старанием, и через то или отягощал обитель своим нерадением, или сам обременялся своею обязанностию; отсюда могли выходить неудовольствия; Комендант должен был разбирать их, и не мог не отягощаться сам, имея множество иных дел по управлению большим имением. Вот совокупность причин, по которым строгие правила общины постепенно ослаблялись и наконец самое учреждение пришло в упадок; управляющие, коим был поручен надзор за порядком, по сказанному выше, сами способствовали этому, и дело, вероятно, началось с того, что они, желая устранить от себя излишние хлопоты и избежать неудовольствий, с ними сопряжённых, стали сперва отдавать положенное по регуле число хлебных запасов в полное распоряжение Настоятельницы в несколько сроков, а она, по выше упомянутым причинам, уступая необходимости, стала делить их по равной части на каждую из сестёр. Мы видели, что Граф Петр Борисович, по дошедшим до него сведениям, о ослаблении правил общежительного устава его родителя, двукратно подтверждал, чтобы вообще Завет сей сохранялся нерушимо, а прибавление по Указу 1770 года блюда рыбы в Воскресные дни и каша с грибами в дни постные, показывает, что общая трапеза не была ещё уничтожена в то время никаким официальным распоряжением содержателя обители. Далее, в 1784 году, при возникшем со стороны нового управляющего вопросе о назначении новой Настоятельницы на место умершей, и о добавлении недостающего до штатного числа монахинь, Граф вторично

подтвердил, чтобы Завет его родителя соблюдался во всей своей силе; но вскоре, а именно в 1788 году, Граф Петр Борисович скончался. Вот на каком основании мы заключаем, что община при нём, хотя может быть и не существовала на деле, но ещё не была уничтожена никаким официальным с его стороны распоряжением. Последняя часть рассказа монастырских записок состоит в том, что будто Игуменья (какая, неизвестно), видя неудобство общины, по согласию с сёстрами, вошла о сем с представлением к Графу (к которому, не упомянуто, но по ходу рассказа, очевидно, подразумевается здесь Граф Петр Борисович), и будто бы он беспрекословно согласился отменить сие учреждение, приказав выдавать денежное и хлебное жалованье каждой монахине порознь, в следующем размере: «Игуменьи жалованья по 35 рублёв в год, а монахиням по 17 р.; дров Игуменьи по 4 сажени, а монахиням по 2, хлебных запасов Игуменьи: ржаной муки по 4 четверти, круп по 4 четверика, солоду по 2 четверика; а монахиням муки 3 четверти, круп 3 четверика, солоду 1 четверик. Не зная, откуда заимствован монастырскими записками это любопытное сведение, мы, по выше приведённым причинам, относим его к последнему десятилетию XVIII столетия, то есть, ко времени Графа Николая Петровича, тем более, что в 1789 году (уже по кончине Графа Петра Борисовича), согласно общим Правительственным распоряжениям, штат обители сократился до 7 человек вместе с Настоятельницею, а следовательно ещё неудобнее было для такого малого числа сестёр исполнять обязанности, налагаемые общежительным уставом, не имея при том возможности принимать в своё сожитие желающих сверх штата на общее, или на своё собственное, содержание. Да и самая прибавка жалованья вдруг из 5 рублей на 35 Игуменьи, и из 3 на 17 монахиням, кажется нам не последовательною, если относить это изменение ко времени Графа Петра Борисовича между 1775–1789 г.³⁰. Итак, не отвергая вовсе возможности такого события, и относя его в сём случае к пространству времени между 1789 и 1800 годами, нам вероятнее кажется предположение, что община, как учреждение основателя обители, оставалась для неё обязательно до самого штатного положения 1800 года, коим денежное жалованье и хлебное довольство было исчислено не общим числом на содержание монастыря, а порознь на каждое лицо, через что

негласно уничтожилось прежнее, стеснявшее обитель, учреждение. Во всяком случае официальных распоряжений об уничтожении общины в архиве обители не имеется.

В 1788 году, 28 Апреля, последовал Высочайший Указ Святейшему Правительствующему Синоду, заключающий в себе распоряжения о положении в штат и упразднении остающихся за штатом монастырей и пустынь, с обращением их в приходские церкви, в Наместничествах: Харьковском, Екатеринославском, Курском и Воронежском. В третьем пункте сего Указа определено: «что же касается до Борисовской Тихвинской пустыни в Харьковском Наместничестве, на содержании Графа Шереметева состоящей, оную оставить на его волю, наблюдая токмо, дабы в оной число монашествующих не превышало установленного для пустынь, на собственном содержании оставленных» (т.е., 7 человек вместе с Настоятельницею).

Вследствие сего Преосвященный Феоктист, Епископ Белгородский и Обоянский, отнесся к Графу Петру Борисовичу письмом от 27 Мая того же года, в коем, уведомляя Графа, что, в силу Именного Указа Её Императорского Величества, Борисовская Тихвинская пустынь оставлена на волю Его Сиятельства, просил уведомить, желает ли он продолжать содержать её на своем иждивении. На это Граф отвечал Преосвященному письмом следующего содержания:

«Ваше Преосвященство, Милостивый Государь мой!

Почтенное Вашего Преосвященства письмо минувшего Мая от 27-го дня получил. Изволили писать о состоящей в слободе моей Борисовке, Тихвинской пустыни, которая, в силу Именного Её Императорского Величества Указу, оставлена на мою волю, и желаю ль я ныне содержать, требовали уведомления. И на оное Вашему Преосвященству имею честь объяснить, оную пустынь Тихвинскую, учреждённую издавна покойным родителем моим, содержать буду, как и до сего времени содержана была на коште моём, с наблюдением прописанного в Указе правила, и оному закону последовать и повиноваться не премину, а при том Ваше Преосвященство прошу ту пустынь иметь в Вашем покровительстве, и что следует к лучшему поправлению приложить Ваше Архипастырское попечение, надеюсь твердо, что без действия не останется.

Особо прошу ж Вашего Преосвященства помянутой моей слободы Борисовки Малороссиянам в справедливых их просьбах оказывать Ваше благоволение, за что буду иметь мою признательность, и заключа сие, с истинным моим почтением навсегда пребуду, Милостивый Государь, Вашего Преосвященства покорный слуга Граф Петр Шереметев. 13-го Июля, 1788 г.».

Это было последнее, заслуживающее вечной памяти и признательности, благодеяние Графа Петра Борисовича своей обители. Он скончался в том же году 30-го Ноября, в Москве (см. ниже его биографию в приложениях к сей книге), оставив после себя наследником огромного имения, сына своего, Графа Николая Петровича, умевшего поддержать имя Шереметевых, столь славное в отечественной Истории. Едва Граф Николай Петрович вступил в управление своим имением, он тоже получил от Преосвященного Феофилата письмо, коим сей последний спрашивал Графа, какая будет его воля касательно Борисовской Тихвинской пустыни? На сие Граф отвечал Владыке письмом следующего содержания:

«Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Государь мой!

На почтенное письмо Вашего Преосвященства о состоящей в слободе моей Борисовке, Тихвинской пустыне, имею честь объяснить, что я за первое основание считаю не переменять постановлений, которые угодно было покойному родителю моему учредить, а следуя тому, охотно желаю я помянутую пустынь содержать на том же точно основании, как она и при покойном родителе моём была, прося при том Ваше Преосвященство продолжить к той пустыне и прежнее покровительство Ваше.

В прочем с истинным почтением есмь всегда, Милостивый Государь мой, Вашего Преосвященства покорный слуга Граф Николай Шереметев. Августа 21-го дня, 1789 года».

Точное исполнение этого письма мы видим в благодетельном внимании Графа к нуждам обители, во всё время его последующей жизни (1788-1809). На подлинном письме Графа последовала резолюция Его Преосвященства: «Августа 28-го. Сообщить к делу, а копию послать при Указе в означенную пустынь, с предписанием воссылания к Всевышнему о здравии Его Сиятельства горячайших молитв».

Отношения нового владельца Борисовки к её обители до 1800 года, т.е., до коренного преобразования, произведённого в ней новым штатным положением сего года, нам малоизвестны. Выше мы представили соображения, по которым относим к этому времени упоминаемую в монастырских записках прибавку жалованья и хлебного довольства Игуменьи и монашествующим, которая послужила основанием штатному положению 1800 года.

Других перемен в обители до этого времени не видно: только в 1793 году начальница Борисовской пустыни, Александра Шарова, по распоряжению Духовного Начальства, перемещена на покой в Харьковской Вознесенской девичей монастырь, а вместо её начальницею в Борисовскую пустынь определена из Белгородского девичьего монастыря монахиня Анфия, старица добрая и благочестивая, которая управляла обителью до 1801 года.

К концу сего периода, как видно из описи 1799 года, монастырь находился в следующем состоянии:

1. Церковь деревянная крестообразная на каменном фундаменте во имя Тихвинской Богородицы о пяти главах, главы покрыты железом, а по железу вызолочены листовым золотом, на оных главах кресты железные, вызолочены листовым же золотом, снаружи кровля красною мумиею, а стены белилом, а внутри по углам около дверей и окошек выкрашено голубою и белую красками.

В оной церкви иконостас о четырех ярусах гладкой, местами с резьбою вызолоченою, а поля выкрашены лазоревою краскою.

На престоле Евангелий два: первое обложено вокруг серебром вызолоченным, по середине Воскресение, по углам Евангелисты серебряные, чеканные, вызлащенные.

Второе обложено красною галью, по середине распятие Спасителя, а по углам Евангелисты серебряные, чеканные.

Гробница на престоле серебряная, местами вызлащена.

Крест на престоле серебряный.

Крест серебряный с штуками финифтяными, вызолоченной.

На жертвеннике два сосуда серебряные, один внутри и снаружи вызлащенный, другой только вызлащенный внутри.

Дискоков два серебряные, один большой вызлащенный.

Звёзд и лжиц сребро-позлащённых две.

Стаканчиков серебряных два для вина и теплоты.

Кадил серебряных два с цепочками.

В сей церкви подле иконостаса по правую сторону киот при двух столбах с верхом резной вызлащенный, а гладкие места высеребряны; вокруг оной иконы в том же киоте написано 13 изображений Богоматери; в нём чудотворная икона Тихвинской Богоматери с предвечным младенцем.

На которой иконе риза и венец с одною короною серебряною кованою вызолочены, камнями яхонтовыми, изумрудами и простыми хрустальными осыпаны, занавес штофный по белому полю золотый цвет с разным цветом.

Какие у чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери от исцеления болезни приложены привесы, состоящие по старой описи, и что вновь приложено от доброхотных дателей³¹:

Крест висящий, обложен серебром, в середине стекло с двумя зёрнами перламутовыми.

Другой крест серебряной с простыми камушками.

Третий крест серебряной маленькой.

Четвертый крест серебряной маленькой.

Пятый крест серебряной большой.

Шестой крест золотой раскрывной маленький.

Седьмой крест золотой с распятием финифтяным: в нём в четырех местах 12 алмазных камушков и с ленточкою, унизанною мелким жемчугом, и при кресте жемчужное большое зерно.

Восьмой и девятый серебряные кресты.

Жемчугу Кафимского четыре нитки, весу четыре золотника без осьмухи.

Три нитки маленьких жемчугу перчу дикого донизаны Китайским жемчугом.

Четыре ниточки жемчугу дробного.

Перстень золотой, по середине камушек изумрудовой зеленый, вокруг осыпан маленькими бриллиантами.

Две серьги золотые, в них алмазных по пяти камушков маленьких и внизу по одному бурмицкого жемчугу.

Три червонца: два Российских двурублёвой, другой рублёвый, третий Турецкий.

Складни круглые кипарисные в серебряной оправе.

Ножек серебряных 28.

Ещё вновь привешено ножек 6.

Ручек серебряных 10, ещё вновь прибавлена одна ручка.

Сердцов серебряных 6.

Голов серебряных 8.

Ок серебряных 9.

Серг серебряных 9.

Кольцо серебряное одно.

Серебряный небольшой образок стоящей Богоматери.

Обруч серебряный один.

Вновь привешен небольшой серебряный образ мученицы Александры.

Занавес малиновый штофовый.

Глаза серебряные небольшие.

Голова небольшая серебряная.

Щёк серебряных две.

Занавес парчовый по белому полю, внизу обложен золотою сеткою.

Занавес гладкого флёру ветхой.

Занавес флёру травчатого с лентою широкою полосатою.

Лампада серебряная с цепочками серебряными, сверху кружок серебряный же.

На храмовом аналое икона Тихвинския Богоматери, на которой оклад поля и венцы серебряные вызолоченные, в венцах пять штук финифтяных, одного же образа риза вынизана Китайским жемчугом, сверху звезда алмазная, по бокам две звездочки бирюзовые, в середине по бриллианту маленькому, около лику местами вынизано настоящим жемчугом.

Две плащаницы: одна шитая по малиновому бархату серебром и золотом.

Две хоругви на голубой полуобъяри писаны живописью.

Два креста церемониальных.

Перед местными иконами четыре лампы желтой меди.

Посредине церкви паникадило медное посеребрённое о 16 подсвечниках; при нём привешено стеклянное яблоко, а в нём в середине некоторые фигуры.

2. Церковь зимняя теплая с потолком, во имя Преображения Господня, построена с трапезою из липового брускового дерева о 12 окошках и об одной главе, которая покрыта железом и выкрашена зелёною краскою, на оной главе крест железный позолочен двойником; она же церковь и трапеза покрыта гонтом.

Иконостас о двух ярусах столярной работы резной вышакенной.

На местных иконах Спасителя и Божией Матери короны серебряные с крестами; в оных камушки корольковые.

В оных церквах ризница

Первые ризы бархатные, оплечья золотом (вышиты) 12 Апостолов и Спасителей образ, обложены оплечья и подольник лентою серебряною, и золотом, два ряда.

Другие ризы штофные зелёные, оплечья парчовые по белой земле, на оплечьи крест золотой сетки, обложены оплечья и подольник сеткою золотою.

Третьи ризы по кофейной земле штофные пукетовые, оплечья атласные шитые золотом изображение Господне и Апостолов, вокруг обложены оплечья и подольник золотым позументом.

Всего 16 риз.

Подризников 12, лучший из белого атласа, присланного от Его Сиятельства.

Епитрахилей 12, первая белокоосу голубого, шита золотом; вторая голубой камки, шитой золотом и шёлком; третья голубой полуобъяри.

Поручей 12. Воздухов с покровцами 6 и т.д.

В монастыре келий

Трапезная и кухня под одной кровлей с церковью Преображения Господня.

Келий монашеских в пяти связях 8. Особо одна келия для Начальницы.

Построены все из брускового дерева, покрыты гонтом.

В монастыре амбар для всыпки монастырского хлеба, покрыт гонтом и сверху гонта соломой.

Погреб зимний тёплый.

При оном монастыре скотный двор.

В нём строение близ ворот, при входе, на левой стороне, хат рубленых с сенцами рублеными же разного брускового дерева, под одною крышкою две хаты, в коих хатах жительство имеют определённые из подданных для смотрения монастырского скота и для рубки в монастыре монахиням дров, возки воды и в ночное время караулу два сторожа Борисовских жителей.

В том же дворе, на левой стороне, близ ворот ледник, над оным амбар покрыт гонтом.

Другой амбар рубленой из старого пластиннику покрыт соломой.

Рогатого скота

Коров 8.

Быков 5.

Двухлетних телиц 2.

Бычок 1.

Подтёлков 6.

Лошадей

Езжалых меренов 2.

Для рогатого скота и лошадей имеется сенокос в урочицы близ реки Ворсклы на Копанках, сенокосу 16 десятин.

При Тихвинском девичьем монастыре Священнической двор, вокруг огорожен плетнём, у ворот постановлены два столба дубовые небольшие, ворота дощатые, при том дворе сад разного плодового дерева небольшой.

На оном дворе хат две, одна с светлицею, другая кухня об одной связи, с разного брускового дерева, покрыты соломой, сараев два плетневые, покрыты соломой.

В оном дворе жительство имеет Поп Федор Турьянской.

Другой Священник Ефим Алабушев, который жительство имеет при том же монастыре из давних лет на выстроенном из собственного его кошту дворе.

У оных Попов имеется во владении из давних лет в урочище под заповедным Его Сиятельства лесом над рекою Ворсклою сенокосная левада мерою 8 десятин.

В оном монастыре монахинь

Игуменья Анфея

Монахинь 6

1. Ефросинья
2. Тарсилия
3. Марионила
4. Магдалина
5. Миропия
6. Улита

Белицы, живущие по указу Его Сиятельства

1. Бывшего в селе Останкове прикащика Петра Сергеева жена вдова Анна Матвеева.

2. Бывшего при доме Его Сиятельства гуслиста Григория Летукова мать вдова Пелагия.

Из Ведомости, поданной от Борисовской пустыни в Белгородскую Духовную Консисторию за 1788 год видно, что в оной пустыне в том же году по уменьшенному штату состояло:

1. Начальница Александра Шарая	52 лет	
2. Уставщица Надежда Тверская.....	47 лет	
3. Крылошанка Ульяна Ткачова.....	47 —	
4. — Тарсилия Гезева	48 —	
5. — Магдалина Данилова	47 —	
		Неграмотные, по
6. Любовь Гаврилова.....	55 —	слабости здоровья
		и дряхлости,
7. Маргарита Журавлева	57 —	никакого послушания
		исполнять не могут.

В следующем 1789 году последние две заменены новыми монахинями: крылошанка Манефа Дементьева 47 лет переведена из Изюмского девичьего монастыря, и пономарка Марионила Кармазинова 50 лет, неграмотная.

Отдел II (1800-1872)

Начало нового столетия было ознаменовано для Борисовской Тихвинской пустыни событием приснопамятным, потому что оно послужило краеугольным камнем её настоящего благоустройства и процветания: разумею штатное положение, утверждённое Графом Николаем Петровичем Шереметевым 27 Апреля, 1800 года: оно окончательно заменило собою те пункты Завета, которые касались вещественного обеспечения обители.

Мы уже видели, что и прежде содержание обители не раз изменялось противу Завета основателя прибавкою денежного и хлебного жалованья, по силе именных Графских Указов, что было вынуждено по времени и самым изменением в ценности монеты и увеличением цен на жизненные потребности. Совокупность этих причин и неудобства, проистекавшие от первоначального учреждения общины, давно требовали существенного изменения в отношении содержания обители и обеспечения оного постановлением, сообразным с действительными потребностями времени и места, и Граф Николай Петрович, вняв этой необходимости, а вместе и желая, подобно основателю, видеть расширение обители, увеличил штат её вдвое противу положенного основателем, и новым штатным положением даровал монашествующим содержание, по тому времени безбедное, исчислив оное на каждую монахиню порознь, и дозволив

получать хлеба и проч. по усмотрению Игуменьи деньгами, или натурою, чем негласно уничтожалось прежнее стеснительное для обители учреждение общины.

В штатном положении 1800 года назначалось: Игуменья одна, ей деньгами 55 р. 75 к., да муки и прочего по ценам на 44 р. 25 коп., а всего 100 рублей.

Монахинь 24, им каждой деньгами 27 рублей, да припасов на 16 руб., и того 43 рубля. А на всех 1032 рубли.

Священников 2, каждому деньгами по 55 руб. да припасов на 58 руб. 25 коп., а всего 113 руб. 25 коп. обоим же 226 руб. 50 коп.

Сторожей 4, каждому деньгами 12 руб. 60 коп. итого 26 руб. 60 коп., а на всех 106 руб. 40 коп.

Скотница 1, ей деньгами 10 руб. 60 коп., да на припасы 16 руб., итого 26 руб. 60 коп.

Шапор 1, которому положено давать ту льготу, какая теперь даётся от миру.

Скота: коров 10, лошадей 3, им на сено и овёс 29 рублей 8 коп.

Для разъездов сделать тамошним мастером одну тарантайку, одни дроги и одну кибитку, и дать упряжь.

Для топления церкви и печения просфор на дрова и просфоры, также и на свечи, ладан и вино церковное, всего 96 руб. 75 коп.; а какие будут небольшие починки и поправки, оные исправлять из сборных денег, но не более в год 50 рублей, и буде что надобно будет сделать больше, о том с изъяснением представлять в Канцелярию; сборным же деньгам и свечам вести записку прихода и расхода в книге по форме, как в повелениях предписано. А всего на содержание в год наличными деньгами 974 руб. 75 коп., да за припасы 954 руб. 58 к., и того 1929 руб. 32 коп., с тем, чтобы означенное число по сему штату денег, на жалованье Игуменьи, монахиням, Священникам и прочим монастырским причетникам, равно как и на содержание одного монастыря с запасами и припасами, всего 1929 руб. 32 коп., производить ежегодно в два срока, первую половину в начале Января, а последнюю в начале Июля месяца; предоставляя в полную волю Игуменьи получать запас от вотчины в натуре, или деньгами, по означенным в сём штате ценам; сверх же сего

70 р. 67 коп. употреблять на содержание экипажа, а остальные за тем, если оставаться будут, отдавать ежегодно ж в монастырь на церковные потребы, с которыми сумма и составит всего содержания 2000, а доколе не накопится полный комплект, то производить дачу на наличное только число людей.

Когда в Борисовке было получено новое штатное положение Атаман (управляющий) Максим Николаенко немедленно подал к Преосвященному Феоктисту, Епископу Курскому и Белогородскому, прошение, в коем, между прочим, изъяснил, что Господин его Действительный Тайный Советник, Обер-Каммергер и Кавалер, Граф Николай Петрович Шереметев, 27 Апреля, 1800 года, благоволил учредить о состоящем в слободе Борисовке Тихвинском девичьем монастыре, построенном его предками и содержанием на его коште, штатное положение с определением Священникам, Игуменья и монахиням вновь денежного жалованья и хлебной дачи, дров и прочего, означа при том в оном положении, чтобы иметь Священников 2, Игуменью одну, монахинь 24, почему он, Николаенко, и просит Владыку о определении в Борисовскую пустынь по сему положению недостающее число монахинь, и при сём прошении приложил копию с упомянутого положения.

Получив это прошение, Преосвященный Феоктист вошёл от себя с представлением в Святейший Правительствующий Синод, в коем, изложив прошение Атамана Николаенка, присоединил от себя, что в Борисовской пустыни ныне находится Священников 2, Игуменья 1, монахинь 6, и против упоминаемого положения недостает монахинь 18-ти; а как по справке в Курской Духовной Консистории оказалось, что в Курской Епархии в девичьих монастырях заштатных монахинь не имеется, а белиц с надеждою пострижения в монашество указных лет есть более 20 человек, и принимая при том во внимание, что Граф Шереметев полагает на содержание желаемого им числа монахинь, также и Священников, годовое жалованье и всё нужно потребное к прожитию в немалом числе, Преосвященный Феоктист положил своё мнение, что, по желанию Графа Шереметева, в оной Тихвинской пустыне к наличному количеству ещё 18 монахинь прибавить можно. При этом представлении Преосвященный присоединил ведомость о находящихся в Курском Белградском монастыре и Борисовской пустыне

белицах, желающих пострижения в монахини, и копию с штатного положения. Святейший Правительствующий Синод, основываясь на донесении Преосвященного и принимая во внимание, что по Высочайше подтвержденному 1764 года, Марта 31 дня, докладу о церковных имениях из числа оставленных на своем содержании монастырей и пустынь в Ниловой, Софрониевой, Флорищевой и Саровской пустынях, повелено содержать 30 человек монашествующих, по примеру сих пустынь дозволил Указом, от 21 Октября, 1800 года, и в Борисовской пустыне, состоящей на собственном содержании Графа Шереметева, которое признается достаточным быть, считая с прежними Игуменьями с монахинями 25, а по тому и в число недостающее по новому положению монахинь, постричь поименованных в ведомости белиц, находящихся в Курском и Белгородском монастырях также и в той Борисовской пустыне. Вследствие сего были пострижены в Борисовскую пустынь, из Курского монастыря: Курская помещица вдова Майорша Анна Бехтеева; города Курска вдова солдатка Марфа Евдокимова; Сумского Уезда села Писаревки дворянская дочь девица Анна Антонова; из Белогородского: Тверской Губернии Вышневолоцкого Уезда помещика вдова Капитанша Александра Милюкова; Старооскольского округа села Дорожни помещика Прапорщика Силы Головина дочери девицы: Параскевия и Надежда; Обоянской округи села Филатова Георгиевской церкви умершего Священника Иоанна Ершова дочь девица Екатерина; города Белгорода умершего однодворца Ивана Булгакова дочь девица Екатерина; города Белгорода однодворца Мирона Карталова дочь девица Пелагея; Старооскольской округи слободы Дмитровки, Ольшанка тож, Троицкой церкви Священника Якова Денисова дочь девица Анастасия; Белгорода умершего мещанина Стефана Короткова жена вдова Ирина; Белгорода умершего Канонира Григория Черикова жена вдова Дарья; Белогородской округи слободы Тамаровки Графини Елисаветы Головкиной подданного Ивана Никифорова дочь девица Феодосия, и Борисовской пустыни Белогородской округи слободы Борисовки Николаевской церкви умершего Священника Стефана Лукьяновского жена вдова Мария; Слободской Украинской Губернии города Чугуева отставного Губернского Регистратора Романа Жулинова дочь девица Параскева; Войска Донского Урюпинской станицы Казачьего

звания девица Ирина Аввакумова; города Корочи Сотника Ивана Лохвицкого дочь девица Евдокия, и Слободской Украинской Губернии казённая обывательница вдова Аграфена Шалимова.

Как ни благотельно было сие учреждение, но справедливость требует заметить, что оно не вдруг принесло вожделенные плоды: неблагоприятные обстоятельства замедлили на некоторое время возрастание доброго семени, посеянного благотельною рукою.

Как сие случилось, увидим ниже, а теперь заметим, что, вместе с утверждением нового штата, последовала и перемена в обители Настоятельницы: добрая и благочестивая Игуменья Анфия перемещена в Белгородской Рожественской монастырь, для исполнения Настоятельской должности, а вместо её, 19 Февраля, 1801 года, назначена Настоятельницею Борисовской Тихвинской пустыни того же монастыря монахиня Афанасия Котельникова из купеческого звания, полагавшая начало в Курском Троицком девичьем монастыре, где и пострижена была в монахини в 1797 году, и проходила крылосное послушание, а в 1801, по воле Пресвященного Феоктиста, переведена в сию пустынь в то же послушание.

На это назначение имело влияние представление Борисовского Вотчинного Правления Преосвященному Феоктисту, которое отзывалось, что Игуменья Анфия «неискусна в пении»; а как в Завете основателя обители определено, чтобы в оном монастыре монахини были в чтении и пении искусны, и для содержания их положено ныне достаточное от Графа Шереметева жалованье, Дьячка же, и Пономаря и Диакона, кроме 2 Священников, не положено, и имеется в том монастыре монахиня Афанасия, в чтении и пении церковном искусная и к управлению монастырём благонадежная, то по сему и просим Преосвященного Феоктиста определить её в Настоятельницы в Борисовскую пустынь. Преосвященный Феоктист, найдя эти причины основательными, удовлетворил прошение Вотчинного Правления и назначил монахиню Афанасию Настоятельницею, с производством в Игуменьи в Июле месяце того же года.

Афанасия действительно оправдала своё назначение начальными распоряжениями: она устроила церковное пение и поддержала монастырский чин в обновившейся обители.

В 1802 году, по её ходатайству, для большого благолепия церковного служения, определён в обитель Диакон, которому Граф велел производить оклад жалованья противу оклада одной монахини, с прибавкою к оному запасов и припасов на 34 руб. 12 $\frac{1}{2}$ коп., что составило годовой оклад 77 руб. 12 $\frac{1}{2}$ коп.

Но в 1803 году неожиданно случилось событие, которое имело решительное влияние на всё последующее время настоятельства Игуменьи Афанасии: 12 Февраля сего года она получила от Преосвященного Феоктиста предписание такого содержания:

«Святейшего Правительствующего Синода от первенствующего члена, Высокопреосвященнейшего Амвросия, Новгородского, Санктпетербургского и Выборгского, Александровския Лавры Священно-Архимандрита и разных орденов Кавалера. Получил я вчера предписание о приложении старания, чтоб в монастырях благочиние процветало и было б примером для прочих, и что общежитие к сему необходимо нужно: о сём я Вам пастырски притверждая, молю всесильную благодать Божию о содействовании вам к начатию выше означенного устройства в монастыре вашем, и, ожидая соответствования вашего сему предписанию, есмь и буду навсегда с пастырским моим доброжелательством серднейшим богомольцем,

Феоктист, Архиепископ Курской и Белогородский.

12 Февраля, 1803 года.

Белгород".

По силе сего предписания, от монахинь были отобраны подписи в согласии их на учреждение общежития, неудобство которого для Борисовской пустыни, по отличным её от других монастырей обстоятельствам, мы уже видели. Вскоре за тем присланы в Курской девичий монастырь и в Борисовскую пустынь для сведения и руководства правила нового общежития, составленные Белогородского девичьего монастыря Начальницею монахиною Агафоклией. Правила эти, состоящие из 23 пунктов, одобрены Преосвященным Феоктистом и разосланы по монастырям Курской Епархии,

дабы, как сказано в Указе, «не было разницы между монастырями в общежитии».

Исполняя в точности сие предписание, Игуменья Афанасия старалась всячески возобновить недавно ещё оставленный чин общежития, усиливаясь общим жалованьем своим и штатных монахинь содержать и довольствовать всю обитель с послушницами; но как положенного по штату содержания на сие не доставало, посторонних же доходов обитель не имела, то и община по прежнему оставалась учреждением обременительным для обители, а Настоятельное введение сего учреждения возбудило недоверчивость к Настоятельнице и взаимные неудовольствия между ею и сёстрами и произвело в обители различные неурядицы, которые, к сожалению, продолжались через всё время управления Игуменьи Афанасии, и прекратились только с её кончиною, последовавшею в 1813 году, Ноября 25 дня. Монастырские записки упоминают, что будто община снова была упразднена по представлению той же Игумении Афанасии; но сие показание сомнительно; ибо не имеет в свою пользу письменных доказательств, а потому и полагаем, что она упразднилась, как и в первый раз, негласно, со смертью Игуменьи Афанасии, а может быть и по кончине Преосвященного Феоктиста (в 1818 году), который поддерживал это учреждение силою своего влияния.

В 1809 году обитель понесла чувствительную утрату в лице своего незабвенного благодетеля, Графа Николая Петровича, который Христианским участием в её нуждах положил прочное основание её благоустройству, хотя ему и не суждено было видеть плодов своего благодеяния; ибо возвращение их замедлилось выше упомянутыми обстоятельствами.

Граф Николай Петрович скончался, как истинный Христианин, 2 Января, 1809 года, в Москве (см. ниже его биографию в приложениях к сей книге).

В 1812 году Управляющий Борисовским имением малолетнего Графа Дмитрия Николаевича (недавно скончавшегося владельца Борисовки), Максим Куницкий, уведомил письмом Преосвященного Феоктиста, что он получил от Гг. опекунов повеление о построении в Борисовской девичей пустыне каменной ограды и колокольни, на счёт Графской, прося на сие Его

Архипастырского благословения. На этом письме Преосвященный положил резолюцию: «Послать Указ к Благочинному Борисовскому, Протоиерею Василию Иваницкому, о заложении каменной колокольни и ограды в Борисовском Тихвинском монастыре, с подлежащим соборным молитвословием в назначенный от Вотчинного Правления день, в который отправить соборне в том же монастыре и панихиду по покойном Графе Николае Петровиче Шереметеве, а о здравии малолетнего Графа Дмитрия Николаевича молебн с Борисовскими Священно и церковнослужителями и священнослужителем того монастыря, и при сей церемонии должна быть Игуменья с сёстрами и послушницами».

В 1814 году место скончавшейся в предыдущем году Игуменьи Афанасии заняла той же пустыни монахиня Августа, посвящённая в сан Игуменьи 7 Мая Преосвященным Феоктистом, во время его священнодействия в Екатерининской церкви Белоградского Рождественского девичьего монастыря.

Игуменья Августа, родом из купеческого звания, пострижена в монашество в той же Борисовской пустыне в 1805 году; в предписании о её определении сказано, что она «искусна в чтении и пении и умеет золотом шить и иконы писать», а по отзыву монастырских записок она была старица добрая, благочестивая, смиренная и трудолюбивая. При ней окончено здание колокольни и достроена предположенная часть каменной ограды вокруг монастыря в 1816 году; число живущих в обители год от году стало умножаться и соборная деревянная церковь (построенная 1759-1775) оказалась тесною для вмещения сестёр и приходящих богомольцев, при том уже и заметно обветшала; видя это, мать Августа, побуждаемая как собственною заботливостию о благоустройстве обители, так и советом Преосвященного Феоктиста, возымела намерение создать вместо деревянной новую каменную, во имя Тихвинския Божия Матери. Получив от опекунов малолетнего Графа отказ в пособии, она не упала духом: в том же 1816 испросила у Преосвященного Феоктиста шнуровую книгу для сбора добровольных пожертвований, а потом, когда было собрано от разных благотворительных особ до 10,000 руб. ассигн., в 1819 году новый Курский Архипастырь, Преосвященный Евгений, в бытность свою в Борисовской пустыне для обозрения,

совершил литургию в старой церкви и, подобно своему предшественнику, побуждал Игуменью возобновить дело о постройке каменной церкви; почему она в 1820 году обратилась с прошением к Графу Дмитрию Николаевичу, уже вступившему тогда в управление своими имениями, и, описывая ход сего дела, просила Графа оказать обители в сём деле милостивое содействие. Благочестивый Граф, снисходя на прошение смиренной Игуменьи, изъявил своё согласие на построение церкви, и приказал Борисовскому Вотчинному Правлению войти к нему о сём с представлением, и прислать на его утверждение смету, план и фасад предположенной к сооружению церкви, которые и утвердил 1821 году, добавив к прежде собранной по книге от доброхотных дателей сумм (7045 руб. 50 коп.) более 13,000 собственных.

На представление о сём Игуменьи Августы Преосвященный Евгений, Епископ Курский и Белогородский, 16 Июня, 1821 года, благословил заложить церковь³² Борисовскому Благочинному Протоиерею Василию Иваницкому, с тою же самою церемониею, какую было предписано соблюсти его предместником при заложении каменной колокольни и ограды, а деревянную церковь дозволил разобрать с тем, чтобы дерево было употреблено исключительно на поделки для новой церкви.

Итак в 1822 г., Мая 1-го дня, заложен первый каменный храм Борисовской пустыни, на месте прежнего деревянного, во имя Пресвятыя Богородицы Тихвинския, по благословию бывшего Курского Архипастыря, Епископа Евгения (переведённого незадолго пред сим Архиепископом в Псков), и вновь прибывшего на Епархию Епископа Владимира, при Игуменье Августе, Белогородского мужеского Николаевского монастыря Архимандритом Иоасафом Юнаковым, соборне, со священнослужителями Борисовской пустыни и слободы.

Кроме сего управление благочестивой Игуменьи Августы особенно должно быть памятно для обители введением в ней, по её представлению и ходатайству, нового чиноположения.

Убедясь в необходимости сего сама и согласив стариц, она тем охотнее стала ходатайствовать о сём, что в числе сестёр были такие, которые, при искреннем желании лучшего в этом отношении порядка, имели способности и дарование к

поддержанию нового чиноположения, если оно будет однажды устроено. Итак Игуменья Августа, призвав на помощь Матерь Божию, подала прошение Преосвященному Евгению, прося его предоставить Строителю Глинской пустыни Иеромонаху Филарету, старцу духовной жизни, завести во вверенной ей обители чиноположение монастырское и церковное, по правилам Св. Отец пустынножителей.

В 1821 году последовала на её прошение резолюция Преосвященного Евгения и Указ из Курской Духовной Консистории, в силу которого о. Филарет прибыл в Борисовскую пустынь и завел в ней устав пустынных обителей, несколько облегчённый для слабого пола (см. ниже главу о чиноположении обители); устав сей и до ныне соблюдается во всей точности.

Введение нового устава, так сказать, довершило благоустройство обители, основанием которому послужило штатное положение, и с этих пор Борисовская обитель быстро стала умножаться и процветать. Это установление было важнейшею и вместе последнею услугою, оказанною обители её попечительною Настоятельницею.

В 1822 году мать Августа, будучи уже в преклонных летах и чувствуя себя не в силах управлять умножающейся обителью, оставила начальство над нею и провела остаток своей жизни в уединении и в подвигах благочестия, также усердно заботясь о своём спасении, как прежде заботилась о спасении и успокоении вверенных ей душ.

Скончалась мирною Христианскою кончиною в 1849 году. При оставлении ею Настоятельской должности, она получила от Графа в пенсион жалованье своё по званию Игуменьи, «за отличные для обители услуги», как сказано в письменном его о сём отзыве.

На место Игуменьи Августы, по прошению сестёр, была вызвана из Севского Троицкого монастыря благочестивая монахиня Венедикта, проходившая в оном монастыре, в течение 20 лет, разные монастырские должности, посвящена в сан Игуменьи 1822 года, Октября 14 дня: это была старица добрых правил и духовной жизни, за что все её любили и почитали нелицемерно. Она управляла обителью только 9 лет, но и в этот небольшой срок сделала для неё много полезного. При ней достроена и отделана внутри, основанная

при её предшественнице, каменная церковь во имя Тихвинския Божией Матери, и освящена в 1827 году, Сентября 4 дня, Преосвященным Владимиром, Епископом Курским и Белгородским. Она испросила у Графа Дмитрия Николаевича, по случаю увеличившейся на все ценности, прибавку денежного жалованья. Вследствие этой просьбы Граф назначил следующее содержание: Игуменьи 180 руб. ассигн., монахиням по 60 руб., а двум Священникам по 200 руб. ассигн. в год, содержание, которым они и теперь пользуются, а хлебное жалованье и дрова остались на прежнем положении. По её представлению, Граф не велел удерживать оклады на выбывающих монахинь, а предоставлять их в пользу монастыря для послушниц, приготовляющихся на их места. При Игуменье Венедикте монастырь так умножился постройками, что прежняя ограда стала неуместительна, почему она и просила у Графа о распространении оной. Монастырь прибавлен почти вдвое, отнесением ограды на юг, по покатости горы, на которой до этого времени был плодовый сад. По ходатайству Игуменьи, 29 Октября, 1827 года, предписано управляющему Борисовкой выстроить на счёт Графа гостинницу близ монастыря, против Святых Врат, для принятия богомольцев и странных, которые в большом количестве, по пути в Киев, заходят в сию обитель, а также исправить, по мере возможности, неудобную гористую дорогу, ведущую к монастырю. А в 1829 году велено отпускать на содержание заштатных монахинь, послушниц и гостинницы, деньгами по 150 рублей, муки ржаной 25 четвертей, круп 5 четвертей, ежегодно по третям.

При сей Игуменье поступили в обитель в 1828 году: помещица Белгородского Уезда, Надежда Даниловна Гринева (в монашестве Мелетия), и родная её племянница, девица [Любовь](#) Яковлевна Новосильцова (в монашестве Макария). Сии две Христолюбивцы много способствовали благоустроению обители, принеся ей в жертву свои способности и средства. Так Гринева на своё сделала значительное пожертвование на украшение церкви, а Новосильцова, будучи одарена способностью к тому, ревностно старалась как о сём украшении, так и вообще о пользе и благоустройстве монастыря, облегчая труды Настоятельницы. По ходатайству той же Игуменьи Венедикты, Граф Дмитрий Николаевич соблаговолил, вместо

тёплой деревянной церкви, простоявшей уже более 100 лет и пришедшей в крайнюю ветхость, выстроить вновь каменным зданием, того же наименования. Храм сей был заложен по благословию Преосвященного Епископа Иннокентия, 1831 года, в Августе месяце, Архимандритом Иоасафом; это была последняя услуга, оказанная Венедиктою Борисовской обители: будучи слаба здоровьем, она, к сожалению всех сестёр, оставила свою должность, после чего прожила 3 года в безмолвии и богомыслии, в той же обители, и скончалась в 1834 году.

На место Игуменьи Венедикты была избрана сёстрами из среды их благоразумная монахиня Анатолия, из Орловских Дворян, по фамилии Еновская, которая до сего проживала в сей обители не мало лет, бывши в последнее время ризницей. Посвящена в сан Игуменьи Преосвященным Иннокентием, 10 Января, 1832 года, и управляла обителью 16 лет. При ней достроена тёплая церковь во имя Преображения Господня, начатая при её предместнице, и освящена в 1834 году, Ноября 4 дня, Преосвященным Илиодором, Епископом Курским и Белгородским.

Игуменья Анатолия вскоре увидела необходимость ещё распространить ограду; ибо число поступающих в монастырь ежегодно увеличивалось. С дозволения Графа, она отнесла ограду на запад, и построился ряд келлий. Хотя здесь место ровное было только по ограду старого монастыря, прибавленная же (прежде сего) ограда стояла на самом краю обрывистой горы, а под горою были глубокие ямы, но, несмотря на столь неудобное для постройки место, ограда вновь была перенесена ниже сего уступа, и на ямах построен ряд келий, стоящий под глиняною горою; спуск к ним сверху изнутри монастыря по деревянным лестницам невольно напоминает о жилищах древних подвижников, которые выше всех удобств поставляли пребывание, хотя бы и в тесноте, на месте, предъизбранном основателем той, или другой, обители, по любви к его памяти.

Также недавно построенная каменная тёплая церковь во имя Преображения Господня стала неуместительна для непрерывно умножающихся сестёр. Видя это и возлагая упование на материнское промысление Царицы Небесной о своей обители, Игуменья Анатолия подала в домовую Графскую Канцелярию прошение, которое приведём здесь вполне; ибо оно в скромных чертах достаточно изображает

современное ему благоцветущее состояние обители под управлением попечительной Игуменьи.

«Вверенной мне монастырь, под благодетельным покровительством Его Сиятельства, Графа Дмитрия Николаевича, время от времени инокинями увеличивается³³, так что, кроме церковнослужителей, находится в истинно-Христолюбивом послушании 226 душ, в том числе с Игуменьями³⁴ 26 штатных монахинь. Для приношения ко Всевышнему о здравии и долгоденствии их Сиятельств устроены храмы Божии, из коих летние церкви для прописанных монашествующих и стекающихся жителей достаточно вместительны, но зимняя крайне мала, паче для торжественных дней. А потому, с благословения Его Преосвященства, необходимым нашла оную распространить, и усугубила со стороны своей все меры к испрошению у благодетельных лиц для того вспомошествования, в число коего пожертвовано 15,000 кирпича, который находится в Лисице, отстоящей от монастыря сего в 20 верстах, доставленный туда самим владельцем. А потому представляя оной Канцелярии о предложении моём, покорно прошу исходатайствовать у Его Сиятельства, Графа Дмитрия Николаевича, ниже следующее для Божия храма:

1-е. Означенный кирпич перевезть нарядом той Лисицы жителей, кои, благоговевая к Богу, верно оным не обременятся.

2-е. Как одного кирпича недостаточно будет, для обжигания потребного, дать нужное количество валежника, кирпич же дозволить выжечь на господском заводе.

3-е. Для деревянных поделок отпустить из рощи 70 дубовых дерев.

4-е. Устроено коштом их Сиятельств шесть корпусов, в коих помещаются только 18 штатных монахинь, а 8 имеют жительство в собственных келиях, на случай же их смерти оне имеют при себе жительствоющих в сей пустыне родственниц, коими и замещаются их келии. Места же оных могут быть замещены такими, кои не имеют собственных келий, а по сему будут оставаться без помещения; но как из выше упомянутых корпусов один, в коем три монахини, от давнего времени пришёл в совершенную ветхость, и при всём усилии нет возможности к поддержанию одного; ибо никто и не запомнит, когда он устроен, а по чему, уповательно, угодно будет оной Канцелярии распорядиться о

постройке на место одного нового, то не благоугодно ли будет дозволить, вместо тленного леса, устроить каменный, которой обойдётся гораздо дешевле, и во оном устроить помещение, а тем, кои не имеют одного, и на случай могущих прибыть вновь по воле Его Сиятельства Графа, ныне же совершенно нет ни одного места в запасе.

Прописав нужды монастыря, прошу униженно членов Канцелярии, яко представителей у Его Сиятельства, быть за нас, монашествующих, ходатаями, а мы молимся и обязаны будем молиться и просить Всевышнего Бога о награждении своими щедротами Его Сиятельства, Графа Дмитрия Николаевича, Его Высокопочтеннейшую супругу, Анну Сергиевну, и наследника Николая Дмитриевича, и всех вас трудящихся. 1842 года, Января 23 дня.

По сделанной смете предположенная к тёплой церкви пристройка в виде трапезы должна была обойтись в 9071 руб. ассигн.

Смета сия была утверждена Графом Дмитрием Николаевичем, и пристройка окончена в 1846 году, через что церковь распространилась почти вдвое».

От его же щедрот сделана для Игуменской келии новая мебель из бересты, ценою на 526 р. асс.

Игуменья Анатолия, по отзыву монастырских записок, была умна, смиренна, духовной жизни и способна для управления обителью, за что и была награждена от Святейшего Синода наперсным крестом 1843 года.

Она испросила у Графа жалованье для 5 болящих монахинь, в память новорождённого наследника, Графа Сергея Дмитриевича³⁵. При Игуменьи Анатолии установлен соборный Акафист Пресвятой Богородице, который отправляется каждую Субботу после ранней литургии. При ней же выше упомянутая г. Новосильцова, постриженная в 1839 году в Ангельский образ, с наречением Макариею, иждивением тётки своей, монахини Мелетии Гриневой, и других доброхотных дателей, устроила в 1847 году в Тихвинскую церковь, вместо прежнего бедного иконостаса, новый, красивый и великолепный, с иконами хорошей живописи и искусною резьбою.

1847 года, Июля 5 дня, Игуменья Анатолия скончалась, после продолжительной болезни. На место её

Преосвященный Илиодор, Архиепископ Курский и Белгородский, посвятил в Игуменьи Курского девичьего монастыря Казначею Арсению, из Дворян по фамилии Белевцевых, которая и прибыла в Борисовскую обитель того же года Сентября 8 дня, и утешила осиротевшую обитель истинно материнским попечением об её благе. В короткое время своего управления (она начальствовала всего 5 лет) она заслужила вечную благословенную память. Игуменья Арсения, по общему отзыву, была редкой души, смиренна при величии, кротка при власти, подвижна и воздержна при глубокой старости и болезни. Она устроила на своё иждивение в тёплой церкви придел во имя Трёх Святителей: [Василия Великого](#), [Григория Богослова](#) и [Иоанна Златоусто](#)го, и тем доставила покой для священнослужителей и монашествующих; ибо в обители почти каждодневно бывают две литургии, а потому зимою вторая литургия отправлялась в холодной церкви, что было не без отягощения для немощных. Пожертвовала в церковь 2 иконы в серебряных вызолоченных ризах: Знамение Божией Матери и 3-х Святителей, и дарохранильницу, установила читать Псалтирь за упокой фамилии Графов Шереметевых; а желающие записывать на поминание своих усопших родственников, платят за каждое поминаемое лицо 2 р. серебр. в год, и оные деньги идут в пользу бедных, живущих в сей обители, что составляет для них великое благодеяние.

Наконец видя, что повседневное служение очень трудно для двух Священников; ибо они должны были служить повседневные, кроме литургии, ещё молебны для поклонников, которых бывает много в летнее время, также исполнять требы по монастырю, население которого с каждым годом увеличивалось, так что при Игуменьи Арсении было в нём уже около 300 душ, почему двум Священникам невозможно было без отягощения исполнять всех треб. Вняв этой необходимости, Игуменья Арсения с Казначеею Макариею Новосильцовою и старшими сёстрами просила Преосвященного Исидора прибавить третьего Священника. Но штат сего третьего Священника утверждён уже при Игуменьи Макарии, для которого она испросила у Графа Дмитрия Николаевича жалованье наравне с двумя прежними. По старости лет и слабости здоровья Игуменья Арсения оставила должность и чрез месяц скончалась; в течение этого времени обителью управляла по предписанию

Преосвященного Илиодора, Казначая монахиня Макария, бывшая и прежде правою рукою притруждённой старицы Игуменьи.

Как ни чувствительна была для сестёр обители потеря добрейшей матери, но Мать Небесная утешила их сиротство исполнением общих надежд, внушив Преосвященному Илиодору посвятить в Игуменьи Казначеею обители, Макарию Новосильцову, в которой давно уже привыкли все видеть будущую свою Игуменью; ибо с самого вступления своего в обитель она посвятила все свои способности и средства на служение обители в славу Божию. Монахиня Макария посвящена в Игуменьи 1852 году, Февраля 3 дня. При особенном её даровании к домостроительству, в её управление монастырь в короткое время принял иной вид, будучи улучшен извне и внутри: она прибавила в саду ещё ряд двухэтажных келий; в Тихвинской церкви на все местные иконы сделала медные посеребрённые ризы в рамах за стеклом; обнесла церковь решёткою и завела вокруг её цветники; насадила по монастырю аллеи разных деревьев; ограда кладбище деревянною решёткою и обсадила деревьями и все могилы усеяла цветами; за кладбищем развела новый сад для обители; в монастыре завела везде особую чистоту, опрятность и порядок. Священнические дома по близости их к монастырю отнесла далее, также и дворы сторожей. В 1855 году её старанием выстроена новая гостинница, через что старая гостинница, будучи поправлена, поступила в число келий для монашествующих. В том же году, по её ходатайству, иждивением усердного благодетеля обители, Графа Дмитрия Николаевича, построилась деревянная на каменном фундаменте больница, наименованная Сергиевскою, с помещением на 10 человек; при больнице старанием Игуменьи Макарии устроена церковь во имя Святителя Николая, которая освящена в 1856 году, Августа 5 дня, Преосвященным Архиепископом Илиодором. Иждивением же Графа устроен на монастырском дворе новый колодезь близ тёплой церкви, в роде часовни, с железною крышею, с деревянною вокруг решёткою. В 1857 году предпринято ею распространить монастырь на север, с тою целью, дабы ввести внутрь монастырь-корпус старой гостинницы (обращённый в жилые келии для монашествующих) и корпус, выстроенный ею для себя, на

своё иждивение, и сложить новую каменную ограду со святыми вратами, вместо же стоявшей тогда над ними колокольни предположено было пристроить новую колокольню к тёплой церкви, во имя Преображения Господня, с распространением этой церкви, и приобрести для неё колокол в 200 пудов, взамен колокола того же весу, отданного одною из Настоятельств в церковь Борисовской слободы.

Последние годы своей жизни (с 1858 по 1869) Игуменья Макария много потрудились над приведением в исполнение выше помянутых предположений, разумею перестройку тёплой церкви во имя Преображения Господня, с возведением при ней колокольни. Успешное же совершение сего дела удовлетворило существенную потребность вверенной ей обители. Церковь Преображения Господня расширенная первоначально ещё в 1846 году, всё-таки была слишком тесна для вмещения значительно увеличившегося с тех пор богособранного стада словесных овец Христовых.

Возложив всё упование своё на Матерь Божию, исконную покровительницу обители, мать Игуменья решилась обратиться с просьбою о помощи к попечителю обители, Графу Дмитрию Николаевичу, для чего и совершила в 1857 году зимою поездку в Петербург. Благоволительно и радушно принял Граф мать Игуменью, и по духу благочестия, как бы наследственного в их семействе, почтил смиренную просьбу её своим милостивым вниманием, обещав помочь в перестройке церкви. Началась официальная переписка в следующем 1858 году, представлением плана и смет, касательно суммы, потребной на его осуществление. На просительное письмо о сём матери Игуменьи, от 29 Апреля, 1859 года, Граф Д. И., во исполнение своего словесного обещания, отвечал ей письмом следующего содержания:

«Ваше Высокопреподобие!

Получив письмо Ваше, от 29-го Апреля сего года, с приложением сметы на постройку при тёплой церкви Тихвинского Девичьего монастыря колокольни и исправление тёплой трапезы, всего на сумму десяти тысяч ста двадцати двух рублей пятидесяти копеек серебром, уведомляю Вас, что о выдаче Вам означенной суммы в течение трёх лет, при начале каждого года по равной части, и об отпуске по мере надобности из лесных дач Борисовской Волости лесу,

дубового двести сорока корней и липового шестидесяти корней, предписано Борисовской Вотчинной Конторе, причём прошу Вас, по окончании каждым летом работ, доставлять в С.-Петербургскую мою Контору отчёт в употреблении полученной из Вотчинной Конторы суммы.

Поручая себя, жену мою и сына молитвам Вашим, имею честь быть с истинным уважением Граф Дмитрий Шереметев».

Весною 1859 года ветхий храм Преображения Господня разобран до основания, и 6-го Мая того же года, в среду Преполовения, заложен новый, с колокольнею при нём, который в настоящее время (1860 г.) приведён к окончанию ³⁶. Итак, по благодати Божией, благотворением Графа Дмитрия Николаевича и неусыпными заботами почтенной Настоятельницы, Игуменнии Макарии, удовлетворена вполне одна из существенных потребностей обители, и притом не без пользы для её внешнего благолепия; ибо новый храм с величественною колокольнею, венчая темя монастырской горы, вполне соответствует своим благолепием светлой мысли великого Монарха, который, избирая, со своим подвижником, место для основания предположенной сим последним женской обители, указал именно на эту гору, как бы на местный Фавор, и назначая быть здесь храму Преображения Господня, в память Богодарованной Полтавской победы, казалось, хотел выразить ту мысль, что это славное событие проложило ему путь к преобразованию не только сего края, но и всей, Богом вверенной ему, Державы, и вот в течение 150 лет уже третий храм на предъизбранном великим Монархом месте увековечивает память великого события. Попечение Игуменнии Макарии о благоустройстве обители постоянно обращало на неё милостивое внимание маститого Архипастыря Курского, Преосвященного Архиепископа Илиодора. В 1855 году, Указом Курской Духовной Консистории, она получила особенную признательность Его Преосвященства за ревностное прохождение своей должности, а в 1857 году, по его представлению и по ходатайству содержателя обители, Его Сиятельства, Графа Дмитрия Николаевича, пожалована от Святейшего Синода наперсным крестом, к общему утешению сестёр обители, уважающих в её лице столько же попечительную Настоятельницу, сколько и сердобольную мать, о чадах своих веселящуюся³⁷.

Оглядываясь на обозрѣнный нами 70-ти летний период (1800–1870 г.), мы усматриваем, что в последнее 30-тилетие, благодаря попечению Настоятельницы обители, вспомоществуемой благодетельным вниманием и щедротами Графа Дмитрия Николаевича, в одних частях исполнились, а в других продолжают исполняться, желания основателя обители, дабы, чрез приём в оную ведомых и рукодельных, она расширялась, и желание, выраженное его наследником, дабы обитель сия, через выбор достойных Настоятельниц, была у всех в почтении. А мы, с своей стороны, пожелаем, дабы сей нелестный отзыв остался справедливым и на будущее время, и да не оскудевают никогда в обители те добродетели, которые ныне привлекают к ней вообще внимание и усердие людей благочестивых, разумею: простоту, смирение и послушание. Духовные плоды Борисовской пустыни в течение сего периода проявились между прочим и в том, что из неё взято в разное время несколько монахинь для управления и устройства других обителей: Досифея Веревкина в Тверской девичий монастырь, откуда, по прошению Преосвященного Григория (бывшего Казанского Архиепископа и потом С. Петербургского Митрополита), перемещена Настоятельницею в Казанский девичий монастырь, которым управляет с честью доныне; монахиня Ироида в монастырь Земли Войска Донского, находящийся в старом Черкаске; монахиня Емилия Степанова, во вновь устроенный её тщанием и иждивением в своей деревне в 1844 г. Харьковский Николаевский девичий монастырь; Рафаила в Белгородский в 1848 г.; Алевтина Недельская в Курский девичий монастырь в 1850 году; в настоящее же время находится на месте её Игуменьей монахиня Борисовской же пустыни София Ступина, которая взята отсюда одновременно с Игуменьей Алевтиной и находилась до кончины в должности Казначей. В 1864 г., на место выше упомянутой Игуменьи Белгородского монастыря Рафаилы Черемисовой, взята на Игуменство во оную обитель монахиня Борисовской пустыни Людмила Мясоедова, из дворян Курской Губернии.

IV. Храмы и другие здания

A. Храмы

Ныне находится в сей пустыне два отдельных храма каменного здания, да третья больничная церковь, вновь устроенная внутри монастырской больницы.

Главная церковь во имя Тихвинския Богоматери, холодная: это уже третий храм на сём месте. Мы видели, что, согласно устному преданию, началом обители послужила деревянная часовня, построенная Генерал-Фельдмаршалом Графом Борисом Петровичем после битвы под Полтавою в 1709 году. Здесь, в память одержанной заступлением Богоматери победы над Шведами, благочестивый вождь Русских сил поставил икону Тихвинской Божией Матери, копию с той чудотворной иконы, которая сопровождала его во всех походах. Эта часовня по времени была обращена в храм для новоустроенной в 1714 году по обету Графа девичей обители, и это был первый храм обители, существовавшей по 1759 год.

А в 1759 году, Июля 5 дня, по тесноте первого храма, была основана другая церковь, тоже деревянная, на том же самом месте, по благословению Преосвященного Иоасафа, Епископа Белогородского. Сей храм был освящён в 1775 г. Преосвященным Аггеем, при Игуменье Ксении Данилевской. Храм этот простоял 46 лет, и хотя ещё не пришёл в совершенную ветхость, но был заменён каменным, по причине своей тесноты, не соответствующей потребностям обители, число насельниц коей начало умножаться с 1800 года, когда штат был прибавлен вдвое и содержание увеличилось соразмерно действительным потребностям.

Нынешний главный храм обители заложен в 1822 году, Мая 1 дня, по благословению Преосвященного Евгения и, преемника его, Преосвященного Владимира, Епископа Белогородского же, тщанием Игуменьи Августы, иждивением содержателя обители, Графа Дмитрия Николаевича, с обращением на постройку и суммы предварительно собранной Игуменьею от доброхотных дателей. Освящён 1826 г., Сентября 4 дня, при Игуменье Венедикте, Преосвященным Владимиром. Сей храм существует и поныне без перемен по внешнему виду, внутренность же оного совершенно изменилась и украсилась в 1847 году, усердием монахинь Мелетии Гриневой и её племянницы, Макарии Новосильцевой (бывшей Настоятельницы), их иждивением и тщанием устроен красивый и великолепный иконостас и произведена соответственная ему отделка храма. Храм сей расположен крестообразно; выступы, составляющие ветви креста, образуют с трёх сторон открытые паперти с фронтонами; на каждой стороне по четыре колонны, между

коими по два окна и двери, а восточная стена с пилястрами и 4 окнами; по середине крыши фонарь или трибун сквозной с 8 окнами, проливающими обильный свет во внутренность храма; на трибуне купол, небольшая шейка и глава с золочёным крестом. Внутренность храма своим благолепием соответствует его внешнему виду; своды его опираются на четыре пилястры: две из них приходятся в алтаре, отделяя его от ризницы и пономарни, между ними в арке устроен красивый и величественный иконостас, поле иконостаса белое; резьба и 10 круглых колонн позолочены; между колоннами расположены шесть местных икон равной величины (2 аршина 10 вершк. ширины, 1 $\frac{1}{2}$ вер. вышины), в ризах накладного серебра с позлащёнными венцами, все в деревянных позлащённых рамах за стеклом. Над царскими дверями открытая арка, под нею изображение Св. Дух, в виде голубя, в резном позлащённом сиянии; над аркою икона Тайной вечери, в золотом сиянии, по сторонам её на карнизе резные золотые изображения символов Ветхого и Нового Завета. Сверх иконы Тайной Вечери деревянный крест, с изображением распятого Господа. Над северною и южною дверями по сторонам арки небольшие иконы в фольговых ризах: Спасителя, несущего крест и моление о чаше. А над боковыми местными иконами круглые клейма, и в них живописные иконы Воскресения и Вознесения Господня. В алтаре сень круглая на 4-х колоннах с позолотою; на горнем месте в нише образ Спаса Вседержителя в ризе накладного серебра³⁸, и по сторонам большие же иконы Матери Божией и Иоанна Богослова в ризах золочёных фольговых, работы здешних монахинь, по стенам живописные изображения во весь рост Преподобных Антония и [Феодосия Печерских](#). Каждый клирос закрыт двумя большими киотами; в одном из них помещается местно чтимая икона Тихвинской Божией Матери, пожертвованная в обитель основателем её, Генерал-Фельдмаршалом, Графом Борисом Петровичем Шереметевым; риза на ней сребропозлащённая, две звезды, с бурмицкими зёрнами, корона убрана стразами с двумя аметистами, а убрус низан мелким Китайским жемчугом, перед нею горит неугасимая лампада, сребропозлащённая о четырёх ветвях. Перед киотом правого клироса устроен род гробницы, в коей под стеклянным покровом помещены две серебряные дски, разделённые на квадраты, в коих между позлащёнными звёздами вложены частицы св. мощей разных

угодников Божиих, имена коих значатся в вырезанных там же надписях: в одной доске 42, в другой 30 частиц. Перед киотом левого клироса поставлена плащаница искусной работы, шитая по малиновому бархату жемчугом, битью и разными простыми камушками; устроена иждивением и усердием сей пустыни монахини Маргариты Соломенцовой в 1854 году, с употреблением церковного жемчуга 7 $\frac{1}{2}$ золотников. Тело Спасителя лежит на глазетовой плащанице; опоясание вышитое золотом, убрано разными камушками, сияние стразовое; у тела 6-ть фигур поясных; одежды на них вышиты золотом и жемчугом и простыми камушками: лица живописные: Иосиф, Матерь Божия, Мария Магдалина, Мария Клеопова, Иоанн Богослов и Никодим.

Тёплая каменная же церковь во имя Преображения Господня, третья сего наименования по времени построения.

Судя по надписи в напрестольном Евангелии, первая тёплая церковь во имя Преображения Господня, деревянного здания, была современна основанию обители; предание же утверждает, что она построена по мысли Царя Петра Алексеевича, на месте, им указанном, собственноручно водружённым здесь крестом. Церковь эта простояла более ста лет. Второй храм каменного здания заложен в 1831 году, а освящён в 1834 году, Ноября 4 дня, при Игуменье Анатолии, построен иждивением содержателя обители, Графа Дмитрия Николаевича Шереметева, а в 1846 году, по просьбе той же Игуменьи, по причине быстрого умножения числа насельниц обители, был распространён почти вдвое, на счёт же Графа. Преемница Анатолии, Игуменья Арсения, в 1848 году устроила в сём храме (в трапезе, на правой стороне) придел, во имя Трёх Вселенских Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и [Иоанна Златоустого](#). По тесноте этой церкви, для ежегодно умножающегося числа сестёр, в 1857 году, Настоятельница обители, Игуменья, Макария, в бытность свою в Петербурге, лично исходатайствовала у Графа Дмитрия Николаевича пособие на распространение церкви и устройство при оной колокольни. Вследствие сего церковь сия была сломана в Марте 1859 года и заложена новая двупрестольная 6 Мая, 1859 года, благочинным Борисовской церкви, Протоиереем Петром Козминым, в присутствии Игуменьи и всех сестёр. В 1861 году церковь уже была окончена вчерне, освящена в 1862 году, Сентября 21 (в день Ангела храмоздателя, Графа

Дмитрия Николаевича), Преосвященным Сергием, Епископом Курским и Белгородским; к храму пристроена величественная колокольня, вместо бывшей на святых вратах. Храм сей по внешнему виду величествен, а по внутреннему расположению изящен и вместителен. В плане его видно талантливое подражание Русско-Византийскому стилю, каким застаём его в XVI-XVII столетии в Москве. Над невысоким трибуном крутая и довольно высокая крыша, увенчанная 5-ю главами, на соразмерных трибунах; кресты четвероконечные. Пилястры, украшающие боковые стены храма и расположенные между ними окна с сандриками, равно и прочие подробности в том же Русско-Византийском стиле, делают честь художественному вкусу архитектора. Колокольня, о трёх ярусах с шатровой крышей, не выделяется из общей гармонии ни соразмерностью частей, ни стилем украшений. Длина храма с трапезою, внутри $38 \frac{3}{4}$ аршина, ширина $28 \frac{1}{2}$ аршин, кроме колокольни, имеющей внизу $7 \frac{1}{4}$ аршин в квадрате, а по сему наружная длина всего храма с колокольнею 50 аршин, ширина 31 аршин. Внутри храма два алтаря в ряд: главный престол во имя Преображения Господня, придельный во имя трёх Святителей, а с левой стороны пономарня. Вместительность храма увеличивается большими хорами, с которых устроен ход на колокольню. Отапливается храм 8-ю печами, из числа коих пять круглых железных, а три кирпичных. Главный иконостас трёхъярусный, резной, искусной работы, с колоннами, Византийского стиля. В нижнем ярусе местные иконы: Спасителя и Божией Матери, писаны на Афоне в Русском Пантелеймоновом монастыре, на боковых дверях изображены: Преображение Господне и Св. Великомученицы Варвары, а два остальные места заняты: с правой стороны киотом для помещения чудотворной иконы Божией Матери Тихвинския, а с левой киотом же для Креста, с частию древа животворящего Креста Господня. Во втором ярусе три больших иконы, да две в клеймах. На средней изображены Распятие Христово, а на боковых прочие страдания его. В третьем ярусе, на высокой пристройке гроб и над ним в круглом клейме в сиянии – образ Воскресения Господня.

Церковь домовая во имя Святителя Николая, при больнице, устроенной на 10 человек иждивением Графа Дмитрия Николаевича Шереметева в 1855 году, старанием бывшей Настоятельницы, Игуменьи Макарии Новосильцевой, а

иконостас из пожертвований, в коем главная доля принадлежит монахине Максимилле (нынешней Игуменье). Освящена в 1856 году, Августа 5-го дня, Преосвященным Илиодором, Архиепископом Курским и Белогородским. Корпус изнутри монастыря двухэтажный, церковь в верхнем этаже, иконостас нового письма с позолотою. Кроме местных икон на боковых дверях – изображения Преп. Сергия, м. Илиодора, по стенам иконы, остающиеся после усопших инокинь.

Прежняя колокольня над св. вратами каменного здания, которая вместе с оградой (неоднократно потом распространённою), была устроена, взамен первоначальной деревянной в 1812 году, а окончена и освящена в 1816 году. Колокольня эта и северная часть ограды, в которой она устроена, сломана в 1857 году, дабы ввести внутрь монастыря больницу и корпус старой гостинницы, несколько примыкающий к ограде; а новая величественная колокольня пристроена к тёплой церкви во имя Преображения Господня, построенной в 1858–1862 годах.

Колоколов в обители пять:

1) Весом в 64 пуда; 2) 20 пуд.; 3) 9 пуд. 35 фунт.; 4) 1 пуд. 22 фунта; 5) 1 пуд.

А так как большой монастырский колокол при Игуменье Афанасии был уступлен для главной церкви Борисовской слободы, то предположено вновь купить для монастыря полиелейный в 200 пуд весом, что, при помощи Божией, и исполнено.

Б. Прочие здания внутри и вне монастыря

Каменных корпусов келий нет, деревянных 44, и все оне внутри монастыря; со времени приведения в исполнение предположения распространить ограду на север, вне монастыря остались лишь: корпус новой гостинницы, против св. врат, позади его скотный двор, а в одной с ним линии четыре деревянных дома для Священников и один для сторожей. Из сих зданий 5 корпусов для помещения 24 штатных монахинь, один корпус для Настоятельницы, и два, построенные для помещения нуждающихся, по особому определению содержателя, корпус старой гостинницы (обращённый ныне на тот же предмет), также больница, корпус новой гостинницы, дома Священнические, дом для

сторожей и скотский двор, построены иждивением содержателей сей пустыни, Графов Шереметевых. От частных благотворителей для бедных построено два корпуса. Остальные построены собственным иждивением живущих в сей обители. Всех жилых корпусов 57; кроме больницы и гостинницы корпуса все деревянные, только в 5 нижние этажи каменные. Здания сии расположены так, что две церкви, корпус Игуменских келий и один из корпусов монашеских келий, занимают самую вершину горы; другие келии, если смотреть снизу и издали, опоясывают гору в два ряда, возвышаясь один над другим. На север пространство, занятое монастырскими зданиями, удлиняется и имеет некоторую покатость. Мимо ограды пролегает дорога; прямо против Св. Врат корпус новой гостинницы; на одной линии с ним, по одну сторону – дома священнослужителей, а по другую монастырской сад и кладбище. Позади гостинницы скотный двор и изба для сторожей; позади домов священнослужителей принадлежащие им усадебные места. В саду, который разведён вновь, по уничтожении сада, бывшего на южной стороне обители, на вершине холма, устроена келья, а в полугоре беседка, для отдыха гуляющих: отсюда открываются восхитительные, ненаглядные, виды на Борисовку, ближние Малороссийские левады с их садами, лугами, огородами и пчельниками, и дальние окрестности монастыря. Сад содержится в отличном порядке, дорожки усыпаны песком и обсажены цветами, которых здесь более 100 разных родов. На кладбище кресты деревянные, памятников немного, все могилы обложены дёрном и обсажены цветами; посреди кладбища часовня, украшенная иконами.

V. Достопримечательные церковные вещи

Главная святыня обители и драгоценнейшее её достояние составляет икона Тихвинской Божией Матери, принесённая в дар новоустроенной обители основателем её, Графом Борисом Петровичем Шереметевым. Икона эта есть подлинная копия с той знаменоносной иконы, которая сопровождала благочестивого Фельдмаршала Русских войск во всех его походах против неприятеля, перед которой он помолился накануне знаменитой битвы и победы Полтавской... Есть предание, что та икона подарена Графу от его супруги и была сердечно чтима им, по особому семейному событию.

Копия с сей иконы, ныне находящаяся в монастыре, как по общему местному преданию, так и во всех старинных описях обители, также именуется чудотворною, и там же исчисляется до 50 различных привесок, приложенных к ней за исцеление от различных болезней. Следуя гласу матери нашей Церкви, «не умолчим никогда хвалы Твоея глаголати недостойнии», мы побуждаемся долгом совести и благодарения свидетельствовать, что Борисовская обитель, со времени своего основания и доселе постоянно видела над собою особый покров и заступление Матери Божией, являющей своё незримое присутствие здесь, в сей знаменоносной иконе. Так, при самом её основании, некоторые недоброжелатели из Борисовской слободы, простерли злобу свою на обитель до того, что решились, по научению исконного врага и доброненавистника, сжечь её. На сие злое дело вызвались два молодых парня. Взяв огня, серы, пакли и т.п. горючих материалов, они пришли в глухую полночь к монастырю и разошлись на противоположные стороны, дабы зажечь его разом с двух сторон, но вдруг тот и другой увидели перед собою величественного вида Госпожу (Господыню) в белой одежде, которая, стоя на стене, угрожала им. Испуганные таким видением, они оставили свой преступный замысел, сошлись опять вместе и рассказали один другому то, что видели порознь, удивляясь, как одна и та же Госпожа в одно и то же время явилась им на противоположных стенах обители. Они поняли, кто была эта Госпожа и, преследуемые упрёками совести, сами признались перед судом в своём злом умысле и были сосланы. Так Матерь Божия видимо сохранила своё достояние.

Приведем здесь ещё несколько из числа многих устных и письменных благочестивых преданий Борисовской пустыни о благодеяниях Матери Божией; все вместе и отдельно взятые предания эти убеждают в особом благоволении Царицы Небесной к обители, посвященной в кивот её знаменоносной иконе, и, конечно, не одно безмятежие и красоты южной природы привлекают и удерживают здесь такое число живущих. Свято и к сердцу принимаю аз грешный эти утешительные предания, переходящие здесь от одного поколения инокинь к другому и промыслительно сохранившиеся доселе в простых и живительных беседах благоговейных стариц.

В начале текущего столетия одна благочестивая старица, по имени Афанасия, которая всегда зажигала неугасимую лампаду пред чудотворною иконою Матери Божией (она была свечница), идучи из слободы в монастырь, неожиданно встречается с девицей в белой одежде, необыкновенной красоты и царственного величия. Поражѣнная видом незнакомки, старица поклонясь ей, с почтительностью спросила: «Откуда, Госпожа?» – «Из монастыря», отвечала сия. «А давно ли ты прибыла в монастырь?» – «Я всегда живу там.» – «Что же я тебя никогда там не видала?» – «Ты всегда пред моею иконою лампаду зажигаешь и свечи ставишь», сказала Госпожа, и стала невидима. Спустя несколько лет, та же старица Афанасия, идучи из слободы в монастырь, встретила Госпожу величественного вида, идущую в Борисовку. «Откуда ты?» спросила старица незнакомку. – «Из монастыря, иду навестить больную: она и мать её усердно просили меня посетить их». Сказавши имя больной, Госпожа стала невидима. Афанасия знала больную: это была бедная девица, лежавшая несколько лет на одре, расслабленная всем телом. Афанасия пошла к ней, и нашла её совершенно здоровою. Девица рассказала ей, что видела во сне, будто кто-то велит ей поднять из монастыря икону Пресвятой Богородицы Тихвинской и, проснувшись, она упросила родных исполнить сие. Икона была принесена, и больная, приложившись к ней после молебна, исцелилась. Это событие последовало в то самое время, когда Афанасия встретила неизвестную ей Госпожу по дороге в монастырь. Ежегодно, при стечении в обитель богомольцев бывают, по ходатайству Богоматери перед её знаменоносною иконою, по несколько исцелений. Упомянем о более известных: 1801 года одного расслабленного везли в Киев и остановились на ночлег в Борисовке. Отец и мать его видят один и тот же сон, что пришла к ним девица величественного вида и говорит: «Куда вы везете больного? В Киеве у меня богатый дом, и многие посещают там меня, а здесь у меня есть убогий дом, и редко кто его посещает». Проснувшись родители расслабленного, пересказали друг другу одинаковый сон, подивились сему и, позвав хозяина дома, стали расспрашивать: «Нет ли по близости какой святыни?» Тогда хозяин сказал им: «Вон есть у нас монастырь, где чудотворная икона Тихвинской Божией Матери». Услышав это, они привезли своего больного в обитель, принесли его в

церковь, отслужили молебен Царице Небесной, и расслабленный вышел из церкви сам совершенно здоровый.

В 1833 году одна женщина из Донских Казачек сильно страдала, будучи одержима бесом. Идя в Киев, она ни за что не хотела зайти в Борисовку вместе с другими богомольцами; но бывшая с нею дочь и товарки, зная, что в Борисовской пустыне есть чудотворная икона, наняли подводу и, связавши больную, привезли её в монастырь насильно; здесь, при возложении на неё иконы Пресвятой Богородицы и креста с св. мощами, она освободилась от мучившего её духа, который кричал в ней: «Меня Митрофан не выгнал, но послал сюда к Той, которой имя страшно нам произнести».

В 1835 году Белогородского Уезда, селения Тамаровки, отцу одного расслабленного снилось, чтобы его повезли в монастырь на день празднования явления иконы Тихвинския Богоматери. Когда сие было исполнено, больной, на 9-й песни канона, встал на ноги и уже сам вышел из церкви.

В 1842 году, в городе Короче, у одного купца сын 10 лет от рождения не ходил вовсе. Однажды беседуя с женою о сыне, купец сказал ей: «А что, повезём-ка его в Борисовской монастырь к Тихвинской Божией Матери». Едва он успел выговорить эти слова, мальчик прибежал к ним из другой комнаты с радостным видом, и с той поры стал ходить свободно.

В 1846 году Белогородского Уезда, Господина Головина, слободы Тамаровки, Писарь Иоанн Савин сын Сакин, имел сына Иоанна, который, будучи уже 4-х лет, не мог ходить. Мать его видела во сне, что кто-то велит ей везти сына в Борисовскую пустынь, обещая ему исцеление. Передавши о сём мужу, они прибыли в монастырь к празднику явления иконы Тихвинской Богоматери, 26-го Июня; но как было очень много богомольцев, то они не могли служить молебна в самый день праздника, и отслужили оный уже тогда, как разошлись богомольцы. Во время чтения акафиста мальчик, будучи на руках у матери, начал рваться от неё, простирая ручонки к иконе; когда же мать хотела посадить его на землю, он, к удивлению её, стал на ноги, подошёл к аналою, и с того времени стал ходить свободно.

В 1855 году Белогородская Государственная крестьянка, Ирина Шапошникова, будучи в отлучке из дома, видит во сне, что её (оставшегося дома) 4-х летнего ребёнка держит на

руках у себя какая-то Госпожа неописанной красоты. Она, увидя своего сына, говорит ей: «На что же ты, Сударыня, взяла моего сына? Он мне будет кормилец». На сие Госпожа отвечала ей: «Сын твой без тебя был в опасности; я спасла его и взяла к себе только на эти два часа», и, говоря это, отдала ребенка матери. Крестьянка бросилась к ногам незнакомки и говорит. «Где же ты, матушка барышня, живешь? Где мне тебя поблагодарить?» – «Приди в Борисовскую пустынь: я там живу». – «Да кто же ты такая?» – «Я – Мать Божия», скромно отвечала незнакомка. Возвратясь домой, Ирина Шапошникова точно узнала, что в отсутствие её сын её был утопшим два часа, и спасся чудесно от смерти. Эта женщина в том же году приходила в монастырь, ко дню празднования явления иконы Тихвинския Богоматери, с мальчиком, и сама передавала бывшее ей видение Настоятельнице и сёстрам.

Таких рассказов немало, и все они трогают сердце, как утешительное исполнение обетования Матери Божией, быть близкою ко всем, призывающим её во истине.

На иконе две ризы (накладываемые попеременно): одна серебропозлащённая, 1776 году, украшена по полям цветными камнями; корона, три звездочки, два цветка на венчике, также из разноцветных камней.

Кроме вышеозначенной чудотворной иконы, к числу особенно чтимых по разным случаям принадлежат ещё:

Древняя икона Святителя и Чудотворца Николая, 8-ми вершков, в серебропозлащённой ризе, пожертвована послушницами из дворян, девицами Марфою и Ольгою Тимошевыми.

Икона Иоанна Воина 6 вершк. в медной вызолоченой ризе.

Икона Св. Великомученика Варвары 2 вершк. резная из дерева, найденная Священником Потаповым и пожертвованная им в сию обитель. По усердию сестёр сделана на неё серебропозлащённая риза.

Крест серебропозлащенный на престольный с частицею Животворящего древа Креста Господня, частию ризы Спасителя и частицами мощей разных Св. Угодников Божиих. Эта драгоценная святыня пожертвована в обитель выше упомянутыми девицами, Марфою и Ольгою Тимошевыми, а

им досталась по наследству, привезенная родным их дедом из Палестины.

Крест серебряный также с частицею Животворящего древа Креста Господня, пожертвован в обитель Курским помещиком Г. Анненковым. В последствии из обоих крестов частицы Животворящего древа изъяты и вложены в новый сребропозлащённый крест, сделанный в Москве. Все эти кресты и икона Великомученицы Варвары вставлены в дску, обитую бархатом, по коему вышиты золотом надписи, какие святыни здесь хранятся, дска же вставлена в киот, закрывающий левый клирос; за правым, как было упомянуто, помещается икона Тихвинской Божией Матери; перед обоими большие медные посеребрённые паникадила, в других двух киотах, стоящих на ряду с выше упомянутыми, иконы разной величины в серебряных и позлащённых окладах. За сими киотами хоругви, шитые голубым и белым стеклярусом с вышитым мелким бисером изображением Божией Матери и Воскресения Господня: пожертвованы монахиною Людмилою Мясоедовой.

Перед киотом, закрывающим правый клирос, поставлен деревянный ковчег наподобие гробницы, в нём под стеклянным покровом вложены две серебряные, местами позлащённые, дски с частицами Св. мощей: одна из них пожертвована в 1848 году тем же Г. Анненковым; другая подобная же сделана усердием Настоятельницы, и в ней помещена часть Св. мощей из креста, пожертвованного девицами Тимошевскими. На дсках означено вырезанными вглубь надписями, каких именно Святых мощи в них помещаются (в одн. 42, в др. 30).

По нашему мнению, нельзя придумать более приличного помещения для святыни, делающего её доступною для всеобщего чествования и освящения верных. Подобным же образом помещены части Св. мощей в Лаврах Киево-Печерской и Александро-Невской и в Московском Успенском Соборе, для всеобщего чествования.

Из древней утвари, пожертвованной, как положительно известно, при основании обители первым её ктиторм, Генерал-Фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым, остались лишь дарохранильница и напрестольное Евангелие, заслуживающие по сему особого внимания:

Евангелие напрестольное в лист большого формата на Александрийской бумаге, заставки и заглавные буквы писаны золотом, 4 изображения Евангелистов раскрашены и позолочены. Печатано в Москве 1698 года, при Царе Петре Алексеевиче и Патриархе Адриане, в сребропозлащённом окладе; на верхней дске 9 чеканных накладных на цифрованной дске штук с изображениями: на средней Сошествия Христова во ад, а в наугольниках 4 Евангелистов. Между ними четыре меньшие круглые: 1. Успение Божией Матери, 2. Благовещение Пресвятыя Богородицы, 3. Рождество Пресвятыя Богородицы, 4. Вход во храм. На нижней дске также 9 чеканных штук с изображениями: на средней Печерской Божией Матери, в наугольниках: трёх Вселенских Святителей и Святителя Николая Чудотворца, а между ними 4 меньшие с изображениями: 1. Распятия Господня, 2. Снятия со Креста, 3. Положения во гроб, 4. Воскресения Христова. На двух застёжках: Св. Мученица Татиана и Св. Великомученица Параскева. По листам внизу собственноручная надпись вкладчика: «Сия книга, глаголемое Евангелие, сооружена зданием и совершением Генерала Фельдмаршала и Кавалера Графа Бориса Петровича Шереметева в слободу Борисовку в созданной своей Тихфенской девич монастырь к церкви Тихфенския Богородицы да к церкви Преображения Господня, за отпущение грехов своих, которое содержать при оном монастыре во благочестии».

Примечание. Есть ещё два старинных Евангелия, в лист небольшого формата, оба Московской печати: одно 1711, а другое 1716 года, обложены малиновым плисом; средники и наугольники сребропозлащённые низкой работы. Надписи по листам нет, но вероятно то же приложены при основании обителя её благочестивым ктитorem.

Из утвари, поступившей в обитель в текущем столетии, заметим:

Дарохранительница сребропозлащённая в виде часовни на трёх столбах, с одной стороны 4 Ангела, внутри между столбами два Ангела с рипидами. На нижнем ковчеге с лицевой стороны изображено на финифте положение во гроб, на гробнице сверху финифтяное же изображение Спасителя, лежащего во гробе, над гробницею Воскресение Спасителя также на финифти. Весу 2 фунт. 62 золотника. Сия

дарохранительница пожертвована в обитель в 1829 году от благотворителя оной, Графа Дмитрия Николаевича Шереметева.

Евангелие напрестольное, в лист большого формата, печатано в Москве 1830 года, в серебропозлащённом окладе, чеканной работы; на верхней дске пять финифтяных образов, осыпанных стразами; на нижней дске в середине литое изображение Поклонения волхов.

Евангелие в лист среднего формата, печатано в Москве 1800 году, обложено с обеих сторон серебряными дсками чеканными, на верхней 5 финифтяных образов, а внизу выпуклое изображение Преображения Господня.

Евангелие напрестольное, в лист среднего формата, печатано в Москве 1854 года, обложено малиновым бархатом, по коему наложены сверху серебропозлащённые дски; на них 4 финифтяных изображения; образа осыпаны стразами, чеканка матовая золотая; вокруг сих изображений сияние из серебряных стразов. На нижней дске 4-е наугольника и середина серебропозлащённые же.

Крест напрестольный серебропозлащённый, изображения на нём черневой работы, осыпанные стразами; весу в нем 1 фун. 55 золотн. Построен Игуменьёю Анатолией из церковных денег.

Крест серебропозлащённый с 5-ю финифтяными изображениями в серебряной оправе (1784 года клеймо), весу с финифтью 1 ф. 67 золотников.

Дарохранительница серебропозлащённая трёхъярусная, квадратной формы; в нижнем ярусе выдвижной ковчег для хранения даров запасных; со всех 4-х сторон накладные серебропозлащённые чеканные изображения: с лицевой снятие со креста, с задней положение Спасителя во гроб, с левой Спаситель на суде Пилата; с правой моление о чаше; по углам нижнего яруса фигуры Евангелистов с их символами, серебряные литые; во втором ярусе балдахин, под ним золочёная гробница; литое изображение лежащего Спасителя; впереди гроба три фигуры жён мироносиц, а по углам 4 Ангела с рипидами; верх балдахина увенчан золочёною фигурою Спасителя золочёною с хоругвию в сиянии. Весу в ней 7 фунтов.

Священнослужебных сосудов: 6 потиров с принадлежностями, все они сребропозлащённые. Из них заслуживают внимания: потир сребропозлащённый черневой работы, на чаше изображения чеканные, на поддоне черневые. Весу в нем 1 ф. 29 зол.; в дискосе весу 90 золотн. а во всем потире с принадлежностями 3 фунта 37 золотн. Пожертвованы в 1829 году от Его Сиятельства, Графа Дмитрия Николаевича Шереметева.

VI. Ризница

Ризница не столько заслуживает внимания по богатству, сколько по хорошей работе и бережному содержанию.

Исчислим лучшие: 1) одежд напрестольных две: а) сплошной золотой парчи, крест золотого широкого гаса; б) пунцового бархата, на лицевой стороне вышито золотом Воскресение Христово, вокруг по полям украшено шитьем из золота и синели. К ним такие же одежды на жертвенник.

2. Воздухов лучших 7; из них заметим: а) малинового бархата, шитые золотом и канителью, кругом обшиты золотою бахромою, подкладка розового гродетура. б) Пунцового бархата, вышиты золотою битью, блёстками и канителью, кресты шитые золотом и блёстками, обшитые золотою бахромою, подкладка голубой тафты. в) Зелёного бархата, шитые серебром, обложены серебряною бахромою, подкладка голубого гродетура. г) Малинового бархата; по углам вышиты золотом Ангелы; обложены вокруг золотою бахромою, подкладка голубой тафты.

3. Риз лучших 10: а) золотой сплошной парчи с серебряными и шёлковыми разводами, оплечье малинового бархата, на коем вышита золотом и серебром с блесками между цветами и виноградными кистями икона Тихвинской Божией Матери, ризы обложены кругом золотым, широким гасом, подкладка розового коленкора. б) Ризы по золотой парче, разводы серебряные и голубой синели, оплечье зелёного бархата, на коем вышито золотом, серебром и блёстками Деисус в венке из цветов и виноградных кистей, обложены вокруг золотым широким гасом, подкладка синей китайки. в) Три ризы зелёного рытого бархата по золотому глазету, на них крест, шитый по канве серебром и блёстками, обложен вокруг золотым гасом. Подкладка розового коленкора. К ним подризники, епитрахили, пояса и набедренники соответствующего достоинства. г) Три ризы голубого бархата

по серебряному глазету. д) Три ризы малинового бархата с блёстками, оплечье шито золотом (цветы и грозды), серебром, золотом и разноцветною сенелью.

Из Диаконских облачений стихарей лучших 5: а) стихарь золотой сплошной парчи, оплечье малинового бархата, вышиты золотом и серебром с блёстками, обложен вокруг золотым широким гасом, подкладка розового коленкора. б) Стихарь золотой сплошной парчи, оплечье малинового бархата шито золотом и канителью, гасом, подкладка зелёной нанки. К ним пять лучших орарей, и др. п. т.

Церковное книгохранилище состоит из необходимых Богослужебных книг, 45 №№, и хотя, кроме сего, есть и другие книги духовного содержания, как церковной, так и гражданской, печати (всего 74 №), но особенно почему-либо заслуживающих внимания нет.

Из Богослужебных книг заметим: а) Апостол в листе Московской печати 1713 года; б) Минеи месячные 12 книг 1705 года; в) Требник в листе Московской печати 1718 года; г) Цветная Триодь в лист Московской печати 1704 года.

Из прочих книг: а) Соборник Московской печати 1700 года; б) Царский путь Креста Господня, сочинение [Иоанна Максимовича](#), Архиепископа Черниговского, в $\frac{1}{4}$ д. листа, Черниговской печати 1709 года; в) Меч духовный, сочинение Черниговского Епископа Лазаря Барановича, печатано в Киевопечерской Лавре 1666 года. Между прочими книгами есть полное собрание сочинений двух Архипастырей, долее других управлявших Курскою Епархией: Феоктиста Мочульского и Преосвященного Илиодора. Некоторые из сочинений первого составляют ныне уже библиографическую редкость, как, на пр.: «Рассуждение о божественности Христианского учения из Ветхозаветных прообразований и пророчеств и из Новозаветных чудес, а особливо из внутреннего вышеестественного, того же самого учения изящества и силы. Печатано в Москве 1801 года».

VII. Грамоты и древние акты

Копия с Завета Генерал-Фельдмаршала и Кавалера Графа Бориса Петровича Шереметева о устройении и содержании им сей Борисовской Тихвинской девичей пустыни, данного 1714 года, Января 1-го дня.

Сверх Завета имеются копии с 3-х Указов тоже о содержании пустыни:

а. Указ Правительствующего Сената, писанный Харьковскому Наместничеству в Казенной Палате 1788 года, Мая 4-го дня, за №2314 о том, что, по случаю закрытия других монастырей, Её Императорское Величество изволила своеручно подписать следующее: «Что же касается до Борисовской Тихвинской пустыни в Харьковском Наместничестве, на содержании Графа Шереметева состоящей, оную оставить на его волю». И к тому, в силу именного Указа, имеется письмо от Графа Петра Борисовича Шереметева 1788 года к Его Преосвященству Феоктисту, что он оную пустынь, устроенную издавна родителем его, содержать будет, как и до сего времени содержи́ма была на его коште, с наблюдением предписанного в Указе правила.

б. Два Указа из Курской Духовной Консистории:

Первый Указ 1789 года, Сентября 5-го дня, за №1395, с приложением копии с письма на имя Его Преосвященства, Феоктиста, писанного, от Графа Николая Петровича Шереметева в сходство Указа выше означенного в 1788 году, что он, Граф Шереметев, обязуется содержать сию пустынь своим иждивением.

Второй Указ 1800 гола, Ноября 30 дня, за №3185, с прописанием определённого от него, Г-на Графа Николая Петровича Шереметева, на содержание монастыря с прибавлением жалованья и штатов 24-х, и при оном имеется копия с штатного всему монастырю положения 1800 года.

VIII. О чиноположении обители

«И смотреть того накрепко, чтоб чин монастырской, и всякое благочиние и смирение...» (Из Завета основателя обители).

Первоначальный Устав для сего монастыря, как выше сказано, писал сам основатель оного благочестивый Граф Борис Петрович Шереметев. По силе сего Устава введена была в обитель община из 12 сестёр и одной Игуменьи, состоящая в том, чтобы всем им по вся дни сходиться в общую трапезу, а по кельям отнюдь не есть (т.е., не готовить особой пищи). Духовником положено быть Священнику монаху (т.е., Иеромонаху), коему построить келию у св. ворот, и при коем быть келейнику старому

человеку и ведомому, доброго жития, и иным мужчинам в монастыре отнюдь не быть (т.е., не жить внутри монастыря). И мужчине, кроме Воскресных дней к обедне, в другие службы и в другие дни не пускать даже в монастырь и к родственникам. Из монастыря никуда без благословения Игуменнии и Духовника не выходить, а если понадобится быть в слободе, ходить не иначе, как по двое, старая с молодою нигде на ночлег не оставаться, в шинки отнюдь не входить. А нарушительниц сих правил (если бы паче чаяния, обрелись таковые) предписывалось смирять, собразными с тем временем средствами: «класть под порог и шелепами бить, и из обители вон высылать, а таковых отнюдь не держать, и другим соблазна не чинить, и регулу не нарушать».

Церковная служба по сему Уставу была назначена: литургий 4-е в Неделю: в Воскресные дни, Субботу, Пятницу и в Среду, в Субботу меж утренни и литургии акафист Пресвятой Богородице. Велеть сделать било и выбрать будильницу, для призыва сестёр на молитвословие и послушания. В день явления иконы Тихвинской Богородицы должно быть особое празднование: всенощное бдение, после литургии крестный ход и соборное молебствие.

Все церковные и почти все монастырские общие послушания (как-то: печение хлебов, приготовление пищи и мытьё белья) были возложены на самих монашествующих; только велено быть одному привратнику, пастуху, водовозу, а присмотр за ними и всем монастырским хозяйством поручить Шафару (Эконому), которого велено выбрать миром, «доброго, смиренного и набожного», изо всех слобожан, и довольствоваться монашествующих по тому, как положено в инструкции о содержании Игуменьи с сестрами, а что надобно, иметь (брать) у Коменданта (т.е., управляющего Борисовкою). Как бы в заключение завещания сказано: «Коменданту и Шафару смотреть того накрепко, чтоб чин был монастырской и всякое благочиние и смирение, а паче ж, чтоб из монастыря без благословения не выходили отнюдь, а если кто из них (т.е., монахинь) явится дерзкая, и таких, не описавшись ко мне, с наказанием (как выше указано) высылать вон с нечестью, чтоб иным не повадно было; а которые будут высланы, в то место принимать грамотных, которые б могли крылось держать и читать, и принимать известных, а неведомых не принимать, также и рукодельных искать, чтоб тем обитель святая расширялась».

Из этого краткого обзора правил первого Устава легко усмотреть, что приснопамятный основатель её, как ревнитель праотеческого и церковного благочестия, имел намерение строгостию внешних правил всячески оградить порядок и благочиние новоустроенной им обители. Но нельзя ему поставить в вину, хотя нельзя и прейти молчанием, что он не мог, как человек не духовный, знать, что одне внешние правила, как бы они строги сами по себе ни были, не в силах возвести иноческую обитель на степень желаемого им благоустройства, без основательно обдуманых правил внутренней, т.е., духовной жизни, составляющих существенную жизнь обители. Как дерево, сердцевина которого не испорчена, свежа и жива, зеленеет и изо вне, равномерно разливая свои соки изнутри по ветвям, проявляя целость своей внутренней жизни свежестию листов, цветов и плодов, так и в жизни обителей иноческих жизнь внутренняя, правильно устроенная, выражается и во вне процветанием и тем расширением, о котором думал благочестивый основатель, пиша свои Устав. «Семя свято – стояние его», говорит Св. Писание.

Но и в самых внешних правилах сего Устава уже заключалась невозможность будущего расширения обители, предполагаемого основателем. Мы видели, что все церковные и основные монастырские послушания были возложены на самих монашествующих, тогда как число их не могло увеличиваться, кроме замещения мест убылых, умерших, или исключённых из обители; не было предусмотрено, что некоторые собравшиеся в начале монахини с течением времени, придя в старость, ослабнут в силах, или подвергнутся болезням, и потому не будут в состоянии не только отправлять возложенные на них церковные и общие монастырские послушания, но и сами лично будут нуждаться в Христианской помощи других сестёр, и таким образом труды, которые в начале были разделены между 12-ю сёстрами и были сносны, должны будут пасть на меньшее число и сделаться тягостными.

Общая трапеза, поставляемая, согласно Уставу, лишь на 13 человек, с строгим запрещением не держать пищи по келиям, не позволяла принимать в монастырь послушниц, которые могли бы, живя при старших монахинях, облегчать своею помощию общие труды, и сами приготавливаясь нужным обучением, внешним и внутренним, занять в последствии их

места в штате обители. Неудобство этого положения (нынешние общины, как состоящие на собственном содержании, не идут сюда в сравнение), не позволявшее не только расширяться (как предполагал основатель) новоустроенной его обители, но и очевидно утеснявшее её, не замедлило скоро оказаться на деле: Духовник Иеромонах, определённый в обитель, согласно Уставу основателя, вскоре (а именно в 1719 г.) скончался, а на место его Белгородским Архиепископом определён белый Священник, а в 1742 году, тоже по усмотрению Владыки, установлено и в Борисовской пустыне, сходно с другими монастырями его Епархии, ежедневное церковное служение, для чего определён другой Священник. Это благодетельное само по себе установление, при ограниченном положении содержателя штате, при неимении никаких иных посторонних доходов, увеличив круг обязанностей наличных монахинь, сделало ещё ощутительнее неудобство ограниченной числом общины, не только к расширению и процветанию обители, но и к поддержке в ней требуемых Уставом правил. Вот почему строгость Устава, как не соображённая с действительною возможностью, постепенно теряла свою силу.

По малому количеству письменных документов в первой половине XVIII столетия, мы не можем проследить постепенность хода этого дела; известно только, что в 1774 году один из Борисовских Прикащиков, Герасим Прокофьев, в своей отписке Графу Петру Борисовичу, между прочим, писал, что «в монастыре предписанное содержание и порядок не по тому положению (т.е., как установлено было основателем) исполняется». Но как такое донесение, вытекавшее из духа экономии, более походило на жалобу (сопровождавшуюся вопросом: как поступать впредь?) нежели на вникновение в действительные потребности обители, то и Граф Петр Борисович, не зная действительных нужд обители, прочтя Завет своего родителя, конечно, не мог заметить существенных его недостатков, а напротив нашёл, что «порядок, благочиние и содержание монахинь в том Завещании написаны по самым лучшим правилам, чего ради в нем переменять ничего отнюдь не должно, а содержать то всё предание, с каким намерением оной монастырь устроен, не отступая от предписанного Устава, чтоб и малым ослаблением не давать случая к большей неблагопристойности, и как весь порядок внутреннего

всегдашнего смотра зависит от Игуменьи и Духовника, то надлежит, чтоб они были жития доброго, в чём стараться таких иметь, чтоб от хорошего поведения начальных и от доброго жития монашествующих и служащих монастырь был в почтении»; тоже самое и почти в тех же выражениях было подтверждено домашней Конторою Графа и другому Прикащику, Василию Раевскому, 1782 года, в ответ на отписку его о смерти начальницы монастыря и о необходимости пострижения в полное число на штату монахинь.

Надобно заметить, что повод к сим подтверждениям, основанным на отписке Борисовского Прикащика, что «предписанное содержание и порядок не по тому положению (Уставу основателя) исполняется», состоял не в ином чём, как лишь в отступлении от правил первоначально учреждённой общины, составлявших, по выше изложенным причинам, обременение для обители. Следуя монастырским запискам, одна из Настоятельница обители решилась наконец сделать о сём предмете представление Графу (которому не сказано), с объяснением причин, побуждающих её просить дозволения об отмене общины, то есть, чтобы предписано было назначенные по штату на содержание общей трапезы хлебные запасы и припасы выдавать каждой монахине отдельно с увеличением по потребностям обители и самого штатного содержания. Которая из Настоятельница и когда именно и к которому из Графов, Петру Борисовичу, или Николаю Петровичу, входила о сём с представлением монастырские записки умалчивают; если считать этот рассказ достоверным, то скорее надобно предположить, что представление это было сделано Графу Николаю Петровичу, в начале его вступления в управление наследственным именем, т.е., в 1790 годах. Судя по тому, как строго Граф Петр Борисович двукратно подтверждал, чтобы Завет его родителя соблюдался в обители во всех частях его, трудно предположить, чтобы он так легко дозволил отменить самую существенную часть Устава, общину. К подтверждению нашего мнения служит и самое заключение рассказа монастырских записок, что Граф, в уважение изложенных в представлении Настоятельница обители причин, дозволив отменить общину, в то же время увеличил содержание и приказал Прикащику выдавать денежное и хлебное жалованье каждой монахине порознь, а именно: Игуменьи 35

руб. в год, а монахиням по 17 рублей; дров: Игуменье по 4 сажени, монахиням по 2 сажени; хлебных запасов в год: Игуменье ржаной муки по 4 четверика, солоду по 2 четверика, а монахиням: муки 3 четверти, круп 3 четверика, солоду 1 четверик.

Если это распоряжение, согласно монастырским запискам, относить к управлению Графа Петра Борисовича, который, как известно, в 1770 году, прибавив жалованья против Завета своего родителя, назначил выдавать денежного жалованья Игуменье 5 руб., а монахиням по 3 рубли в год, а потом двукратно, в 1774 и 1784 годах, подтверждал о ненарушимом хранении завещания своего родителя, и, следовательно, не мог сделать это ранее, как между 1784–1788 годами, то все-таки упоминаемая в монастырских записках прибавка денежного жалованья вдруг с 5 на 35 рубл. и с 3 на 17 рублей окажется несоразмерно великою; почему, не отвергая возможности самого события, мы утвердительно относим его ко времени Графа Николая Петровича, а именно к началу 1790 годов; ибо, при увеличении им штата обители вдвое и содержания монашествующих в 1800 году, община уже не существовала³⁹, и содержание сие в штатном положении высчитывается на каждую монахиню порознь, об общей трапезе вовсе не упоминается.

Настоятельные действия Игуменьи Афанасии в 1807 году с восстановлением общины, хоть и в силу общего Епархиального распоряжения, но без внимания на предшествовавшее и на действительное неудобство сего учреждения лишь для Борисовской пустыни, по её отличным от других общежительных обителей обстоятельствам, породили лишь неудовольствие между Настоятельницею и сёстрами и расстроившие в обители, которые кончились не прежде, как со смертью сей Игуменьи в 1814 году; монастырские записки говорят, что будто община вторично была уничтожена по её представлению, но сие показание, так же как и первое, не подтверждается никакими письменными свидетельствами, а потому и признавая самое событие, скорее можно предположить, что община и на сей раз уничтожилась сама собою со смертью Игуменьи Афанасии, напрасно усиливавшейся поддержать её, или со смертью Преосвященного Феофота, по предписанию коего она была восстановлена и значением коего поддерживалась. Но эти уклонения от внешнего порядка, обнаруживавшие

лишь недостаток прочного устройства внутреннего тем живее дали почувствовать последней Настоятельнице необходимость обратить на сей предмет своё бдительное внимание. Следствием сего было введение нового чиноположения в 1821 году. Этот замечательный подвиг совершила, при помощи Матери Божией, Игуменья Августа, и тем упрочила навсегда внутренний порядок вверенной ей обители. Штатное положение 1800 года и Устав или чиноположение обители 1822 года по справедливости могут назваться краеугольными камнями её настоящего цветущего состояния.

С 1822 года обитель видимо и быстро стала улучшаться, и во внешнем отношении, буквально говоря, начала расширяться, как желал того её благочестивый основатель, Граф Борис Петрович, и быть в почтении, на что указывал его наследник, Петр Борисович.

Но прежде чем рассмотрим, как совершилось введение в обители нового чиноположения, расскажем со слов ещё живой свидетельницы дней давно минувших, 70-летней старицы монахини Измарагды, чем и как проявлялись постепенное ослабление строгого Устава основателя обители перед введением нового чиноположения, то есть, в исходе прошедшего и в начале текущего столетия: монахини приходили на церковные службы без мантий, кроме великих праздников и чрезвычайных случаев, послушницы носили светское платье, ходили в Борисовку без благословения, пели и читали на клиросе в два голоса; а такие беспорядки унижали достоинство пустыни, славившейся издревле своим благочестием. Но вскоре Царица Небесная призвала в свою обитель людей, которые могли водворить в ней прочный порядок. Сколько же неприятны были для Матери Божией такие беспорядки живущих в обители, известились особенным событием, о котором поведаёт та же старица Измарагда, уверяя в истине оною своею совестью.

«Мы были тогда (в начале текущего столетия), говорит так старица, ещё очень молоды, жили на искусе в монастыре, проходя клиросное послушание и исправляя прочие должности, но ещё мало внимали себе, как по молодости лет, так и по недостатку прочных правил для внутреннего и внешнего порядка монашеской жизни. Однажды, когда у наших родных в Борисовке была свадьба, мы, послушницы,

не считая себя монахинями, пошли к своим и участвовали в их весёлостях. Возвратясь оттуда, мы, по должности своей, спешили ранее других прийти в церковь, но, вошедши в оную, были поражены видением: Икона Пресвятой Богородицы, стоявшая доселе в киоте с утверждением, лежала на полу. Мы немедленно оную и поставили на место, и снова были поражены страшным видением: из глаз Владычицы как будто у живой струились слёзы, она смотрела на нас с видом печального упрёка. Мы отёрли её слёзы и благоговейно поставили икону в киот, но она опять упала на пол; снова поднимаем, отираем слёзы и ставим со всяким утверждением в киот, но она опять плачет и падает. Тут, почувствовав всю важность своего проступка, мы сами в горьких слезах пали пред образом Госпожи и Матери нашей, чистосердечно раскаиваясь и обещаясь впредь никогда того не делать. И сами себе пред иконою Пресвятой Богородицы наложили епитимию – строгой пост и поклоны в конечное очищение своего увлечения. Тогда икона перестала плакать и падать, стала на своём месте и приняла вид обыкновенный».

Сии противные Божией Матери беспорядки уничтожены были таким образом: 1815 году, поступили в сию обитель две девицы из дворян, Анна и Матрона Яковлевы Толбузины, которые предварительно прожили 6 лет в Севском Троицком монастыре и узнали чин и порядок монастырской жизни, наблюдаемый в Севской обители со всею строгостию. По воле Божией и по совету своего старца и духовного отца, Иеромонаха Площанской пустыни, Василия Кашкина, оне перешли в Борисовскую пустынь, где и были приняты Игуменьей и сёстрами с радостию, как девицы умные и набожные, могущие быть полезными для обители. На следующий же год их постригли в монашество с наречением Акилина и Херувима. Имея средства и способности, оне, помощью Матери Божией, решились, не щадя ни трудов, ни издержек, улучшить состояние пустыни, водворением в ней внутреннего порядка, которое составляет душу монастырской жизни. Для сего в начале оне склонили к сему бывших в то время в монастыре монахинь из Дворян: Евпраксию, Маргариту Симонову, Аркадию Житкову, Анатолию Еновскую (бывшую в последствии Игуменьей в сей пустыне), Досифею Веревкину, а, согласясь между собою, оне убедили Игуменью Августу и старших сестёр о заведении в

обители чиноположения по Уставу Св. Отец, соответственного с прочими пустынными обителями. Хотя беспорядки и неурядицы, происшедшие в обители в предшествовавшее управление, были у всех ещё в свежей памяти, однако немалого труда и подвига стоило сим рачительницам благочиния и благоустройства преодолеть предрассудки некоторых из сестёр, состарившихся в простоте своих понятий, и по тому не желавших никакой перемены, почитавших старые обычаи законом по тому только, что они стары; но добрые усилия, при помощи Матери Божией, успели преодолеть все препятствия и наконец достигли вожденной цели, благодаря похвальному содействию благоразумной и благочестивой Игуменьи Августы. Дело это началось тем, что 17-го Января, 1821 года, она с сёстрами подала Преосвященному Евгению, Епископу Курскому и Белгородскому, прошение, которым просила его об учреждении во вверенной ей обители чиноположения церковного, сходного, с пустынными монастырями, и определении в пустынь, для установления пустынного чина, кого-либо по усмотрению Его Преосвященства. На сие прошение Преосвященный Евгений положил такую резолюцию: «Пусть подаёт прошение со всеми штатными сёстрами, и с прописанием, какой общежительный чин желают иметь, и кого именно устроителем сего чина». Вследствие этого было подано новое прошение, в коем было изъяснено, что Борисовская пустынь издревле находилась и ныне пребывает без учреждения чиноположения церковного, сходного с пустынными монастырями, без коего им быть не можно, и что для учреждения такового общежительного чина оне признают способным Глинского Богородицкой пустыни Строителя Иеромонаха Филарета, для сего от Бога одарённого духовным разумом и могущего подать им к устройению душ правила монастырского и церковного распоряжения, почему и просят Его Преосвященство предоставить упомянутому Строителю, Иеромонаху Филарету, устроить для них порядок. Резолюция Его Преосвященства последовала такая: «Пусть Строитель сочинит Устав и пришлёт к Игуменье, а она с сёстрами рассмотря представит нам на рассмотрение с своими замечаниями на каждый пункт, который для них неудобен, о чём и послать Указ к Игуменье и Строителю, которому подтвердить, чтобы не касался священной службы; ибо

Священники не должны ничего действовать сверх церковного Устава, и не могут, как имеющие семейства, столько продолжать службу, сколько продолжается в мужеских пустынях. Он должен писать Устав только для Игуменьи с сёстрами».

Во исполнение сего Строитель Филарет прибыл в Борисовскую пустынь и завёл в ней чиноположение и Устав пустынных обителей, несколько облегчённый для слабого пола. Устав сей, по утверждении его Преосвященным Евгением, 16 Ноября, 1821 года, был препровождён в пустынь с тем, чтобы исполнять его в точности 6 месяцев, а потом что нужно добавить и что отменить, по общему рассмотрению Игуменьи с сёстрами, потом представить на утверждение Владыки. В то же время Строителю Иеромонаху Филарету велено было, в дополнение составленного им Устава, сочинить особую главу о повиновении сестёр Игуменье. По прошествии 6-ти месячного срока, 22 Мая, 1822 года, Игуменья Августа с сёстрами донесла Преосвященному Владимиру, что, «по испытании и рассмотрении Устава, они признали необходимым противу него сделать отмену в том, чтобы, вместо положенного особенного после вечерни в позднее время повечерия, отпевать оное, как и прежде было, раньше, вместе с вечернею; что же касается до назначенных по Уставу должностных лиц: Казначей, Экономки и Гостеприимки, то как сия пустынь состоит на всём коште Его Сиятельства, Графа Шереметева, а по штату основателя пустыни о них не положено, и всё распоряжение, в случае недостатка церковной суммы, в полнении каких-либо потребностей зависит от Его Сиятельства, для чего и имеется со стороны оного определённый особо староста, у коего состоят на руках и деньги церковные, хранящиеся для безопасности в Экономическом Вотчинном Правлении, с должною запискою по книге, для того учреждённой, по тому почитаем иметь положенных должностных лиц излишним и не нужным, и, чтобы и Его Сиятельству не нанести через сие какого-либо неудовольствия, нужно бы сие отменить, а кроме того всё, положенное по Уставу исполнять впредь в точности согласны».

Затем после необходимого изменения, Устав сей был утверждён окончательно, и доныне соблюдается со всею строгостию.

Он послужил, как мы видели, основным камнем благосостояния обители, и таким образом желание Графа Петра Борисовича, чтобы основанная родителем его пустынь была у всех в почтении, благодаря введению в ней внутреннего порядка, исполнилось в точности.

Все Епископы и Архимандриты Курские и Белгородские, посещая Борисовскую пустынь, находят её достойною похвалы; все старцы, прославившиеся святостию жизни, имели о ней хорошее мнение и благословляли вступать туда своих духовных дочерей. Покойный маститый Архипастырь Курской Епархии, Преосвященный Илиодор, посещая обитель, обыкновенно говорил сёстрам: «О вас везде молва хорошая: старайтесь поддержать её!». Достопочтенный старец Иеромомах Площанской пустыни, о. Василий Кишкин, прославившийся святостию жизни и беспристрастием ко всему видимому, назвал сию пустынь «второе небо». Благоразумный подвижник, Игумен Глинской пустыни, о. Филарет, который завёл здесь пустынный Устав, тоже в своих отзывах предпочитал Борисовскую пустынь всем девичьим монастырям. Известный Духовник Оптиной пустыни, о. Леонид, указывал духовным дочерям своим на Борисовку, как на самое благонадёжное пристанище спасения. В Бозе почивший Преосвященный Киевский Митрополит Филарет говорил, что «монастырь сей основан на камени». Незабвенный пастырь Воронежский, Боголюбивый Архиерей Антоний, тоже говаривал о сей пустыне с особою похвалою. И современные нам старцы духовной жизни также расположены любовью к сей пустыне, и охотно помогают внимающим себе сёстрам мудрыми советами и наставлениями.

IX. Краткий устав Тихвинской Борисовской девичей пустыни

О служении времени церковного чина

1

Приспевшу времени вечерни, с Сентября месяца да будет благовест по полудни в 4 часа, с Декабря в 3 часа, с Марта в 4 часа, с Июня в 5 часов. Определённая, приемши от Игумении благословение, ударяет большой колокол 6 крат, для означения вечернего (который да бывает и на прочем церковном правиле для предъизвещения и приуготовления священнослужителей и сестр к церковному служению). И

мало погода, определённая в означенный по дню колокол благовестить, и егда придёт Священник в церковь, перестает благовестить, и обходит в круг церкви, бьет в деревянное било⁴⁰. И начинает Священник девятый час, и вечерня бывает по чину и уставу, и да будет чтение и пение, ни медленно, ни спешно, яко же в праздничные дни, так и в простые, что Священнослужители, по олтарному служению внимательно да наблюдают. Игуменья же да смотрит прилежно и со вниманием по чину церкви с сёстрами, еже бы наблюдали умеренность без остановки во всяком служении в праздничные и простые дни, и сёстры бы приходили в церковь в мантиях; чина ради и благоговения, яко же и обещание дахом Господу при пострижении, чтобы предстояли в служении как пред лицом Бога со страхом и благоговением и наблюдением Святых Отец установлений. Пономарки же в мантиях свой чин да наблюдают. И крылосные свой со страхом Божиим, молчанием и благоговением, еже бы чтения в два голоса, и пения обоих клиросов не смешивали вместе. Но по окончании чтения и пения, другое да начинается, ни продолжительно, ни спешно, а во всяком деле умеренность и чин да будет с наблюдением церковного устава.

2

Повечерия правило да будет по уставу церковному с благовестом обычным, в восемь часов пополудни, на нём же чтутся по установлению Святых Отец определённые каноны: канон Иисусу сладчайшему, канон октоиха Богородицы гласовый и канон Ангелу хранителю. И по окончании канон «Достойно есть», и конечное повечерие и [МОЛИТВЫ](#) на сон грядущим, и по окончании молитв, поются стихиры Креста: «Иже крестом ограждаемы...» и прочие, и целуют Игуменья с сёстрами честный крест, и приемши прощение от Игуменни, исходят в келии своя по чину, и пришедши, по «Достойно есть», поминает, яко же обычай, Архиерея, Игуменю с сёстрами, и благодетелей обители, и всех Православных Христиан.

3

В праздничные дни всенощное бдение в 2 часа по полунощи, по обычном звоне да начинается, с наблюдением пред помянутого чина, яко же устав церковный повелевает, о чём Священнослужители и Игуменья с сёстрами со благоговением и страхом Божиим со тщанием да прилежат.

4

В простые дни в 3 часа определённая будильница, приемши благословение от Игуменнии, под келию всякой сестры, с молитвою возбуждает к утренней молитве, и бывает благовест со звоном по предписанному, и начинается полунощница, и совершается утренняя по уставу и чину, с наблюдением от Священнослужителей по олтарному служению, и Игуменнии с сёстрами по церкви. По 1-й кафизме, или 6-й песни канона, чтётся пролог по всяк день, и по уставу да наблюдается со тщанием и благочинием.

5

Егда приидет время проскомидии, определённая ударяет в малый колокол трижды. И пришед Священник совершает по обычаю проскомидию, и начинается благовест, и по окончании звона по обычаю ударяет вокруг церкви в деревянное било, и по сем начинаются часы, и по окончании часов совершается Божественная литургия, по 1-й ектении чтутся изобразительная, и блаженны, и прочее по чину литургии; начинается же Божественная литургия в восемь часов. Пономарки же да избраны будут подвижные и незазорные в жизни, смиренные и благоговейные к олтарю и Священнослужителям, в олтаре престолу и прочему священному да не прикасаются, свое же токмо по определению и уставу пономарское служение усердно да проходят; ибо правила Святых Отец запрещают не освящённым святыни прикасаться.

6

Игуменния с сёстрами о упомянутом чине да наблюдает тщательно, да определении в служение церковных служений со страхом Божиим и усердием истинным, да проходят церковное служение; ибо сказано: «В храме стояще, на небеси стояти мним», и: «Кто одяен в святой Ангельский образ, Ангельски, яко пред Богом, во всем Ангельском образе (одеянии) должен и служить и предстояти, дабы, вместо милости Божия и вечного воздаяния, и со Святыми причтения, идеже уготова Господь [Бог](#) любящим Его, и служащим Ему в преподобии и правде, за небрежение и нерадение, не был кто осуждён в муку вечную с протившимися Богу»; и сего ради, со страхом и со многим вниманием служение церковное да будет с чистою совестью проходимо; ибо и о всяком послушании сказано страшно, кто

не радит и с небрежением без разума проходит: «Проклят творяй дело с небрежением». Трепета и ужаса исполнено сие изречение грозное. Сего ради всем, прилежащим о спасении, а паче монашествующим, подобает, со многим вниманием и страхом Божиим и с разумом духовным, проходит подвиг монашества, да, с подвижающимися истинною о Господе, и царствие небесное сподобимся получитьи, благодатию Господа нашего, Иисуса Христа, ему же слава во веки веков. Аминь.

О должностях старейших сестёр

О должности настоятельницы

Игуменья, по званию Божию, прияла на себе звание настоятельства не любоначалия ради и прибытка, но любве ради Божия, и ближнего, и послушания. И сего ради должна иметь неусыпное попечение о спасении душ вверенного ей стада, яко о присных своих чадах, и прежде сама собою показать образ быти сущим в обители, во всём словом и делом, поминая Христа Спасителя нашего слова, еже рече: «Иже в вас хочет быти большой, да будет всем слуга!» и сему спасительному гласу внемля, тщательно да понуждает себе всегда ко всякой добродетели, а паче любви, кротости и смирению, и терпению, трезвению и воздержанию, внешном и духовном, дабы ищущие вины, не имели вины к подозрению и преслушанию; ибо враг душ наших тщится научить подчинённых и в малейших подозревать сущих в настоятельстве, чтобы привести в безверие, а от безверия в прекословие и непослушание, от чего бывает великое неустройство и разорение душам, и сими и имя Божие хулится. И сего ради Игуменья да приложит разум о всём да прочитывает часто писания Божественная и наставления монашеская Святых Отец, еже бы и себе устроить и порученных ей сестр, да потщится поощрять их к подвигу монашескому и смирению и послушанию, и како обучати ум противитися молитвою помыслом и отгонять их, и как познавати вины страстей и побеждать страсти, и падшим в страсти како восставати и простираться како к подвигу и утверждаться в вере и терпении, и о сём Игуменья более да тщится имети прилежное внимание о сёстрах; ибо иметь дати ответ пред Господом по поручению ей за всякую душу, аще вознерадит в своё звание, и не будет иметь истинного прилежания и попечения о вверенных ей душах. Аще хочет стройное иметь в обители управление, во

всех случаях да имеет совет с избранными на сие сёстрами. И аще что будет касающееся до обители, да приглашает из старейших избранных и рассудительнейших сестёр для совета общего, и прочитания Указов и всяких предписаний и подписания репортов, и согласия и принятия кого в обитель, и в представлении к монашеству да не будет коего-либо злоупотребления. Аще же кто обители ко вреду и не на пользу будет, таковии да не принимаются из приходящих, аще и со укладом, о чём запрещено в Духовном Регламенте. От подарков же в принятии кого и в представлении к монашеству да не будет в обители злоупотребления; ибо благодать Божия туне принимается, туне и подаётся. И о сём Игумения о себе да наблюдает и о прочих, да некогда за невнимание и противление Божественному Писанию и монашеским обетам и пострадати имут противляющиеся, яко же Анания и Сапфира, и осудятся со святотатци, и сими страшными наказаниями и запрещениями Настоятельница да предохраняет себе и сестёр, да будет всякое дело творимое истинно Бога ради и любви ради ближнего, и благодать Божия во всём управлении поспешествовать будет, и мир Божий водворится в сердцах в истинне труждающихся о Господе. Во обращениях же и прощениях да наблюдает себе опасно, а паче от хмельных напитков, кроме необходимой нужды в приёме, и сие не в зазорное время, а паче после вечера и правила и не зазорных. Да не попустит же из сестёр кому, а паче в приёмах оными, кроме Казначей в отлучке Игумении для нужного приёма и рабочих, и сие с наблюдением совести и монашеских обетов; и во всех случаях прилежно да наблюдает Игумения свою совесть и сестёр в должностях сущих, и всех ей препорученных в обители, и аще кто увидит творимое где противу совести и устава, да не умолчит, да призовет и наедине кротко да обличит и усовестит; аще же не послушает, да соберёт старейших и искуснейших из сестёр, и при собрании да обличить противляющуюся установлению и монашеским обетам. Аще же смирится и будет прощения просить, да дастся ей обще епитимия по её погрешности и по рассуждению Игумении с сёстрами, поклонами, или постом, телесного же наказания, цепи да не будет в обители. Да наблюдает же во всём, чтобы всякое дело со благословением сёстры творили, а паче новоначальнии, и имели повиновение к старицам и бывшим во искусе откровенность, от чего

бывает великое назидание душам и управление мирное; аще же Игумения по нерадению что умолчит погрешности подчинённой, яко сама содея пред Богом осудится, яко же Преподобный Лествичник пишет о Настоятеле. И сим бывши побуждена, со страхом послушание и спасение Настоятельства соделовает. Бывших же в болезнях да посещает, в скорьби сущих и браньми от врага и от немощи отягощённых да надзирает, и утешает любовно, и со искусом в открытии совести, да не явно прочим будет, и вера в открывающихся не оскудеет. И что с верою и любовию Бога ради будет творимо, о том от Господа zde и в день судный воздастся.

О должности казначеи

Казначея, обще от Игумении и сестёр избранная, должна есть, как от Бога порученное по совести проходить послушание, и хранить общую церковную и монастырскую казну в казённой палате, и всё то, что ей поручено, должна она наблюдать по всем частям монастырским, что к ней предлежит и доращу казны. Она должна иметь по всем частям первый голос по Игумении, где что противу Устава будет и противности в должностях, и с Игумениею обще настоять в чиноположении монастырского порядка, в отлучке же Игумении да надсматривает по всем частям в обители по поручении ей общему, и да имеет тщание прилежное не дать вины ищущим, во всяком случае и делом и словом да вспомоществует Настоятельнице истинною и по совести, славы ради Божия и общия ради пользы во всех случаях. Кому же что будет дать нужно на общую потребу из монастырской суммы, или что по её послушанию зависит, да записывает в определённую на сие книгу, за что в определённое время и даёт отчет Игумении обще с первейшими сёстрами при окончании года. Аще кто будет уставу противен, и обетам монашеским и Настоятельнице, да напоминает; аще же не послушает, да возвестит обще сёстрам, и вси да настоят к соблюдению установления и чина, когда же не будет сомнения и противности уставу, во всём с благоговением Игумении и с советом общим да прилежит послушанию, пристрастия же ради и самолюбия да блюдётся, и о проходимом послушании да внимает и с рассуждением по совести беспристрастно да проходит послушание. О приходе же и расходе суммы по

предупомянутаго даёт отчёт обще Настоятельнице с старейшими сёстрами.

О должности ризничей

Ризничая должна есть хранить всю церковную утварь, и все церковные и поучительные книги, и из них по требованию, яко же Игумении, тако и прочим из сестёр даёт, по требованию их, для чтения, с запискою кому именно и какая книга. В праздничные же дни наблюдает о украшении церкви, и по рассмотрению, приличныя дней определяет к служению одежды Священнослужителям. Аще во очищении и целомудрия наблюдении, входит и в олтарь и по послушанию распределяет и наблюдает чистоту в олтаре и в церкви, для чего определяются ей и пономарки, и для ношения подсвечников во время служения церковного и чина. Что же в олтаре к престолу принадлежит, яко одеяния на престоле, священные сосуды, Евангелие, Крест и всё, что на престоле полагается, тое Священник, или Диакон, да исправляет, оное же да хранится в ризнице. Наблюдать же должна и кружку церковную и крылошанскую до высылки месячной, и при высылке, пересчитавши при Казначей и двух Уставщицах, отдаёт Казначей для раздела. Ризницу часто да пересматривает, с наблюдением, да не будет вреда какой-либо вещи, и аще которая вещь требует поправления, да исправляет ю. Аще же ветхая будет, объявляет Игумении, и по согласию отлагает ю, и вся, по прилежному осмотру, в целости и чистоте да хранит с предохранением от несвойственного полу и своей совести. О чём и внимание прилежное во всех случаях да будет, и всегдашнее хранение и блюдение ума, и трезвение душевное и внешнее да наблюдается. О звоне же праздничном и буденном церковных служб да согласуется с Уставщицею. О чём Игумении благословляется, и повелевает наблюдать звон праздничный и буденный звонаркам. Под её же смотрением да будут и пономарки.

О должности церковной благочинной

Церковная Благочинная должна наблюдать в церкви и по монастырю всякое благочиние. В церкви, чтобы всякая из сестёр приходила к началу церковного пения и всякого правила в мантии, кроме коей неудобно будет за послушание, или болезнь. От не приходящих же да ищет вины, чего ради не приходят, и о противляющихся да возвещает Игумении, и она, по узнании вины, да усмиряет

их. Аще же несть Игуменни в церкви, да ставит на поклоны, противу погрешности с кротостию. Должна же всегда смотреть и на монастырю всегда по благочинию, чтобы кому неприлично и несвойственно, по монастырю и по келиям не шаталися, а паче из мирских. Да наблюдает же, чтобы не было по келиям и собраний не полезных, и что неприлично званию монашескому, о том да взыскует, а о противляющихся и прилежащим ко спасению вред наносящих да возвещает Игуменни, и Игумения с сёстрами да умиряет их. Аще же кто случится и из родственников будет в обители, да не принимается в келиях без благословения Игуменни и Благочинной, аще же будет за отлучкою Игуменни, к Казначей да благословляется. Аще же и по благословию приём да будет днём, а не во время церковного правила, или ночью. После же повечерия и церковного правила на сон грядущим отнюдь да будет каких-либо собраний, кроме Игуменни по благословной вине и монастырской надобности. И всех да насмотряет в монастырю сущих, чтобы всякое дело было по чину и приличию монашескому. А паче сама собою во всём образ да будет духовной жизни и трезвенной и незазорной. Благочинная же избирается от степенных, беспристрастных и рассудительнейших сестёр, дабы была образ и пример по Игуменни всем сёстрам в обители, от чего великая душам польза и внимающим бывает успеяние и благочиние стройно и благопристойно.

О должности уставщицы

Уставщица должна тщательно со вниманием наблюдать чин клиросный, и всегда приходить к началу церковного пения и всякого правила, и чтобы певицы стояли чинно, и пели согласно, ни спеша, ни медля, без остановки, клирос с клиросом, то же и в чтении, и стихиры пели с канонархами единоголосно, без кощунства и глумления и празднословия. Да наблюдает же чтение и пение, вся по Уставу и Чиноположению. Певицы же во всём да согласуют в пении и предстоянии Уставщицы, и да поют согласно и умилённо, не козногласованием и бесчинием, но со вниманием и страхом Божиим, дабы и сами с чувствием предстояли, и умилённым гласом пели, и предстоящих сердца к умилению наклонили, к прославлению имени Божия и употреблению души, жаждущие спасения. Да потщится же исправлять и певиц в

удобное время, согласия и чина ради, такожде да наблюдает по Уставу и о поклонех, и прочее по чину установления.

О должности пономарской

Определённые в пономарское служение должны прилежно наблюдать свою совесть, яко же о чистоте своей, такожде и церковной, и чтобы в служении и предстоянии со страхом и вниманием с чистою совестью предстояли и наблюдали чистоту телесную и душевную, и священнослужителям имели бы смирение и послушание в служении, а паче в божественной литургии, и благоговение алтарному служению. В олтари же престолу и прочему Священному да не прикасаются. Церковь почаще да пометают, а паче олтарь, да наблюдают обметанием пыли и паучин, и для служения воду чисту ежедневно да приносят. Во время же входов две да пономарят в мантиях. Такожде и во время нарочитых дней. Сметие же, а паче алтарное и пепел да выносятся на реку, или в нарочитую яму да высыпается. И о сих всех пономарки внимательно и о повседневном звоне да наблюдают, о чём Священнослужители да внушают им.

О должности просфирницы

Просфирница усердно и тщательно да наблюдает первее свою чистоту душевную и телесную по совести. Такожде и сосуды просфирные, чтобы были чисты всегда, и оные да не будут употребляемые в какую другую надобность, и муку для просфор дабы из самой чистой пшеницы свежей и не затхлой приготавливала, яко же и в Служебнику изъясися, да приготавливает же испечением в неделю два, или три, раза, и за день пред служением. Да наблюдает же прилежно чтобы были выпечены, в квасе и соли умеренны и вкусны, и к служению приличны, и без погрешности в упомянутом, да хранятся же в приличном месте. Просфирница со вниманием и молитвою и уединённо в молчании сие важное послушание с верою и любовью да проходит.

О должности управляющей экономией

Экономией Управляющая должна смотреть над всею монастырскою экономией, яко же на дворе монастырском, так и в монастыре и вне монастыря, что к ней принадлежит, где что требует перестройки и починки, или вновь постройки, о том возвещает Игумении, Игумения же с Казначеем и сёстрами рассуждают. Когда будет нужно рабочих в чём, Казначей да известит и нанимают для

монастырской работы, и по окончании работы Казначая платит им, или деньги отдаёт Управляющей экономией, и записывает количество денег в расходную книгу. Что же принадлежит по экономии, во всей обители с Казначеею да надсматривают, о чём да возвещают и Игумении, и с благословением Игумении вся да творят Бога ради, без всякого злоупотребления к мирствованию обители и спокойствованию сестр.

О должности странноприимницы

Странноприимница вне обители, в определённой гостиннице, любовно, со тщанием да успокаивает богомольцев, приезжающих и приходящих, смотря по званию чинов и лиц, и по количеству людей отводит им покой со смирением и любовью. В церкви предъизвещает им, где кому по приличию, по определению общему, стояти во время служения и чинно со вниманием и страхом Божиим. О чём и сама да блюдёт себе во всех случаях от соблазна. Когда же кому будет нужно видеться с Игумениею из богомольцев, да известит ей. Без благословения же Игумении сёстрам да воспрещает приходить в гостинницу, и вся да творит истинно Бога ради и за послушание. Игумения же с сёстрами о нужном содержании и спокойствии богомольцев да рассуждает к спокойствию их и общей пользе.

Сей Устав сочинён и написан в сей обители по благословению Его Преосвященства, Евгения, Епископа Курского и Белогородского и Кавалера, по прошению и согласию Игумении с сёстрами, для всегдашнего по оному наблюдения. Чтобы по повечерии и правиле монастырские врата до утрени были замкнуты всегда, ключ в Игумении да хранится, о чём и да будет наблюдаемо тщательно о всём написанном. Не наблюдающих же и сопротивных монашеским обетам, и вред и соблазн наносящим обители, таковых да высылают из обители, живущие же Бога ради во всём да повинуются Игумении, и да благословляют во всяком деле, о сём Игумения прилежно да наблюдает, а паче в немощных и новоначальных. Аще же кто сопротивится Игумении, или своей старице, в каком-либо словеси, ко спасению изглаголанном, яко враг Божий и соперник обретается, сказано в правилах Святых Отец, и сего ради подобает всем внимати обещаниям монашеским и правилам Святых Отец. И по совести вся творити с благословением,

кроме что будет противу правил Святых Отец и Устава сего и монашеских обетов, в чём не велено иметь повиновения. Господь же и Бог наш своею благодатию да поспешит в исполнении написанных всем труждающимся о имени Его, молитвами Пречистыя своя Матери и всех Святых. Аминь.

Дополнение к Уставу

1. О должном повиновении сестр к игумении

Господь повелевает, во след Его шедшим, во всём иметь отвержение себе, и вси исшедшие из мира и в след Христа Спасителя последовавшие, да внемлют сему спасительному гласу, и тщательно с горячайшею ревностию да понуждают себя с душевною болезнию, еже бы в разуме Господа ради во всём иметь отсечение своей воли и своего мудрования отрезание пред Настоятельницею, яко же и при пострижении дахом обещание Господу Богу пред Ангелы и человеки, о нём же и истязани будем во второе и страшное пришествие Господа нашего, Иисуса Христа; ибо в разуме отвергшие себя вскоре добродетели, приобретают и предъуспевают постепенно со смиренною мудростию в вере и терпении с повиновением своей наставницы, и советом успевших во смиренномудрии и духовном разуме, еже разумети и плоды духовного делания, иже от истинного повиновения, веры и терпения и [МОЛИТВЫ](#) от Господа подаются. Долг имамы в след Спасителя шедшия взырати страданиям Креста и смерти Господа нашего, Иисуса Христа, и понуждати себе по всяк день и час, еже бы худшее покорите лучшему, и плоть поработати духу, и потщатися во еже поставите себе по образу и по подобию; образ в душе человеческой состоит, подобие же в добродетелях. И всякой сестре должно внимать образу святому, еже носим и обетом пострижения, и сими себе от бессловесных страстей востягивающе и смиряюще, истинное повиновение к Настоятельнице должны оказывать, и оную почитать яко мать и попечительницу о душах вверенного ей стада и яко слово воздати хотящей Сего ради сёстры должны иметь повиновение, и всякое дело творить с благословением и любовью к Настоятельнице. И аще кая сестра нужду иметь будет изыти вне монастыря, да испросит благословение от Игумении, или своей старицы, кому поручена будет, едина же да не исходит, а с коею-либо сестрою, о ней же да известится. Сборов бесполезных по келиям да не будет. Мужеска полу и днём да не будет

приему в келии сестр, кроме благословной вины, а паче юных и подозрительных. Всякое же налагаемое от Игуменнии послушание, должны сёстры с любовью и верою принимать, Бога ради, и исполнять без роптания повелеваемое по силе. А если усмотрено будет от сестр старейших что противное в обители установлению Святых Отец и Уставу, или что-либо к соблазну, да возвещают Игуменнии, и обще да усмиряют виновную и налагают епитимию. Такожде и сама Игуменния по вине аще положит епитимию коей-либо сестре, оная да выполняет без роптания и прекословия. Игуменнии без благословной вины да не будет дерзостных выговоров от сестр, аще по истине нужно где сказать от старейших сестр Игуменнии за несоблюдение своей должности по Уставу, то сказать кому прилично, и с кротостию, и истину и со смирением, в трудах её и заботах облегчать, а не отягощать какими-либо отягощениями. Иметь попечение, друг друга тяготы носить, и содействовать исполнению Устава и хранению мира, от чего бывает великое назидание душам, ищущим царствия Божия и правды Его. Аще кто из противных будет, и по наказании не смирится, таковых Игуменния с сёстрами да высылает из обители, паче же новоначальных. Внимающие же да прилежат вниманию и рассуждению и молитве, и во всём да имут разум, да некогда, под видом благословным, преслушание будет к Игуменнии, или своей старице, чего ради враг вину обрет, в безверие и сопротивление введёт неосторожных, и от сего бывает великое бедствование душам малодушным и не утверждённым в вере и терпении; сего ради и Апостол глаголет: «Повинуйтесь наставнику вашему и покаяйтесь, тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще». И кто не имеет к истинным наставницам повиновения, таковии все и в обители живут, глаголет Лествичник, и успеяния душевного получить не могут. К сему увещевает Святой Феодор (Добротолюбие глава 5) Едесский: «Со всею убо силою понудим себе на делание заповедей Господних, да узами неразрешимыми похотей лукавых, и сластей душегубительных не стягнемся, и реченно будет о нас бесплодные смоковницы осуждение: «посецы ю, да не все и землю упражняет»; «всяк бо, рече, не творяй плода добра, посекается и во огонь вметається». Внемли страшному сему изречению, и не буди делом матери твоя судия, но заповедем совершительница; обычай бо бесовом тоя

недостатки показовати тебе, да твои уши оглушат к глаголемым от нее, на брани не крепку ты и страшливу покажут воинствующую, или пребывать в неверствии помыслех, и расслабивше ты повинующейся им, слабу сотворят ко всякия добродетели образу, сего ради разуму и своей воли следовать бедственно, и в нашествии помыслов и страстей нужно иметь во всем откровенность к духовным и искусным наставникам, а паче духовным». Преподобный [Авва Дорофей](#) и прочие Святые довольно о сём увещевают, а паче новоначальных и стужаемых от страстей. И о сих более внимати подобает и блюстися последовати своему и своей воли, молится да будет во всём воля Божия во всех делах наших, Господь же и Бог наш, своею благодатию и человеколюбием да сподобит труждающихся во истине последовать гласу Его спасительному в отвержении себя и предуспевать в повиновении и истинном смирении пред старейшими и духовными наставниками, и возрастать духовне, во еже по подобию смиренномудрием в добродетелех плоды приносить чисты Господу, в покаянии иноческого подвига, в надежде, обетованных благих, уготованных любящим Его и последовавшим Ему во истине, еже буди нам получитьи о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава во веки веков. Аминь.

2. О еже како имети повиновение сёстрам между собою

Истинные подвижницы и ревнители о имени Господа нашего, Иисуса Христа, уготовлены даже до смерти шествовати по заповедям спасительным в вере и терпении, любви ради Божия, должны суть не токмо пред настоятельницею иметь повиновение и отсечение своей воли, но и друг пред другом, любви ради Божия, еже бы стяжать мир душевный и покой и согласие по чину и любовь между собою: где согласие и повиновение друг другу о Господе, там радость, мир любовь и всякое благо по благодати ниспосылается законно подвижающимся. Аще же кто хочет сие стяжати, да навикает с начала иноческого подвига послушанию и отнюдь не составлять своего разума, а паче пред старейшими, и да потщится с понуждением еже пред всеми считати себе меньшею, худшею в добродетелех и недостаточную в разуме духовного делания. Внимати же наипаче совести по всем частям по всяк день и час. И аще в чём-либо совесть обличает, в противлении и преслушании

противу Игуменнии, или к коей-либо из сестр да идет со смирением и просит прощения без оправдания; аще бы вины по мнению не обрелось, да не оправдает себе, а всю вину да полагает на себе, и сими может устроить в предупрежение. Должно же наблюдать, егда вне келии усрящет друг друга, предупреждать поклоном, а паче старейших, и не останавливаться на монастыре в разговоре и празднословии, а ускорять по послушанию, или в свою келию, со вниманием и молитвою, более же в церкви да блюдается всякая сестра бесчиния и празднословия, и по отпуске исшедши из церкви да идут вси чинно в келии своя и по обычаю упражняются во внимании и молитве и рукоделии. И сими да предупевают в любовь Божию и ближнего со истинным повиновением друг другу, коего нас да сподобит Господь Бог своею благодатию во веки веков.

3. Еже како всякой сестр внимати себе

Истинная подвижница о имени Господни да прилежит вниманию более себе, яко же и Святой Василий увещевает: «Внимай себе!». И о сём более хотящим спастися, подобает о внимании приболезненно приложить с молитвою тщание о устроении своей души, да будет зиждема душевная храмина на камени веры, а не на песку колебания и неуройства. Сего ради в начале подобает обучати ум, познавати прилоги вражия, сие есть, помыслы, от врага всеваемые, и молитвою Иисусовою отгоняти я с душевною болезнию. Аще же не отходят, то подобает смирят себе и искусным открывати я с верою, и отбегнут. И от сих навикати искусу внимания в сидении и хождении. Аще и страсти начнут стужать и помыслы неподобные, о сём да не унывает кто, а вскоре да идёт и открывается кому из искусных с верою, и отбегнут. Аще же кое случится искушение, или стужение страсти, да ищет прилежно вины, чего ради, и от чего приключися, и обретши вину, и смиливши себе, и страсть отидет. Понеже многие за неведение страждем со страстьми, а чего ради, искуса не ведем, и аще бы прежде навикнули познавати вины страстей, то бы и страстьми не были обладаемы. Сего ради вниманию более прилежати подобает, и рассуждению с советом предупевших и внимающих себе, и во искусе бывших, иночества путь проходящих постепенно, и труждающихся истинно в простоте и незлобии. Сам Господь и Бог наш во всех случаях своею благодатию сохраняет и

спасает, Ему же от нас буди честь и слава во веки веков. Аминь.

Х. Степень монастыря, число монашествующих

Пустыни сей, как не состоящей в штате, никаких особенных прав и преимуществ не предоставлено.

Со времени основания обители в 1714 году и доселе, согласно завещанию её основателя, Генерал-Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, настоятельство в Борисовской пустыни Игуменское; некоторые Настоятельницы, до производства в сан Игуменьи, управляли обителью под названием Начальницы оной. По Завету основателя штатное число монахинь в Борисовской пустыни первоначально положено было 13-ть, из коих одной быть в сани Игуменьи.

В Высочайшем Указе Императрицы Екатерины II-й, коим велено было упразднить заштатные монастыри Курского Наместничества, пустынь сия была оставлена на волю содержателя оной, Графа Николая Петровича Шереметева, с тем ограничением, чтоб число монашествующих не превосходило установленного для пустынь, оставленных на собственном содержании. Вследствие сего до 1800 году в ней состояло лишь 7 монахинь (считая в том числе и Настоятельницу). В 1800 году Граф Николай Петрович изъявил желание увеличить штат сей обители вдвое противу положенного её основателем, то есть, в 24 монахини и 1-й Настоятельницы в сани Игумении. Сие положение, по ходатайству Преосвященного Феофиста Епископа Курского и Белгородского, было утверждено Указом Святейшего Правительствующего Синода от 25 Октября, 1800 года.

Ныне, в 1859 году, находится в обители монахинь штатных с Игуменьею 25-ть, сверхштатных, на прибавочном содержании, с 1845 года, 6. Послушниц штатных 30-ть, сверхштатных 119-ть; заштатные, кроме некоторых, находятся на пенсии Графа (в 1871 году получали таковую пенсию 23).

Сверх выше писанных указных послушниц находятся ещё в сей пустыни на временном жительстве не указные послушницы из разного сословия с увольнительными бумагами и паспортами, таковых 192. А всех с

монашествующими 350. Состоящие на своём содержании имеют оное частию от своих родных, а частию от трудов рук своих. Более распространено в монастыре рукоделие: обкладывание фольгою образов, золотошвейное искусство, тkanie сукна, холста, и преимущественно мухояра (шерстяной материи, употребляемой на монашеское одеяние во всех пустынных общежительных обителях, как мужских, так и женских).

XI. Средства к содержанию монастыря в прежнее и настоящее время

Обитель сия, как основанная коштом Генерал-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметева, по Высочайшему Указу 1782 года, при упразднении монастырей в Наместничествах Харьковском, Воронежском и Курском, была оставлена на волю тогдашнего содержателя её, Графа Петра Борисовича Шереметева, вследствие чего и на вопрошение Преосвященного Феоктиста, Епископа Белгородского и Курского, Граф Петр Борисович отвечал, что он обязывается содержать сию обитель своим коштом, как и до сего времени была содержана. Такой же отзыв и в тех же самых выражениях сделал и Граф Николай Петрович на письмо к нему Преосвященного Феоктиста в 1789 году.

Граф Дмитрий Николаевич продолжает содержать, следуя завету своих предков, обитель, в коей приносится ежедневно бескровная жертва за живых и усопших членов дома его.

Мы уже видели, что, по Завету основателя 1714 года положено быть в монастыре Игуменье и 12 монахиням и им выдавать денежного жалованья в год Игуменье 3 руб., 12-ти монахиням, каждой по 2 рубл., да в четвёртый год давать по 10 овчин неделаных. Духовнику на платье давать в год жалованья по 5 рублей, а пищу, что будут сёстры есть. Трапеза назначена общая по особому положению; для расхода на содержание велено держать прикащику деньги из наличных Графских доходов, а хлеб и прочее выдавать из того хлеба, какой собирается повсегодно без задержания, причём велено было Коменданту удостовериться, что будет хлеба на день расходиться и на квас, и что в год с рыбою, мёдом и се пивом в указные дни изойдёт.

Дано в монастырь пять коров, 12 овец, 1 баран и 2 лошади, на содержание которых потребный корм велено отпускать по назначению из монастыря.

1727 года сделано было донесение от монастыря Белгородскому Епископу Епифанию, сколько по регулу даётся ежегодно в Борисовский Тихвинский монастырь денежного и хлебного жалованья. Видно:

А. Денежного жалованья

Духовнику – 1 р. 10 алтын.

Игуменьи – 4 р. 4 алтын.

Уставщице – 2 р. 16 алт. 4 ден.

Старицам по – 2 р.

Итого – 24 рубля.

Б. Хлеба

Муки ржаной 45 четвертей, 2 четверика.

Муки пшеничной 6 четвертей.

Пшена 5 четвертей.

рийвой (?) муки (солоду?) 6 четвертей.

Гороху 3 четверти.

Семя конопляного 2 четверти.

Соли 9 пудов.

Масла конопляного 4 ведра.

Граф Петр Борисович, в 1775 году, приказал, за благое их житие, денежного жалованья выдавать в следующем размере: Игуменье 5 рублей, монахиням по 3 руб., Духовнику по 5 рубл. на год, «чтобы они одеты были благопристойно».

По монастырским запискам видно, что, с уничтожением общины, последовала прибавка денежного жалованья, и оно выдавалось в следующем размере: денежного жалованья в год Игуменьи 35 руб., монахиням по 17 рубл., дров: Игуменьи по 4 сажени, монахиням по 2 саж. Хлебных запасов в год Игуменьи: ржаной муки по 4 четверти, круп по 4 четверика, солоду по 2 четверика. А монахиням муки 3 четверти, круп 3 четверика, солоду 1 четверик.

Это положение мы относим, по соображению обстоятельств, к 1790 годам и к времени вступления в распоряжение Графа Николая Петровича.

Наконец, вникнув подробно в положение обители, он, вместе с увеличением штата в 1800 году, дал и новое увеличенное содержание, известное под названием «Штатного положения 1800 года». Прилагаем его здесь для сведения:

Штатное положение, сколько ныне полагается иметь при Борисовском Тихвинском девичьем монастыре монахинь, священников, сторожей и скота, и на каком содержании

Полагается впредь иметь людей	Число	Им производить в год	рубли	коп.
Игуменья	1	Ей жалованья	50	-
		За молебны	5	-
		Муки ржаной 4 ½ четверти по 2 р.	9	-
		Круп грешневых 4 ½ четверика,		
		по 50 к. четверик	2	25
		Солоду ржаного 2 четверика,		
		по 50 коп.	1	-
		Дров 3-х аршинных 8 сажень	32	-
		Итого наличными	55	-
		Да в уравнение	100	-
		Прибавляется наличными же		
		75 коп.		75
		Запасы и припасы	44	25
		Одной:		

Монахинь	Жалованья	25	-
	За молебны	2	-
	Муки ржаной 3 четверти, по 2 р. .	6	-
	Круп гречневых 3 четверика,		
	по 50 к.	1	50
	Солоду ржаного 1 четверик	-	-
	Дров 3-х аршинных 2 сажени,		
	по 4 руб.	8	-
	Итого одной наличными 27 р.		
	За запасы и припасы 16 руб.	43	-
	А на всех 24-х выйдет		
	в год наличными 648	1032	-
	За запасы и припасы 384		
	Одному:		

Священников	2	Жалованья	50	-
		За молебны и панихиды	5	-
		Муки ржаной 8 четвертей,		
		по 2 руб. четверть	16	-
		Пшеницы одна четверть	2	-
		Круп одна четверть	4	-
		Солоду одна четверть	4	-
		Дров 3-х аршинных 8 сажень,		
		по 4 р. саж	32	-
		Итого одному наличными 55	226	50
		За запасы и припасы 58 р. 25 к.		
		Одному:		

Сторожей	3	Жалованья	4	-
		На кафтан и шубу	2	-
		Вместо припасов деньгами против		
		одного дворового	6	60
		Муки ржаной 3 четверти,		
		по два рубля четверть	6	50
		Круп гречневых 3 четверика,		
		по 50 коп	1	50
		Солоду ржаного один четверик . . .	-	50
		Дров 4 аршинных 1 ½ сажени,		
		по 4 руб.	6	-
		Итого одному наличными		
		12 р. 60 к. }	26	60
		За запасы и припасы 14 р.		
		А на всех четырёх в год }		
		наличными 50 р. 40 к.	106	40
		За запасы и припасы 56 р.		

Скотница	1	Ей жалованья	4	-
		Вместо припасов деньгами против		
		дворового	6	60
		Муки ржаной 3 четверти, по 2 р. .	6	-
		Круп гречневых 3 четверика,		
		по 50 к.	1	50
		Солоду один четверик	-	50
		Дров 3 аршинных	8	-
		} Итого наличными 10 р. 60 к.	26	60
		За запасы и припасы 16 р.		
		Итого содержание Игумении,		
		монахинь, Священников,		
		сторожей и скотницы в год:		
		} наличными 874 р. 75 к.	1491	50
		За запасы и припасы 616 р.		

Шапарь	Давать ту льготу, которая		
	теперь даётся от миру.		
Скота иметь:	Для кошения сена в корм скоту		
Коров	особого лугу не отводить, а		
Лошадей	иметь отпуск из казённого сена.		
	На коров по 15 фунтов, а на		
	лошадей по 20 фунтов на каждую		
	в сутки, итого 1916 пудов,		
	по 13 коп. пуд	249	8
	Овса на три лошади, по десяти		
	четвертей в год за каждую. Итого		
	тридцать четвертей, по 1 руб.		
	40 к. четверть	42	-
	Итого скоту и лошадям на <...>	291	8
	Для разъездов сделать		
	тамошними мастерами одну		
	тарантайку, одни дроги и одну		
	кибитку, и дать упряжь.		
	Для топления тёплой церкви на		
	зиму печения просфир, особо дров		
	триаршинных 10 сажень,		
	по 4 р. сажень	40	-
	На просфоры в год пшеницы		
	три четверти, по два рубля 25 коп.		
	четверть	6	75
	На свечи, ладан, вино		
	церковное в год	50	-

	А какие будут небольшие		
	починки и поправки, оные		
	исправлять из сборных денег, но		
	не более в год	50	-
	И буде что надобно будет		
	сделать больше, о том с		
	изъяснением представлять в		
	Канцелярию.		
	Сборным же деньгам и свечам		
	вести записку прихода и		
	расхода в книге по форме, как		
	в повелениях предписано.		
	} Итого для церкви наличных 100 р.	146	75
	За запасы и припасы 46 р. 75 к.	146	75
	Всего на содержание в год		
	} <u>выходит</u> наличными 974 р. 75 к.	1929	32
		321929	32
	За запасы и припасы 954 р. 58 к.		

Означенное число по сему штату на жалованье Игуменьи, монахиням, Священникам и прочим монастырским причетникам, равно как и на содержание оного монастыря с запасы и припасы, всего тысячу девятьсот двадцать девять рублей тридцать две копейки, производить ежегодно в два срока: первую половину в начале Января, а последнюю в начале Июня месяца, представляя в полную волю Игуменьи получать запасы от вотчины в натуре, или деньгами, по означенным в сём штате ценам. Сверх же сего семьдесят

рублей шестьдесят семь копеек употреблять на содержание экипажа, а остальные за тем, если оставаться будут отда <...>

<...> ежегодно ж в монастырь на церковные потребы, с которыми сумма и составит всего содержания ровно две тысячи рублей; а доколе не накопится полный комплект, то производить дачу на наличное только число людей. На подлинном подписано тако:

Граф Шереметев.

Апреля 27 дня, 1800 года.

№5201-й. Получен Мая 7 дня, 1800 года, записан по докладу.

Алексей Агапов.

Иван Аргунов.

Григорий Зубков.

В настоящее время получается всего на содержание монастыря из Графской Вотчинской Конторы: 1) на содержание 3-х Священников и 1 Диакона 558 руб. 14 коп.; 2) на содержание 30 штатных монахинь (по 39 руб. 74 коп., в том числе на дрова по 6 руб. каждой) и монастыря 2447 руб. 74 коп.; 3) Да 23 пенсионерки получают особо 802 р. 14 к. в год. Всего 3808 р. 2 к. В пользовании обители «бессрочно» находится удобной и неудобной земли: под усадьбой, лугом, садом и горами, всего 54 десятины.

Покойной Настоятельницею обители, Игуменьей Макариею, с 1855 года, заведено принимать в обитель вклады на вечное поминовение, т.е., чтобы жертвуемые на сей предмет добродетельными дателями сохранялись в кредитных установлениях и оставались неприкосновенными, а получаемые ежегодно проценты с оных делятся на три части: одна в пользу священнослужителей сей пустыни, другая на чтение неусыпаемой псалтыри, третья в пользу церкви. В настоящее время (1862 году) на сей предмет имеются уже 7 билетов; 1) Г-жи Гитардовой на сумму 228 р. 71 к.; 2) Золотаревой 300 р.; 3) Чевкуновой 100 р.; 4) Скрыжеевой 300 р.; 5) Гладкой 350 р.; 6) Тамбовцовой 600 р.; 7) Сопкиной 300 р., а всего на сумму 2178 р. 71 коп. серебром.

Независимо от сего имеется билет Государственного Заёмного Банка 1848 года, Октября 5 дня, за №3091 в 5000

рубл. серебр., внесённый на вечное обращение капитала, завещанного Камер-Фрейлиною Двора Её Императорского Величества, Графинею Анною Алексеевною Орловою-Чесменскою, в пользу сей Борисовской пустыни, на вечное поминовение вкладчицы и её родителей.

XII. Список Настоятельница обители

Управляет сею обителью Настоятельница в сане Игуменьи, и по чину проходят послушания: Казначея, Благочинная и ризничая.

В Завете основателя обители, писанном 1 Января, 1714 года, об избрании первой Настоятельницы сказано: «а как соберутся все старицы, и им велеть меж себя выбрать в Игуменьи, кого Дух Святой изберёт, и бить челом Архиерею⁴¹, чтоб её посвятил». Во исполнение сего была избрана в Игуменьи, по устному преданию, старица Иустина (в просторечии Устинья), но этим лишь и ограничиваются все сведения о ней; ибо письменных нет, ни в монастырских бумагах, ни в архиве Борисовского Вотчинного Правления.

Вторая Настоятельница обители, тоже известна лишь по устному преданию: то была Иулиания Данилевская.

Игуменья Ксения Данилевская ж, по преданию родная племянница выше упомянутой Игуменьи Иулиании. Она известна по следующей заметке, сохранившейся в старинных монастырских бумагах: «1-го Ноября, 1775 года, в Воскресенье, освящена в монастыре церковь во имя Тихвинския Богоматери (построенная на месте первого храма, пришедшего в ветхость) Преосвященным Аггеем Белоградским и Обоянским, в бытность Игуменьи Ксении Данилевской, старанием управителя Герасима Прокофьева.

Из донесения Борисовского Прикащика Василия Раевского Домовой Графской Конторе от 19 Июня, 1784 года, видно, что ещё в 1783 году в Борисовском монастыре Игуменьи уже не имелось, а находилась только одна начальница, монахиня Нимфодора Данилевская, которая, по отзыву выше упомянутого Прикащика: «между всех была благопристойнством лучшая», и скончалась 12 Января, 1784 года; почему и было предписано Раевскому от Графа Петра Борисовича Шереметева просить Преосвященного Аггея, определить в монастырь, согласно завещанию его родителя, новую Настоятельницу в сане Игуменьи.

Начальница монахиня Александра Шарова управляла обителью до 1794, а в сём году, по резолюции Преосвященного Феоктиста, перемещена в Белгородский девичий монастырь в число штатных монахинь.

Игуменья Анфия определена начальницею в Борисовскую пустынь в 1794 году из монахинь Белгородского девичьего монастыря, награждена саном Игуменьи в 1797 году, Июня 2 дня, Преосвященным Феоктистом, Епископом Курским и Белгородским, в бытность его в обители, во время священнослужения в храме Тихвинския Богоматери. В 1801 году, по представлению Борисовского Вотчинного Правления, что она не искусна в пении, тогда как в Завещании основателя монастыря именно сказано: «чтобы все монахини были в чтении и пении искусны», Игуменья Анфия перемещена Преосвященным Феоктистом в начальницы Белгородского девичьего монастыря, а вместо её назначена в Борисовскую пустынь.

Игуменья Афанасия Котельникова, из купеческого звания. Пострижена в монашество в Курском Троицком девичьем монастыре 1797 года, Сентября 4-го дня; в 1800 году переведена в Борисовскую Тихвинскую пустынь, для исполнения крылошанской должности, а в 1801 году, Февраля 19-го дня, по представлению Борисовского Вотчинного Правления, как в чтении и пении церковном искусная и к управлению монастырём благонадежная, определена Преосвященным Архиепископом Феоктистом Настоятельницею в Борисовскую пустынь; того же года Июня 26 дня произведена в Игумении. Постоянные неудовольствия против неё сестр, произвели неурейства в обители, которые, несмотря на поддержку её со стороны Вотчинного Правления, продолжались до самой её кончины, последовавшей 1813 года, Ноября в 25-й день.

Игуменья Августа, из купеческого звания, пострижена в монашество в Борисовской же пустыни в 1805 году, исправляла здесь с 1802 года крылошанскую должность, а в 1814 году, «с согласия Борисовского Вотчинного Правления и сестёр» (в представлении сказано, что она «искусна в чтении и пении, умеет золотом шить и иконы низать»), назначена Начальницею в Борисовской пустыни и произведена в Игумении в том же году Мая 7 числа Преосвященным Феоктистом. Управляла обителью по 1822 год, а в сём году

уволена, согласно её прошению, на покой в ту же обитель, скончалась, в 1849 году в подвигах Христианского благочестия. Отличалась во время своего управления особым усердием и заботливостию о внешнем и внутреннем благоустройстве обители: её попечением начата постройка каменной соборной церкви и введено в обители новое чиноположение, положивше твердое начало её внутреннему благоустройству.

Игуменья Венедикта, духовного звания, из монахинь Севского Троицкого девичьего монастыря, в коем и пострижена в 1802 году, где 20 лет проходила разные церковные и монастырские послушания, назначена Настоятельницею Борисовской Тихвинской пустыни, с посвящением в сан Игумении 14-го Октября, 1822 года, по желанию сестёр сей пустыни (как сказано в Консисторском Указе об её определении), Преосвященным Феоктистом. 26-го Августа, 1831 года, она уволена от Настоятельской должности, согласно её прошению, по болезненному состоянию; в резолюции о сём Преосвященного Иннокентия, Епископа Курского и Белгородского, предписано, чтобы Настоятельница того монастыря, «который Игуменья Венедикта изберёт для своего жительства, по уважению старости её (63 лет), болезненного состояния и похвального управления Борисовскою обителию, всемерно старалась её покоить». Игуменья Венедикта осталась на покое в том же монастыре, где и прожила ещё три года в безмолвии и богомыслии, окружённая общим вниманием и уважением всех сестёр.

На место Игумении Венедикты избрана сёстрами Борисовской пустыни в Настоятельницы оной монахиня той же обители Анатолия, из Дворян, по фамилии Яновских (Орловской Губернии Карачевского Уезда), которая к сей должности признана способною и достойною, как самую Игуменью Венедиктой, так и Архимандритом, коему поручено было избрание Настоятельницы; но как об ней ещё прежде сего было сделано представление в Святейший Синод Преосвященным Владимиром о назначении её в Игумении в Белгородский девичий монастырь, то и надобно было делать новое представление, почему она произведена в сан Игуменьи лишь 10 Января, 1832 года Преосвященным Иннокентием, Епископом Курским и Белгородским. За неусыпные заботы о внутреннем и внешнем благоустройстве

обители, в 1843 году была награждена от Святейшего Синода золотым наперсным крестом. Скончалась после продолжительной болезни 5-го Июля, 1847 года. О заслугах её сказано подробно в историческом обозрении обители.

На место её, по избранию Преосвященного Илиодора, Архиепископа Курского и Белогородского, произведена в Игуменьи, 8-го Сентября, 1847 года, Казначей Курского девичьего монастыря Арсения, из Дворян по фамилии Белевцевых. Она управляла обителью только 5 лет, оставив по себе самую благую память по своим редким душевным качествам и попечительности о благоустройстве и украшении обители. В начале 1851 года она оставила Настоятельскую должность по слабости здоровья, и обителью управляла Казначей монахиня Макария; через месяц после сего Игуменья Арсения скончалась о Господе мирною кончиною.

На её место, 3-го Февраля, 1852 года, назначена Настоятельницею обители, с производством в сан Игуменьи, Казначей одного же монастыря, монахиня Макария, из Дворян по фамилии Новосильцевых. Она поступила в сей монастырь в 1828-м году, в монашество пострижена в 1836 году. В 1857 году, по представлению Преосвященного Илиодора, за ревностное прохождение своей должности, она награждена от Святейшего Синода золотым наперсным крестом. Скончалась о Господе в 1869-м году, Января 6-го дня на 64-м году от рождения.

Игуменья Максимилла Шишкина, из Дворян г. Харькова, в монашество пострижена в сей же пустыни в 1859 году, Марта 29 дня, до определения Настоятельницею проходила пономарское послушание с 1859 по 1869 год. Определена Настоятельницею в Феврале 1869 года, а в 1 день Марта того же года возведена в сан Игуменьи.

Достопамятные старицы и сёстры Борисовской пустыни

Мы уже видели из исторического обозрения судеб обители, что из числа 12 Настоятельниц, управлявших ею до настоящего времени и уже окончивших своё земное поприще, доселе с особым чувством уважения и признательности произносятся и памятуются имена Игуменей: Анфии, Августы, Венедикты, Анатолии, Арсени и

Макарии, как таких Настоятелейниц, которые к попечению о внутреннем и внешнем благоустройстве обители, присоединяли ещё и спасительную ревность о личном преуспевании в иноческих добродетелях, являя собою поучительный пример для душ, вверенных их духовному окормлению.

Несомненно, что в 150 годовой период существования обители, многие из её насельниц (их имена сам Господь Бог вестъ), потрудясь в несении благого Христова ига в монашестве и преставясь от земных к небесным, включены в ту книгу, которая некогда будет читана в слух неба и земли; но благочестивое предание, ублажая всех скончавшихся в вере и надежде жизни вечной, сохранила особую память лишь о некоторых старицах и сёстрах, служивших для прочих примером для спасительной жизни вообще и образцом той, или другой, иноческой добродетели в частности. История обители обязана тщательно собрать эти предания, и, поверив их, сохранить на своих страницах память о подвизавшихся подвигом добрым в назидание и поощрение будущих поколений. Так из стариц, скончавшихся в начале текущего столетия, приснопамятны:

Уставщица монахиня Тарсила Гезева, родом из Борисовских Малороссиянок (по именному списку 1789 г. ей показано 47 лет, и в то время она была крылошанкой), прожила до глубокой старости в подвигах благочестия, строгом посте и непрестанной молитве, и постепенно стяжала нелицемерную кротость, крайнее смирение и любовь ко всем. Пост её простирался до того, что она никогда не ела горячего кушанья, и даже не пила чаю. Любимым кушаньем её был картофель. «Евпраксия, говаривала она шутя своим Малороссийским акцентом, жившей с ней монахине, свари-ка мне картошки не мывши, а я съем не лупивши», прикрывая этой шуткой своё воздержание; и несколько таких действительно не мытых и неочищенных картофелин, уподобляясь пепельной пище древних подвижников, составляли нередко всю её дневную трапезу. Ведя Ангелоподобную жизнь, она ещё на земле удостоилась видения бесплотных. В алтаре во время Богослужения, и в своей келии, которая была для неё не местом покоя, а усиленных подвигов и непрестанной молитвы, за 4 года до кончины, она впала в болезнь, и почти не вставала с постели, с благодарением и смирением принимая

сие посещение Господне. В минуту своей блаженной кончины (при которой была поведавшая нам сии подробности, бывшая достопочтенная мать Агния), Тарсилия имела благодатное видение, о котором присутствующие могли заключить по её гласной беседе с незримой гостьей: «Откуда ты пришла ко мне, прекрасная девица?» спрашивала её старица. «Чы не из Иерусалыма?» И, помолчав немного, продолжала: «Так ты из Иерусалыма! Возьмы ж мою душечку, возьмы ж мою душечку!» и, произнося эти слова, она начала креститься, и вскоре предала душу Богу. Кончина её последовала в день празднования явления чудотворной иконы Тихвинския Божия Матери, 26 Июня, 1817 года, что, вместе с упомянутым видением, было для всех знаком очевидного к ней благоволения Царицы Небесной.

Подобною матери Тарсилии была её дочь по духу, сожительница по келии, монахиня Евпраксия Логинова, родом из Малороссийских Дворян; она тоже жила до глубокой старости в величайших подвигах и совершенном нестяжании, в самом строгом посте и умерщвлении плоти. Скончалась о Господе в 1835 году.

Современница её, монахиня Маргарита из Дворян по фамилии Симоновых, равным образом была неутомима в подвигах духовных, нестяжательна, воздержна и всю жизнь проводила в непрестанной молитве.

Монахиня Марионилла Кармазинова (по ведомости 1789 г. показана 50 лет, неграмотною) отличалась среди всех сестёр необычайною простотою, соединённою с кротостию и смирением. Рассказывают, что она почти безвыходно пребывала в церкви, по слову псалмопевца, «приметаясь в дому Божиим день и ночь», упражняясь в непрестанной молитве. Между особенностями её заметили, что она приносила в церковь деревянные спички и, пройдя чётки, после каждой сотницы откладывала по одной спичке, вероятно, для соблюдения счёта, дабы в точности выполнить однажды принятое ею на себя правило. Скончалась о Господе в 1815 году.

Достойны особой памяти и уважения две монахини из Донских Казачек: одна Афанасия (свечница) прожила в обители более 50 лет в великих подвигах и скончалась в 1837 году; другая Ироида, прожила здесь 40 лет, и была для всех примером кротости, смирения и усердия к Богу: она каждые

сутки прочитывала весь Псалтырь, не опуская при том церковной службы и дел по своей должности (она была Благочинною). В 1837 году вызвали её Указом Св. Синода на Дон для управления Новочеркасским девичьим монастырем и возвели в сан Игуменьи. Управляя сею обителью с усердием и искусством, она впоследствии, ослабев в силах, сложила с себя эту должность, приняла схиму с именем Юлии и скончалась о Господе в 1844 году.

Монахиня Ангелина Толбузина (о которой мы уже имели случай упомянуть в главе о чиноположении обители) прожила в обители слишком 30 лет и скончалась в 1841 году в Киеве, бывши там на поклонении Св. Местам. Оставила по себе благую память в обители своею горячею любовью к Богу и ревностию о спасении себя и ближних. Исполняя строго уставы Св. Отец, она всегда советовала и другим исполнять их неленостно, причём говорила с такою силою убеждения, что нередко приводила в умиление самых нечувственных, любила умиротворять враждующих, утешать скорбящих, умела, говоря словами Апостольскими, радоваться с радующимися и плакать с плачущими, стараясь быть всею, да всяко спасёт некия. Будучи Уставщицею на клиросе, она с ревностию и усердием воспевала славу Божию и Святых Его, и всем внушала стоять в церкви со страхом и умилением.

К числу приснопамятных послушниц принадлежат две девицы: Марфа и Пелагия, родом из Дворян Белогородского Уезда по фамилии Тимошевския, своею набожностью, кротостию, смирением, незлобием, любовью к ближним и состраданием к несчастным, они превосходили многих; окончили свой век в краткое время, оставив по себе благословенную память. Они поступили в обитель в 1816 году, а скончались одна в 1820, а другая в 1821 году, представив сей обители неоценённое сокровище привезённый родным их дедом из Палестины, сребропозлащённый крест, в котором помещены части: древа животворящего Креста Господня, пречистой Крови и Ризы Господней, и, сверх того, 58 частиц мощей разных Святых Угодников Божиих; ими же пожертвована в обитель древняя икона Святителя Николая Чудотворца.

Не менее сих памятливы две сестры из купеческого сословия города Корочи Елисавета и Анна Ивановны Алёхины.

Елисавета, будучи редкой красоты, на 17 году своей жизни убежала тайно от родителей из-под брачного венца и пришла в обитель пешком, осенью, в одном лёгком платье; она прожила в монастыре 3 года; ни просьбы и ласки, ни угрозы и гнев родителей, не могли её извлечь оттуда; уневестив себя мысленно Небесному жениху, Христу, она скончалась вскоре блаженною кончиною; её постоянство в терпении и добродетели достойно удивления. Сестра её, Анна Ивановна, во всём подобная ей, долго, желая поступить в обитель, была удерживаема родителями, впала от скорби в болезнь, и уже пред смертью привезена была в монастырь, где и скончалась блаженною кончиною через 40 дней после своей сестры.

Схимонахиня Агриппина, в мире Аграфена Петровна Шеншина, девица из Дворян Орловской губернии Мценского Уезда. Поступила в Нежинский монастырь 20 лет от роду, и по разным скорбям и гонениям, а также и по желанию родителей, в течение 2-х лет перешла из Нежинского монастыря в Каменскую пустынь, оттуда в монастырь Елецкий, и наконец, по неисповедимым судьбам Божиим, поступила, в 1829 году, в Борисовскую пустынь. Её Ангелоподобная кротость и другие добродетели могли быть назидательным примером для многих; но Господу угодно было вскоре отозвать её в лучший мир. Она получила сильную чахотку и страдала ею 8 месяцев, перенося болезнь с удивительным терпением, благодаря Бога за его посещение. Скончалась в добром уповании с напутствием Св. Таин 1831 года, Июля 8 дня, 24 лет от роду, проживя в сей обители 2 года. Перед кончиною пострижена в мантию и схиму с прежним именем Агриппины.

В недавнее время, а именно в 1855 году, одна женщина из деревни Карповой, при телесной болезни страдавшая помешательством ума, видела во сне, что если съездит в Борисовскую пустынь и отслужит панихиду по схимнице Агриппине, то получит выздоровление; исполнив сие, она выздоровела совершенно. С тех пор, многие простолюдины, совершенно не зная ни Борисовской пустыни, ни живущих в ней, будучи в болезни, видят такие же сны, после чего и приходят в сию пустынь, спрашивая схимницу Агриппину, служат по ней панихиду и получают облегчение.

Из Священников, доныне служивших при Борисовской пустыне, она с особою благодарностию и благоговением

воспоминает об отце Феодоре Турьянском, который, будучи долгое время духовником всех сестёр, умел заслужить общую их любовь и уважение. Причина этого заключалась в его образе жизни: овдовев, он сдал своё штатное Священническое место сыну о. Петру, а сам, оставаясь в звании Духовника и имея пребывание в доме сына, проводил жизнь подвижническую-уединённую, пребывая в непрестанных трудах, посте и молитве. Венцом такой совершенно монашеской жизни было то, что за три года до своей кончины о. Феодор воспринял на себя Ангельский образ и удостоился блаженной кончины; во время своей предсмертной болезни он три раза соборовался елеем, был напутствован причащением Св. Таин, благословил детей и приходивших проститься с своим духовным отцом сестёр, и мирно скончался о Господе в 1848 году. Мать о. Феодора (см. Феодосия) скончалась монахиней Борисовской пустыни. Сын его о. Петр священствует в той же обители более 30 лет, из коих 15 имел утешение покоить у себя старца-родителя.

Опытности своей в многотрудной обязанности Духовника, доставившей ему общую любовь и уважение, о. Феодор был обязан преимущественно духовной дружбе, которую имел с современным ему подвижником благочестия, Иеромонахом Оптиной пустыни о. Леонидом (в схиме Львом). При помощи его советов он устроил и свою жизнь по монашески: любимым чтением его, по указанию старца, были духовно подвижнические писания о деятельной Христианской жизни Св. Отцов подвижников: [Исаака](#) [Сирина](#), [Аввы Дорофея](#), [Варсонофия](#) и [Иоанна](#), [Симеона Нового Богослова](#), [Нила Сорского](#) и других: в них-то, по собственному сознанию, он почерпал спасительные уроки, во-первых для себя, а по мере делания, дополняя смирением оскудевающее, сделался и полезным наставником и руководителем вверенных его духовному окормлению инокинь. Лучшею похвалою опытности, приобретённой о. Феодором на сём пути, может служить отзыв о нём приснопамятного старца о. Леонида: «Слушайте беспрекословно о. Феодора, говаривал он своим ученицам: «Я знаю, что он скажет вам то же самое, что я».

Недаром сказано, что Господь вселяет единомысленные в дом свой; о. Феодору в его уединённой жизни Господь послал и единоправного пособника: то был простодушный Лукьян, один из бобылей Борисовской слободы. Прожив 25 лет у

родных, томимый жаждою «единого на потребу», и, не зная, какой избрать для сего целесообразный путь, Лукьян удалился в окрестные леса и, водворясь там, начал упражняться в непрестанной молитве и богомыслии. Но человеколюбивый Господь, дающий каждому по сердцу его, что видно из самого различия путей, ведущих ко спасению, не замедлил указать Лукьяну его путь.

Однажды сын о. Феодора, гуляя без всякой особенной цели в лесу, нечаянно увидел Лукьяна одиноко изливающего свою душу Создателю всяких, в слёзной молитве и воздыханиях; вступив в разговор с Лукьяном о. Петр не без труда склонил его сходить за советом к своему родителю, обещая, что тот наставит его на путь и свято сохранит его духовную тайну. В свою очередь о. Феодор увидя его благие стремления и редкое простосердечие, возлюбил его всею душею и уже не хотел более расстаться с ним, тем более, что и сам, решась жить уединённо, искал и молил Бога послать ему доброго пособника для безмолвной жизни. Немалого труда, однако, стоило о. Феодору убедить простодушного Лукьяна в том, как опасно предпринимать подвижническую жизнь без совета и наставления опытных в ней духовных мужей, и как легко впасть в прелесть, начав гнать безмолвие и заниматься умной молитвою, не заботясь об очищении сердца от страстей и помыслов. Лукьян, по многих убеждениях, внял совету о. Феодора и, решившись сожителем с ним, скоро сделался самым усердным его послушником, а, идя путем отсечения своей воли и разума пред опытным наставником, скоро сравнялся с ним в духовных подвигах и дарованиях, покрывая дар глубоким смирением и простотою. Лет 15 прожил он на пасеке вкупе с о. Феодором, ходя ежедневно в монастырь ко всем церковным службам. Скончался о Господе в старости мирною кончиною.

Некоторые из сестёр, не зная тайны его жизни, были недовольны тем, что он становился среди их, а не где-нибудь в стороне; но он, зная, что делал, принимал их упрёки и выговоры, а иногда и толчки, молча. Когда же требования становились настоятельнее, говорил только: «Що се, Боже милостывый! Колы треба, то й пийду!» и на завтра снова являлся на своём месте; он молился более стоя на коленях и, приклонив главу к земле, едва отделял её по временам от полу. Наконец, одни привыкли видеть его среди себя как бродягу, другие, более духовные, узнав редкие свойства

души его, полюбили доброго старца, и, оказывая ему внимание, смотрели на него с уважением. Но простодушный Лукьян был столь же равнодушен к заслуженному вниманию одних, как и к незаслуженному нерасположению других. Оплавав кончину своего благодетеля и духовного наставника, о. Феодора, он жил ещё лет 11 после его смерти, привитая более в церкви; ночи проводил без сна в молитве, летом на открытом воздухе, а зимою на чердаке в доме о. Петра. Воздержание его в пище было изумительно. Сказывают, что в начале своего подвижничества он несколько лет питался почти одним мелом, и едва отвык от него, по наставлению о. Феодора; потом, возвратившись к обыкновенной пище, ел кое-что, и чрезвычайно мало. Если кто из благочестивых стариц успеет уговорить Лукьяна зайти к себе в келию и даст ему чашку горячей воды, разведённой ложкою мёда, это была величайшая прихоть, которую он позволял себе только по большим праздникам. Старец Лукьян мирно скончался о Господе, удостоясь пред кончиною благодатного видения о том, что «угодна бе Господеви душа его», и погребён честно, оставив по себе благую память в обители и очевидное для всех доказательство, что сердечная простота и смирение – надежные руководители ко спасению, вся наука которого сокращённо выражена в словах Спасителя: «Научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим»; покой здесь, среди всех скорбей и злоключений временной жизни; покой вечный там, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

В бытность мою в Борисовке, в 1859 году, я спросил у одного из почтенных и древних по летам слобожан об отце Феодоре и его замечательном келейнике. Передаю рассказ старика, сколько мог запомнить, почти слово в слово. «Отец Феодор (царство ёму небесное!) помер в 1848 году; он був добрый Священник, да ище и тайный монах, имня ёго Хвеодосий». Я его спросил: «Почему ты знаешь?» «Да як мыне не знаты? Тут недалече був монастырь мужеский (Хотмыжский): я часто ходыв Богу молыться до монахив, и оны мыне говорылы, як ёго пострыгалы, да ище имев знакомый у него. От се Лукьян проживав и служыв отцю Хведору; воны з ным дружно жылы. Вин було ёму воду носыть и самовар ставыть; батюшка ёго заставляет: «Ну! Лукьянушка, сходы, прынесы водыци на самовар!» а тут

звонять до церкви. «Ни, Батюшка: уже пиду лучше до церкви, а прыйшовшы, тоди прынесу»; а там батюшка хватиться, воды нема, так вин ёго и прожене из кельи. «Нема воды: иды, Лукьянушка: не хочу тебе держаты». – «Еге, Батюшка, правда: просты, выноват!» и так ёго часто прогоняв из кельи. То вин ходыв на монастырь. Очыщав снег около церкви и около келий, и у монахынь вин часто чай пывав: ёму нальюту полоскательну чашку воды, ложку меду, кусок булки, и вин сыдыть и пье ложкою чай, и колы ёго спросють: «И ты, Лукьяне, умиеш чай пить?» – «Эге, люблю горяче пыты!» Вин жив з молодых лет около монастырей и ходыв всякую службу до церкви, и не мав ни якого пристаныща: проживав то в сторожей, то у батюшки, а то пид оградю, як ёго батюшка прожене. А як выпросить у батюшки прощения, тоди и у батюшки живе; було и так, вин и на горнице зимою коло трубы ночовував. А як заболев Лукьян к смерты, то батюшка выдев во сне, що святоноснии Ангелы покрывають Лукьяна белою одеждою. Батюшка проснувшись, спешыв спытать: «Чы ты жив, Лукьяне?» «Еге, Батюшка, живой, живой, тилько нездужаю», и тут уже батюшка узяв до себе в келью, соборовав ёго маслом, исповедав и сообщыв Святых Таин, и Лукьян скончався. А батюшка ище после Лукьяна жив, мабуть, рокив пять, и все служыв. Хороший був Духовник. Я скилько раз був у нёго на духу; и кончына була ёго хорошая. Недели за тры до смерты вин служыв, а тут уже ослаб и став уже больным, и ёго особоровалы маслом, сообщывся Святых Таин, и тот же день помер». Я же спросил у этого мужичка: «Часто ли ты сам бываешь в монастыре?» Он отвечал: «Та я хожу часто: у мене там багато черныц знакомых; я старых монахынь знаю: тожь уже которыи померли: була хороша монахыня Ахванасия, Евпраксия. Вона була, Евпраксия, так що с панив дворянка, а не любыла чаю пить; моя племянныця жыла у сии в келейных, так вона говорила, що моя матушка не любыть чаю, и воды свежои николи не пье; ий в неделю раз воды прыносылы; велька була постныця. Вона з монастыря никуды не выходила, и колы у неи недоставало воды, то вона брала из казана, который стоит пид церковным жолобом».

Приложения

I. Генерал-Фельдмаршал Граф Борис Петрович Шереметев, и его дочь, Княгиня Наталия Долгорукая

**ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ
ШЕРЕМЕТЕВЪ.**

Родился 25 Апрѣля 1652, скончался 17 Февраля 1719 г.

При Петре Великом мыслящее Русское общество делилось на две части: одна безусловно отстаивала необходимость и пользу всех нововведений, от ремёсел, художеств, наук до законов и обычаев иноземных; другая, принимая охотно всё полезное в ремёслах, художествах, науках, не желала перемен в порядке Русской законности и добрых обычаях народных. Сильный, миротворный, ум Петра умел мирить эти противоположности и неуклонно шёл к своей цели; иноземная сторона при нём не обнаруживала явно своего торжества; Русская сторона, из беспредельной любви и уважения к Государю, молча и терпеливо следовала за ним по пути его быстрых преобразований; с готовностью и послушанием усваивала себе полезные, вещественные и научные, заимствования и подражания, заботливо устранившись в то же время от заблуждений иноземных обычаев, образа жизни и философии, которые со времени Петра начали посягать на обладание умом и сердцем Русского человека.

К числу главных представителей Русской стороны принадлежал и Борис Петрович Шереметев. Старший сын Боярина Петра Большого Васильевича Шереметева (р. 25 Апреля, 1652), возведённый Царевною Софиею на степень Боярина 1688 года, а Петром Великим в звание Генерал-Фельдмаршала и Кавалера Св. Апостола Андрея 1702 года, за сражение при Эррестфере 1-го Января, в котором он первый из Русских одержал верх над Шведами, и в Графское достоинство 1706 года; первый Российский Граф (ибо Головин и Меншиков получили в 1702 году Графский титул от Римского Императора), Борис Петрович Шереметев, сочетав все добродетели гражданина с дарованиями великого полководца, и тонкость дипломата с мудростию мужа думного, был одним из образованнейших Россиян своего века, советником и другом Великого Петра, и пользовался его неизменным благоволением до самой своей кончины.

Оставляя в стороне обозрение его общеизвестных заслуг на военном поприще, обратим внимание на его личные свойства, как человека и Христианина. Сделав имя своё известным в России на поприще военном, Борис Петрович в 1697 году испросил у Государя позволение отправиться в чужие края, с разумною целью обогатить свой ум новыми сведениями, в особенности по части военной. Возвратясь на родину в 1699 году, Борис Петрович явился к Государю в

Немецком платье, с Мальтийским Командорским крестом, полученным от Гросмейстера, и с драгоценною шпагою, подарённою ему от Императора Леопольда, и был принят с восторгом юным Монархом.

Но, отложив из угождения Царю Русский кафтан и бороду, и обогатив свой ум положительными сведениями, в особенности по части военного искусства, Борис Петрович не увлёкся ложным блеском иностранного просвещения и до конца своей жизни остался истым Русским Боярином, по уму и сердцу. Воздавая Кесарева Кесареви, а Божия Богови, он, с пламенною любовью к Царю и Отечеству, соединил любовь к Православной Церкви и её уставам, и уважение к добрым обычаям предков; был благочестив, милостив, щедр и великодушен. Обозревая военное поприще Бориса Петровича, исполненное ряда самых блестящих успехов, становится очевидным, что рука Божия была с ним, и Фельдмаршал благодарно признавал это в своих действиях: основание Борисовской Тихвинской пустыни, которую он устроил в кивот досточтимой им иконе Богоматери, своей заступнице и пособнице⁴², богатые, сереброкованные Царские врата, принесённые им в дар любимой им Киевопечерской Лавре, суть дань благодарности Победодавцу, за оказанные им милости и вместе незыблемое свидетельство праотеческого благочестия Фельдмаршала. Несметное достояние, ему принадлежащее, было приобретено самым доблестным образом; можно сказать, что не было пяди земли, ему пожалованной, которой бы не заслужил он усердием и кровию, но по духу благочестия, памятуя, что «всякое даяние благо и всяк дар совершен, свыше есть нисходяй от Отца светов». Он был Евангельски щедр и милостив к бедным, как благий и верный раб ущедрившего его Домовладыки Небесного. Особенно последние годы жизни своей, проживал в Москве вне службы, он как бы искупая время, посвятил исключительно благотворительности: бедные семейства толпились вокруг палат его. Вдовы с детьми, лишённые надежды на пропитание, и слабые старцы, потерявшие зрение, получали от него всевозможное пособие. Герой был отец сирот, принимал их в своё покровительство и по способностям определял к местам. Все эти высокие черты милосердия и увлекательная общительность его характера, делавшая его доступным всем и каждому, доставили ему ту нелицемерную

любовь народную, о которой между прочим упоминает дочь его, Наталия Борисовна, в своих записках, как о вещи общеизвестной его современникам. «Вы довольно известны, я надеюсь пишет она, что отец мой очень был любим народом, и до днесь его помнят». Приветливость его в обращении простиралась до того, что часто разъезжая по Москве, окружённый множеством скороходов и домовыми войсками, останавливался он на улице и выходил из кареты, чтобы подать руку старому сослуживцу, или оказать помощь просящему. Дом Графа был прибежищем для всех неимущих: с одной стороны угождая желанию любимого им Монарха, с другой свято чтя наследственную от предков добродетель хлебосольства, Фельдмаршал жил открыто, но открыто именно по Христиански, то есть, для всех и преимущественно для не имущих чем воздать за стол его, на котором не ставилось менее 50 приборов даже в походное время, садился всякий, званый и незваный, знакомый и незнакомый, только с условием, чтоб не чиниться пред хозяином. Обеды его, приготовленные лучшим образом, не обращались, из подражания иноземцам и по их примеру, в шумные пиры, но имели характер семейной простоты и вместе чинности, основанной на той благочестивой мысли, что пища есть дар Божий, и потому вкушение её должно сопровождаться не глумлением, а благочестивым настроением души. Фельдмаршал ненавидел излишества и не любил бесед, в то время обыкновенных, в которых кубки с вином играли главную роль. Сам Петр столько уважал его, что никогда не принуждал пить, и во время праздников Государевых Шереметев освобождён был от наказания осушать кубок большого орла. Будучи другом и советником Царя, Борис Петрович любил его прямо Русскою душою, без лести рабского страха; Великий умел ценить эти редкие свойства своего полководца и чрезвычайно уважал его, называя своим Баярдом и Тюренем, и между прочим всегда встречал и провожал до дверей своего кабинета – отличие, которого никому иному не оказывал⁴³.

Борис Петрович Шереметев скончался 17 Февраля, 1719 г., на 67 году от рождения. Смерть его горько оплакана была и Петром и всеми Русскими воинами, коих Шереметев так долго и так постоянно водил к победе, и всеми бедными и нищими обеих столиц, для коих был он отцом милосердным. Огорчённый Монарх, известясь о чувствительной для него и

России потере, приказал перевезти тело Шереметева в С.-Петербург, несмотря на завещание усопшего, чтобы его похоронили в Киево-Печерской Лавре. Оно было предано земле, со всеми почестями высшего звания 10 Апреля, в Лазаревой церкви Александро-Невской Лавры, в присутствии Монарха и всего Двора, иностранных Министров и Генералитета. Фельдмаршал Граф Борис Петрович женат был два раза. От первой супруги Евдокии Алексеевны Чириковой, имел он сына Графа Михаила, родоначальника старшей ветви Графов Шереметевых, имеющей ныне пребывание в Москве, и двух дочерей, Софию и Анну. От второго брака со вдовою родного дяди Петра Великого, Боярина Льва Кирилловича Нарышкина, Анною Петровною Салтыковою (р. 1677. ум. 1728), Фельдмаршал имел двух сыновей: Графа Петра, родоначальника младшей ветви, владеющей огромным Шереметевским достоянием, и Графа Сергия (р. 10 Октября, 1715, у. 30 Января, 1768, женат на Княжне Фотинье Яковлевне Лобановой-Ростовской, род. 1718, ум. 1777 г.), род коего пресёкся, и трёх дочерей: Наталью, Веру (р. 4 Сентября, 1716 г., за Феод. Авр. Лопухиным, ум. 30 Сент., 1755) и Екатерину (род. 2 Ноября, 1717, ум. 14 Августа, 1799, за Кн. Алексеем Вас. Урусовым, р. 13 Сент., 1722 г., ум. 7 Янв., 1796 г.).

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, урождённая Шереметева, родившаяся 17 Января, 1714 года, была одною из самых замечательных Русских женщин своей поры, женщина, память которой вечно будет служить образцом Христианских добродетелей, и в особенности самоотвержения и твердости духа, испытанной, по воле Божией, многообразными искушениями, в коих она, по собственному признанию, подобно Иову, ни разу не дала безумия Богу, ропотом на свою судьбу.

Она оставила по себе трогательные записки о претерпенных ею скорбях, писанные ею для сына и невестки. Эти записки напечатаны были впервые внуком её, Князем Иваном Михайловичем Долгоруким в Журнале, «Друг юношества», 1810 года (Январь, стр. 8-69), потом в «Сказании о роде Князей Долгоруковых, Кн. II. В. Долгорукова. Спб., 1840, стр. 128-156, и наконец в «Русском Архиве» 1867 г., кн. I, с подлинника, и отдельно, (стр. 93). Проследив по ним и по другим правительственным материалам жизнь этой незабвенной для сердца Русского

страдалицы, считаю её в особенности поучительною для тех, которые, посвятив себя жизни иноческой, почему бы то ни было, ещё не вполне отрешились от мирских пристрастий и обманчивости земных надежд и счастья, и потому могут иногда увлекаться помыслами о них. Следующее место этих записок вполне обозначает Христианские чувства писательницы и показывает цель, которую она имела при описании своей скорбной жизни. «Господи! Дай силы, говорить Наталья Борисовна, изъяснить мои беды, чтобы я могла их описать для знания желающих и для утешения печальным, чтобы, помня меня, утешались. И я была человек, все дни живота своего проводила в бедах, и всё опробовала: гонения, странствования, нищету, разлучение с милым, всё, что кто может вздумать. Я не хвалюсь своим терпением, но о милости Божией похваюсь, что Он мне дал столько силы, что я перенесла, и по сие время несу; невозможно бы человеку смертному такие удары понести, когда бы не свыше сила Господня подкрепляла. Возьмите в рассуждение моё воспитание и нынешнее моё состояние». Надеюсь, что выписка сего места из записок Натальи Борисовны достаточно оправдывает нас в том, что мы нашли уместным приложить краткую биографию этой добродетельной женщины к Истории девичьей обители, основанной её знаменитым родителем.

Оставшись по смерти своего отца пяти лет, Наталья Борисовна воспитывалась под крылом милостивой, как она её называет, матери, которая усердно старалась о нравственном воспитании её и употребила всё возможное к умножению её природных достоинств. Однако, пишет она, «всё моё благополучие кончилось, [смерть](#) меня с нею разлучила, я осталась после милостивой своей матери четырнадцати лет. Это первая беда меня встретила. Сколько я ни плакала, только ещё всё недоставало, кажется, против любви её ко мне». Дорожа паче всего добрым именем, молодая Графиня решила вести жизнь уединённую в доме брата своего, отказалась от всяких удовольствий. Замечая причину этого, она говорит: «правда, что в тогдашнее время (в первой половине XVIII столетия) не такое было обхождение в свете; очень примечали поступки молодых, или знатных, девушек; тогда не можно было так мыкаться, как в нынешний век (писано между 1757-1771 годами). «Я свою молодость пленила, продолжает она, разумом, удерживая на

время свои желания, заранее приучила себя к скуке. И так я жила после матери своей два года». Многие ли девушки нашего времени, не редко посмеивающиеся старине, так рассуждают и столько заботятся о самовоспитании в пятнадцатилетнем возрасте!

Вскоре лучший по-видимому жребий представился для Натальи Борисовны: Князь Иван Алексеевич Долгорукий, любимец Императора Петра II, родной брат его невесты, Обер-Камергер Высочайшего Двора, Майор лейб-гвардии Преображенского полка, Кавалер Ордена Св. Андрея Первозванного, 22-летний юноша, красивой наружности, ума пылкого, ловкий, вкрадчивый, начал искать руки и сердца Княжны Наталии, и получил желаемое. Рассказывая об этом, она замечает: «и я ему ответствовала, любила его очень, хотя и никакого знакомства не имела с ним прежде, нежели он моим женихом стал: но истинная и чистосердечная его любовь ко мне на то склонила». Императорская Фамилия, иностранные Министры, придворные чины, весь Генералитет присутствовали при обручении их, которое совершал Архиепископ [Феофан Прокопович](#), 24 Декабря, 1729 года. Перстень жениха был в 12000 рублей, невесты в 6000. Родственники Долгорукого осыпали Наталью Борисовну богатыми дарами. «Мне казалось, пишет она, по моему малодушию, что всё это прочно и на целый мой век станет, а того не знала, что в здешнем свете нет ничего прочного, а всё на час... Это моё благополучие не более продолжалось, как от Декабря 24 дня по 18 день Января. Тут моя обманчивая надежда кончилась; со мною так случилось, как с сыном Царя Давыда, Ионафаном: лизнул медку, и за то пришло было умереть; так и я: за двадцать шесть дней благополучных или сказать радостных, сорок лет по сей день стражду; за каждый день по два года придётся без малого!» 18 Января, 1730 года, скончался от оспы Император Петр II в цвете лет, когда начинал жить для себя и для России. Лишь только горестная весть сделалась известною Наталье Борисовне, сердце её замерло, она упала без чувств, и когда опомнилась, повторяла только: «Ах пропала, пропала!» как будто предвидя плачевную участь свою. Тщетно окружающие старались её утешить, некоторые даже советовали: «Можно, де, этому жениху отказать, когда ему будет худо». Предложение это так мне тяжело было, пишет Наталья Борисовна в своих записках, что я ничего не могла на то

ответствовать. Войдите в рассуждение: какая мне это радость, и честная ли это совесть, когда он был велик, так я с удовольствием за него шла, а когда он стал несчастлив, отказать ему? Я такому совету согласия дать не могла; и так положила своё намерение, отдав одному сердце, жить, или умереть, вместе, а другому уже нет участия в моей любви. Я не имела, прибавляет к сему, такой привычки, чтоб сегодня любить одного, а завтра другого; в нынешний век такая мода, а я доказала свету, что я в любви верна. Во всех злополучиях я была своему мужу товарищ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всех бедах, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, и не дала в том безумия Богу. Он тому свидетель: все, любя мужа моего, сносила; сколько можно мне было, ещё и его подкрепляла». Так-то высоки и чисты были понятия древней Русской женщины о своих семейных обязанностях! Но продолжим рассказ о дальнейшей судьбе Натальи Борисовны. Вечером в тот плачевный день, когда скончался Император, приехал Долгорукий к невесте своей и проливал вместе с нею слёзы о кончине своего благодетеля. Тогда же жених и невеста поклялись взаимно: «быть неразлучными до смерти своей». Предчувствия Натальи Борисовны не обманули её: «Куда девались искатели, друзья? Все спрятались, «и ближние отдалече мене сташа», говорит она: все нас оставили в угодность новым фаворитам». В сие время совершалось погребение Государя. Наталья Борисовна смотрела на погребальное шествие из окна своего дома, обливаясь слезами. Вскоре Императрица Анна Ивановна имела торжественный въезд в Москву при громе орудий и с колокольным звоном во всех церквях. Наталья Борисовна желала взглянуть на преемницу Петрову, в руках которой находилась участь её, и когда Монархиня шествовала в Собор, дочь Шереметева, стоя у одного окна во дворце, в последний раз видела Долгорукого на лошади, пред Преображенским полком отдававшего честь Государыне. Радостные восклицания народа, военная музыка, беглый огонь из ружей, живонапоминали Наталье о погребении Императора, за несколько дней пред тем совершённом, о сетовании того же самого народа. Она поспешила в дом свой, и на дороге, проезжая мимо солдат, стоявших в строю, слышала утешительные отголоски: «Матушка наша! лишились мы своего Государя!» Но другие кричали: «Прошло

ваше время, теперь не старая пора!» Слыша это, Наталья, как изъясняется сама, «не взвидела тогда света, и не знала от стыда, куда её везут и где она?» Долгорукие имели множество врагов, да и какой любимец счастья не имеет их? Но главный враг дома Долгоруких был Немец Бирон, любимец Императрицы, которого приезду в Россию сопротивлялись они, человек жестокий, мстительный. С прибытием его из Митавы возникли разного рода преследования противу Долгоруких. «Бирон публично говаривал, пишет Наталия, «дома той фамилии не оставляю», что он не напрасно говорил, но и в дело произвел». Сперва старался он узнавать ласками от бывших друзей опальных царедворцев, не причинили ль Долгорукие кому обид, не брали ли взятки? Потом велел объявить Указом, чтобы всякий без опасения подавал самой Государыне челобитные на Долгоруких. Разнеслась тогда молва, что их сошлют в ссылку, лишать звания, чинов и орденов. Описывая свои нравственные томления по поводу этих слухов и событий, Наталия Борисовна красноречиво замечает о страшной и не для ней одной поре: «Куда какое это злое время было! Мне кажется, при Антихристе не тошнее того будет; кажется в те дни и солнце не светило...» Но посмотрим, на что решилась в этих смутных обстоятельствах доблестная Наталия. Верная своей клятве, она поспешила соединить участь свою с несчастливцем, несмотря на злобу, его преследовавшую, на гибельные предвещения. Брат её, Петр Борисович Шереметев, был болен; из многочисленных родственников только две свойственницы Наталии, престарелые вдовы, приняли участие в горестном положении её, согласились проводить дочь Шереметева в подмосковную Долгоруких, где всё семейство их имело в то время пребывание. Она приехала в одной карете, как «бедная сирота». Их обвенчали в сельской церкви. На третий день после свадьбы, молодые намеревались ехать в город к родственникам «рекомендовать себя в их милость»: вдруг объявляют, что прибыл Обер-Секретарь Сенатский к Князю Алексею Григорьевичу. Сбылось горестное ожидание: Высочайшим Указом велено им чрез три дня отправиться в дальние деревни. Они выехали из Москвы на собственных лошадях в Апреле месяце, во время самой распутицы, когда все луга были потоплены водою, маленькие разливы казались озёрами. Одна только бывшая гувернантка Наталии

Борисовны доказала свою привязанность к своей воспитаннице, вызвавшись сопутствовать ей в место ссылки, удалённое от столиц на 800 вёрст. Не успели они отъехать 90 вёрст, как настиг их Капитан гвардии (Петр Воейков), имевший повеление отобрать у Долгоруких ордена (по манифесту 14-го Апреля, 1730). После трёхнедельных странствий, исполненных разных неприятностей и опасностей, наконец они приехали в свою деревню, находившуюся на половине дороги к месту их назначения (селище, в 6 верстах от Касимова, на дороге в Елатьму). Три недели они прожили здесь и уже готовились отправиться в дальнейший путь, как прискакал к ним Офицер гвардии (Капитан-Поручик Артемий Макшеев), сопровождаемый 24 солдатами, и тотчас у всех выходов поставил часовых с примкнутыми штыками. Нежная Наталья, не ведая, что с ними последует, опасалась одного только: «чтобы не разлучили её с супругом, ухватилась за него, не отпускала от себя». В тот же день (24-го Июня) выехали они в своих экипажах из деревни, сопровождаемые Офицером и солдатами; в дороге узнала Наталия от Князя Ивана, что велено их отправить в Березов, за 4000 вёрст от столицы, и там содержать под строжайшим караулом; не дозволено никуда ходить, исключая церкви, никого к себе принимать, переписки ни с кем не иметь, бумаги и чернил нам не давать. «Вот любовь до чего довела, пишет Наталья в своих записках: всё оставила, и честь, и богатство, и сродников; стражду с ним и скитаюсь: этому причина – всё непорочная любовь, которой я не постыжусь ни перед Богом, ни перед целым светом, потому что он один был в моём сердце; мне казалось, что он для меня родился, и я для него, и нам друг без друга жить нельзя. Я по сей час в одном рассуждении, и не тужу, что мой век пропал; но благодарю Бога моего, что Он мне дал знать такого человека, который того стоил, чтоб мне за любовь жизнь свою заплатить, целый век странствовать и всякие беды сносить, могу сказать, беспримерные беды». Записки Натальи Борисовны, к сожалению, прекращаются с приездом её в Березов (на острове между рек Сосвою и Вогулкою), по прибытии в который (24-го Сентября) несчастное семейство помещено было, по распоряжению Бирона, в остроге: Княгине Наталье с супругом отведён был пустой амбар (по другим сведениям, в просторном невысоком, деревянном доме, близ каменной

церкви Рождества Богородицы, в острове), где дочь Фельдмаршала Графа Шереметева, 16-летняя женщина, взросшая среди всех благ мира сего, прожила 11 лет!!! Что она там перенесла, можно себе вообразить, но описать трудно. Там прижила с Долгоруким несколько детей, из коих пережили младший возраст только два сына: Михаил и Дмитрий. После 8-летнего заключения, когда Долгорукие начали думать, что враги уже забыли об их существовании, вдруг неожиданно новый удар поразил чету, достойную сожаления! В 1739 году Князь Иван Алексеевич схвачен был неожиданно ночью, по приказанию мстительного Бирона, который считал необходимым стереть его с лица земли, как опасного для кровожадной власти его. Быстро помчали несчастного из хладной Сибири, где, забытый людьми, вкушал он жизнь безмятежную, приобретённую изнурительными испытаниями. Не свобода, не милосердие, но тягчайшие оковы, [смерть](#) лютейшая, ожидали его в Новгороде, куда он был перевезён: молодой Князь умер подобно Св. Иакову Персянину. Когда отрубили ему правую руку, страдалец сказал: «Благодарю Тебя, Господи»; отсеки левую ногу, и он продолжал: «яко сподобил мя еси»; с отсечением левой руки окончил: «познать Тебя, Владыко».

Три года несчастная Наталья оплакивала мужа, не зная участи, его постигшей. Императрица Елисавета Петровна возвратила ей свободу и прежнее звание, но не могла возвратить счастья: Долгорукого не было уже на свете! Узнав об его мученической кончине неутешная супруга соорудила над могилою его, вне города, на крови, каменную церковь во имя Рождества Христова.

По возвращении из Сибири Наталья Борисовна проживала постоянно в Петербурге, в доме своего брата, Графа Петра Борисовича. Тщетно Государыня, для рассеяния скорби неутешной вдовы, приглашала её к своему Двору, принуждая разделять увеселения оного. Наталия, верная памяти своего супруга, казалась ещё более несчастною среди радостей и забав, чуждых её сердцу. Когда же и младший сын её подрос и пришло время выпустить его в свет, она сама свет покинула, удалилась в Киев (Марта 20), и там, во Фроловской девичей обители, приняла Ангельский образ под именем Нектарии (27 Сентября, 1753 г., на 45 г. жизни своей). Повествуют, что накануне пострижения, взойдя на высокий берег широкого Днепра, она сняла с руки своей обручальное

кольцо, и бросила его в быстрые волны Днепровские. И в монастыре предлагались ей почести: Нектария смиренно их отвергнула. Через десять лет, испытав себя в подвигах иноческих, монахиня Нектария пожелала принять схиму Марта 18-го, 1767 года, и в ней провела остаток дней своих, приготавливая себя сугубыми трудами постничества к переходу в тот мир, где нет печали, ни воздыхания. Когда Екатерина Великая вступила на престол, и новый век начался для России, старица Нектария из сени уединения приветствовала новую Монархиню письмом, и получила в ответ следующий рескрипт: «Честная мать! Письмо ваше, от 12-го Июня, я получила, за которое и за присланную при сём икону Пресвятой Богоматери, также за усердные желания ваши, много вам благодарна. О сыновьях ваших будьте уверены, что по справедливости милостию и покровительством Моим оставлены не будут. Впрочем, поручаю себя молитвам вашим и пребуду вам всегда благосклонна.

Екатерина

В Петербурге.

26-го Июня, 1763 года».

Наконец и Нектария достигла общего предела нашего бытия. Кончина её, последовавшая 3-го Июля – (а не Июня, как в «Росс. родословной книге Кн. II. В. Долгорукова», III части, стр. 501), 1771 г., была тиха и величественна, как заря прекрасного летнего дня. В заключение приведём здесь последнее письмо её к сыну и невестке, писанное в предсмертной болезни: оно ясно свидетельствует о добром душевном устроении монахини Нектарии, при конечном истощении физических сил: «Не хотелось мне, пишет она, пропустить почты, не дав вам знать об себе, что я ещё жива. Благодаря Бога, хотя в слабости, однако все с радостию принимаю и вас Богом прошу не тужить обо мне. Бог властен из мёртвых воскресить – вить, когда же нибудь надо умирать! Надо во всем повиноваться власти Божией – только б Бог грехи мои отпустил. Великую нужду терплю в питье: все сиропы сладкие опротивили; когда б можно достать, хотя лимонов пять прислать. Тоже моя беда, что кашлю нечем помочь: теплого нельзя мне пить.

Препоручаю вас Богу, оставляю мир и благословение».

Жизнь её продолжалась 56 лет, и была образцом всего, что может добродетель, основанная на религии, против гонений человеческих. Прах незабвенный страдальцы покоится в Киево-Печерской Лавре, при самом входе в Собор: таким образом она заняла для смертного покоя то место, которое было предназначил себе в завещании её благочестивый родитель. Думал ли он об этом, когда писал своё Завещание? Мог ли также предполагать, основывая в своей любимой Борисовке обитель для успокоения посвятивших себя на служение Богу стариц, что, спустя несколько десятков лет, блестящая умом и красотой дочь его также найдётся вынужденною прибегнуть под кров иноческой обители, чтоб сокрыть в ней неразлучную спутницу своей жизни – печаль, и окончить многострадальную жизнь свою под именем схимонахини Никтарии! Но кто уразуме ум Господень, или кто советник ему бысть? Мы знаем и веруем, что вси путие его милость и живот взыскующим завета его и хранящим заповеди его, а жизнь Натальи Борисовны доказывает, что она была из числа тех, которые веру свою засвидетельствовали благими делами, за что и «уготовася им, по слову Писания, венец живота».

II. Граф Петр Борисович Шереметев

**ОБЕРЪ-КАМЕРГЕРЪ ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ
ШЕРЕМЕТЕВЪ.**

Родился 26 Февраля 1713, скончался 30 Ноября 1788 г.

Лит. Шереметевъ. — Личн. д. р. лѣва.

Граф Петр Борисович Шереметев, сын Графа Бориса Петровича, родился 26 Февраля, 1713 года, и вскоре записан Прапорщиком гвардии Преображенского полка: доказательство, сколько Петр Великий, строго наблюдавший, чтобы чины приобретались одними заслугами, любил Фельдмаршала, отца его. В 1725 году Императрица Екатерина I произвела тринадцатилетнего Офицера в Подпоручики, а Император Петр II пожаловал Графа Шереметева Поручиком, и вскоре (1729 г.) Капитаном-Поручиком того ж гвардейского полка. Он был тогда 16 лет; однако ж находился в действительной службе ещё перед кончиною Петра Великого. В десятилетнее государственное правление Императрицы Анны Ивановны Шереметев получил только Капитанский чин и звание Камергера при Дворе Принцессы Анны, впоследствии Правительницы; но Императрица Елисавета Петровна вознаградила неудачи и терпение: она его пожаловала в 1741 году действительным Кавалером, в 1742 Кавалером Ордена Св. Анны, в 1744 Ордена Св. Александра Невского, в 1754 году Генерал-Поручиком, в 1760 Генерал-Аншефом и Генерал-Адъютантом и сверх сего дозволила ему принять от Короля Польского, в 1758 году, Орден Белого Орла. По вступлении на престол Императора Петра III Граф Шереметев, с почетным званием Обер-Камергера, удостоился получить, 27 Декабря, 1761 года, Орден Св. Андрея Первозванного. Он остался в сей должности и при Императрице Екатерине II, которая повелела ему присутствовать ещё в Правительствующем Сенате и утвердила, в 1762 году, сочинённый им Устав о должностях и преимуществах Обер-Камергера. Понесённые Графом Шереметевым две чувствительные потери: кончина супруги, жившей с ним в совершенном согласии 25 лет, и преждевременная смерть любимой дочери, помолвленной с другом его, Графом Никитою Ивановичем Паниным, были причиною, что он удалился, в 1768 году, от Высочайшего Двора. Но и в прелестном уединении своём Граф Шереметев, владетель ста сорока тысяч душ, продолжал жить большим баринком, давал впоследствии праздники, приводившие в удивление не только соотечественников, но и иностранцев.

В Кускове (в 9 вёрстах от Москвы), где, по словам Карамзина, отдыхал некогда на лаврах герой, сподвижник Петра Великого, Шереметев, сын его угощал Иосифа, Императора Австрийского, путешествовавшего под именем

Графа Фалкенштейна, и неоднократно Императрицу Екатерину II. Вот как описывает Французский Посол, Граф Сегюр, праздник, данный Государыне, в 1787 году, Графом Петром Борисовичем: «Хотя я и небольшой охотник до увеселений, но не могу умолчать о празднестве, происходившем в Подмосковной Графа Шереметева, угощавшего в оной Императрицу. Вся дорога от города была освещена великолепным образом. Обширный сад Графский и зверинец, украшенные с большим вкусом множеством прозрачных картин, пылали от разноцветных огней. На прекрасном театре представляли большую оперу; не зная языка Русского, я мог только судить о музыке и о балете: первая изумила меня своею приятною гармониею, последний изящным богатством одежд, красотою, искусством танцовщиц, лёгкостью мужчин. Более всего казалось мне непостижным, что стихотворец и музыкант, написавшие оперу, архитектор, построивший театр, живописец, украсивший оный, актёры и актрисы, танцоры и танцовщицы в балете, музыканты, составлявшие оркестр, все принадлежали Графу Шереметеву, который тщательно старался о воспитании и обучении их, коему они одолжены своими дарованиями. Та же пышность царствовала и за ужином: никогда не видел я стола ко золотых и серебряных сосудов, фарфора, алебаstra и порфира. Но всего удивительнее, что несметное число посуды хрустальной, покрывавшей весь стол, за которым сидело сто человек, было украшено и обогащено дорогими, неподделанными камнями, разных цветов и пород, чрезвычайно ценными». Граф Петр Борисович скончался в следующем году (1788), 30 Ноября, оставив после себя наследником огромного имения Графа Николая Петровича, сына своего, умевшего поддержать имя Шереметевых, столь славное в отечественной Истории.

III. Граф Николай Петрович Шереметев

Граф Николай Петрович Шереметев, сын Графа Петра Борисовича, родился 28 Июня, 1751 года. Он начал и кончил службу свою таким же образом, как отец: вступил лейб-гвардии в Преображенский полк Прапорщиком, получил в оном чин Поручика и потом перешёл к Высочайшему Двору, был Действительным Камергером, Сенатором, Действительным Тайным Советником и наконец Обер-Камергером. Ещё в молодых летах отправился, 1769 года, в

чужие края для усовершенствования себя в науках, посещал Лейденский Университет, объехал Англию, Францию, часть Германии и возвратился в отечество в 1773 году. Будучи украшен от Монархов первейшими орденами Империи, Граф Николай Петрович украшался ещё превосходными душевными качествами: доброта и скромность изображались на лице его. Подобно отцу, умел он угощать Высоких посетителей, давать праздники, превышавшие пышностью и блеском даже те, которым удивлялись современники Екатерины; но воспоминание об увеселениях уничтожается временем, а Граф Николай Петрович соорудил себе памятник гораздо прочнейший: «Странноприимный Дом», служащий украшением Москвы, успокоением убогих, старостию, многочисленным семейством её болезнями удручаемых. На сие здание, посвященное благотворению, отделил он, в 1803 году, из избытков своих ежегодный семидесятипяти тысячный доход. В этом человеколюбивом заведении, согласно с волею учредителя, основана богадельня на сто человек обоего пола и разного звания неимущих и увечных, и больница на 50 человек, для безденежного лечения в оной бедных всякого состояния. Каждый год определено выдавать шесть тысяч рублей в приданое неимущим осиротевшим девицам; пять тысяч рублей на вспоможение семействам, лишённым необходимого в жизни продовольствия и скудость претерпевающим; 4000 рублей на восстановление обедневших ремесленников, чрез снабжение их потребными для работ инструментами и материалами; 5000 на вклады в храмы Божии и в святые обители, равно и на другие дела милосердия; две тысячи рублей на составление в сохранной казне предохранительного капитала для непредвидимых случаев. Сверх сего, Граф Николай Петрович назначил единовременно выдать пятьдесят тысяч рублей бедным и в разные церкви, в день открытия Странноприимного дома, которого одна постройка обошлась в чetyреста восемьдесят тысяч рублей. Награда Царская соответствовала благотворительному подвигу: Император Александр повелел, 25 Апреля, 1803 года, чтобы, в общем собрании Правительствующего Сената, вручена была Графу Шереметеву золотая медаль, с изображением на одной стороне его портрета, а на другой приличной надписи, и пожаловать ему орден Св. Владимира 1-й степени. Граф

Николай Петрович скончался, как истинный Христианин, 2-го Января, 1809 года.

IV. Графиня Прасковья Ивановна Шереметева⁴⁴

Граф Николай Петрович Шереметев женился, на шестьдесят первом году, на Прасковье Ивановне Ковалевской. В краткой записке, найденной в бумагах Татьяны Васильевны Шлыковой, девяностолетней старушки, скончавшейся в 1863 году, отмечено, что брак этот совершён в Москве, в Среду, 6-го Ноября, 1801 года, в день Святого Павла, Архиепископа Константиноградского, в семь часов пополудни, на Поварской улице, в церкви Симеона Столпника. Свидетелями были: Князь Андрей Николаевич Щербатов, Алексей Федорович Малиновский, девица Татьяна Васильевна Шлыкова, и Синода Канцелярист Николай Никитич Бем. В той же записке сказано, что Прасковья Ивановна с малых лет воспитана была Княгиней Марфою Михайловною Долгорукою. Родилась она 1768 года, 20-го Июля; ей, следовательно, было 20 лет, когда скончался Граф Петр Борисович Шереметев, и 33 года, когда она вышла замуж. Искренняя дружба соединяла её с детства с Татьяной Васильевной Шлыковой, которая с семилетнего возраста жила в доме Графа Петра Борисовича и мать которой, Елена Ивановна Шлыкова, состояла при Графине Варваре Алексеевне Шереметевой, рождённой Княжне Черкасской. Приведём слова Графа Николая Петровича из письма его к сыну своему, Графу Дмитрию Николаевичу, которые лучше всего докажут, как пламенно и искренно любил он Прасковью Ивановну: «Я питал к ней», пишет Николай Петрович, «чувствования самые нежные, самые страстные; долгое время наблюдал я свойства и качества её, и нашёл украшенный добродетелью разум, искренность, человеколюбие, постоянство, верность; нашёл в ней привязанность к Св. Вере и усерднейшее Богопочитание. Сии качества пленили меня больше, нежели красота её; ибо они сильнее всех внешних прелестей и чрезвычайно редки. Они заставили меня поправить светское предубеждение, в рассуждении знатности рода, и избрать её моею супругою». По мысли Графини Прасковьи Ивановны основан в Москве Странноприимный дом. Из того же письма выписываем об этом следующее: «Я давно уже чувствовал тягостное состояние людей, лишённых в старости, в болезнях и нищете,

всякого пособия. Сие чувство скрывалось во взаимном тайном согласии нашем с матерью твоею, ещё при жизни её, облегчить страждущее человечество, а по кончине её приведено в действие учреждением Странноприимного дома и разными вспоможениями бедным по её завещанию. Тяжка, несносна, мучительна была мне утрата любезнейшей моей супруги, о коей горестнейшее воспоминание приближало меня к гробу; но сокровенное утешение, происходящее от чувствования сего Богоугодного дела, услаждало мои горести, укрепляло ослабшую душу мою и родило во мне твёрдое упование на Бога, его же благодатью и милосердием продолжались лета жизни моей, посвящённые попечению о страждущих».

3-го Февраля, 1803 года, родила Прасковья Ивановна сына Димитрия, но вскоре почувствовала себя очень дурно, и 23-го Февраля скончалась.

После родов она была очень слаба, часто спрашивала о новорождённом, боялась, чтобы его не похитили, требовала, чтобы его часто ей показывали, и радовалась, когда, в соседней комнате, слышала крик ребенка. Спальня её, в Петербургском доме Графа Николая Петровича на Фонтанке, находилась недалеко от домово́й церкви. Николай Петрович устроил там моленную и образную и завещал не прикасаться к этой комнате, а навсегда оставить её в том же виде. Сделанная им надпись хранится доселе, а равно и другая на полу той комнаты, где скончалась Графиня Прасковья Ивановна.

В каком ужасном состоянии находился Граф Николай Петрович, когда скончалась Прасковья Ивановна, можно заключить из того, что он не имел сил присутствовать при панихидах по усопшей; вот слова его из того же письма к сыну: «Когда кончина супруги моей повергла меня почти в отчаянное состояние, весьма мало нашлось утешителей и участников печали моей тогда, когда капля слезы, малейший вздох, или одно чувствительное слово искреннего друга, честного человека, могли бы дать хотя слабую отраду душе моей. Я пребывал в бесчувственности; тело супруги моей сопровождали к погребению; никто из множества моих знакомых и называемых моими друзьями, кроме весьма малого числа искренно ей и мне преданных, не изъявил чувствительности к сему печальному происшествию и

последнего долга Христианского в сопровождении гроба её, в молении об отпущении грехов и успокоении души её. В несчастиях наших познаются только друзья наши».

На другой день после кончины Прасковьи Ивановны отправлена была в домовую Контору бумага Николая Петровича, в которой говорилось о признании Государём брака его. К этой бумаге присоединено следующее письмо Действительного Тайного Советника и Кавалера Дмитрия Прокофьевича Трощинского, о признании Государем брака Графа Шереметева:

«Милостивый Государь,
Граф Николай Петрович!

Я имел уже честь, по Высочайшей воле, уведомить Ваше Сиятельство изустно, а теперь письменно сообщая, что Государь Император, прочитав подписанное мною письмо Ваше, извещающее о женитьбе Вашей, по всем обрядам Церкви, воспоследовавшей в Москве ещё в 1801 году, и о рождении Вам сына, Высочайше отозваться изволил, что Вы властны были совершить первую, когда и на ком хотели, и что обстоятельства сего брака не переменяют к Вам того милостивого расположения Его Императорского Величества, которым Вы всегда пользовались; осталось мне присовокупить к сему собственно моё желание, чтоб новорождённый сын Ваш, возрастая к утешению Вашему, с правами рода своего, наследовал и все его добродетели, а тут же изъявить искреннее сожаление о безвременной кончине супруги Вашей, которую сердце Ваше избрало, а любовь поставила было превыше я состояния.

Имею честь и проч.
Дмитрий Трощинский».

В поминовение по Графине Прасковье Ивановне Николай Петрович заказал украшенную брильянтами и рубинами золотую лампаду с такими же тремя цепями в Тихвинский мужской монастырь к образу Тихвинской Божией Матери. Лампада с цепями весом 15 фунт. и 12 золот., по тогдашним ценам, стоила 30,894 руб. На ней вырезана следующая надпись: «Приими, Всеблагая, Пречистая Госпоже, Владычице Богородице, честный дар сей, Тебе единой от меня недостойного раба своего приносимый! Начат по кончине супруги своей Прасковьи Ивановны, и по рождении

сына своего, Графа Дмитрия Николаевича в 1803 году, посвящен храму Богоматери в Тихвинскую обитель 1806 года в вечность».

Портрет Прасковьи Ивановны, лежащей в гробу, заказан, по желанию Николая Петровича. На портрете надпись: «Наказуя наказа мя, смерти же не предаде».

В саду Петербургского дома Графа Шереметева до сих пор сохранилась на мраморной тумбе надпись на бронзовой доске:

«Je crois voir son ombre attendrie,
Errer autour de se séjour,
J'approche, mais bientôt cette image chérie
Me rend à ma douleur en fuyant sans retour!..»

Графиня Прасковья Ивановна похоронена в Петербурге, в Александровской Лавре.

V. Граф Дмитрий Николаевич Шереметев⁴⁵

Граф Дмитрий Николаевич Шереметев, единственный сын Графа Николая Петровича и Графини Прасковьи Ивановны, родился в Петербурге 3-го Февраля, 1803 г., за три недели до смерти матери. 2-го Января, 1809 года, скончался Николай Петрович и по завещанию назначил опекунами к малолетнему сыну: Действительного Тайного Советника Дмитрия Прокофьевича Трощинского, Действительного Тайного Советника Федора Александровича Голубцова, Тайного Советника Ивана Сергеевича Ананьевского и Прокофия Михайловича Духовницкого, а попечителем Михайла Ивановича Донаурова. Воспитывался Граф Дмитрий Николаевич дома; из Каммер-Пажей он двадцати лет вступил на службу Корнетом в кавалергардский полк в 1823 году.

7-го Февраля, 1824 года, вступил в звание Попечителя Странноприимного Дома Графа Шереметева в Москве.

14-го Декабря, 1825 года, находился в строевых войсках гвардейского корпуса, собранных против мятежников на дворцовой и Исакиевской площадях в Петербурге.

В 1827 г. произведён в Поручики, а в 1830 в Штаб-Ротмистры.

В 1831 г. участвовал в походе против Польских мятежников и находился с полком при взятии Варшавы.

В 1833 г. назначен Флигель-Адъютантом к Его Императорскому Величеству, а в 1834 г. произведён в Ротмистры.

В 1838 г. женился на Анне Сергеевне Шереметевой, Фрейлине Императрицы Александры Феодоровны и дочери дальнего родственника своего, Сергея Васильевича Шереметева.

В том же году перешёл в гражданскую службу и пожалован Камергером.

В 1843 г. скончался в Москве старший и единственный тогда сын его, Николай (род. 1839 г.).

В 1844 г. (14-го Ноября) родился сын Сергей.

Пять лет спустя скончалась в селе Кускове Графиня Анна Сергеевна (11-го Июня, 1849 г.).

В 1856 г. имел счастье принимать в селе Останкине Государя Императора Александра Николаевича и Императрицу Марию Александровну, которые прожили у него неделю и говели перед коронованием.

В том же году назначен Гофмейстером и получил Св. Станислава 1-й степени.

В 1857 году вторично принимал Государя и Императрицу в селе Останкине, где они провели три дня.

В том же году получил Аннинскую ленту.

В том же 1857 году вступил во второй брак с Александрой Григорьевной Мельниковой.

В 1859 году родился третий сын Александр (27 Февраля).

В 1860 году родилась дочь Екатерина, которая скончалась в следующем году.

В 1860 году отпраздновал пятидесятилетний юбилей Странноприимному Дому.

Граф Дмитрий Николаевич значительно расширил круг благодеяний предназначенных его родителем (О сём подробно в Исторических записках о Странноприимном Доме Графа Шереметева, сост. Гл. Д. В. Тарасенковым. Москва, 1860).

В 1871 году награждён орденом Св. Владимира 2-й степени.

12-го Сентября, 1871 г., Граф Дмитрий Николаевич Шереметев скончался в селе Кускове, и похоронен в Петербурге, в Александро-Невской Лавре, рядом с могилою Графа Николая Петровича.

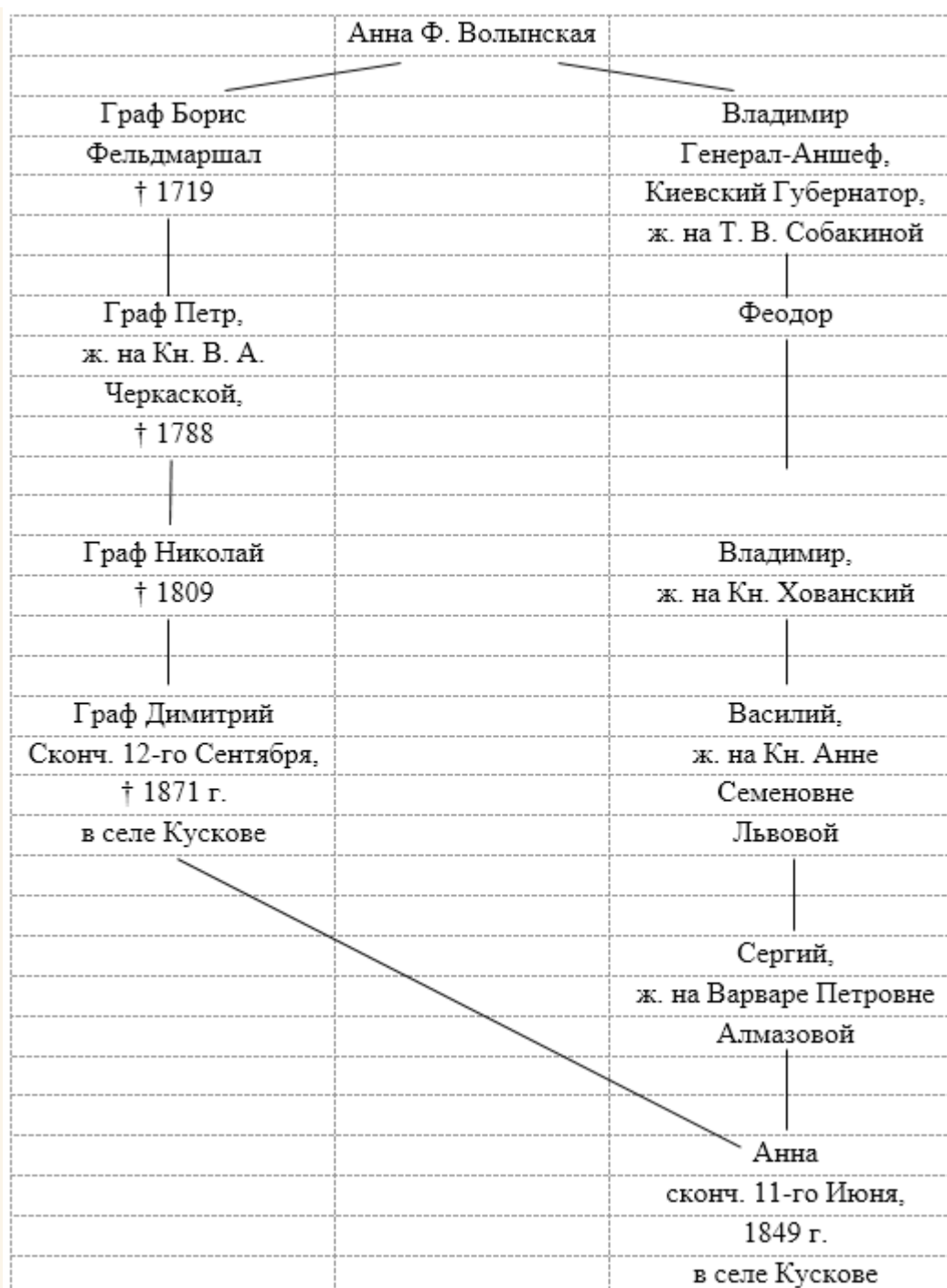
Граф Дмитрий Николаевич и Графиня Анна Сергеевна одинаково происходят от Боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, женатого на Анне Федоровне Волынской.

Старший сын Боярина Петра Васильевича, Фельдмаршал Борис Петрович, родоначальник старшей ветви Шереметевых.

Потомство четвёртого сына Петра Васильевича, Владимира Петровича, составляет младшую ветвь Шереметевых.

Вот их родословная:

Боярин Петр Васильевич Шереметев

Граф Дмитрий Николаевич Шереметев, как сказано выше, скончался, 12 Сентября, 1871 года, в 4 ³/₄ часа пополудни, в селе Кускове, Московского Уезда. Похороны его происходили в С.-Петербурге, и вот какие замечательные впечатления этого печального события передаёт один из очевидцев:

«Я сейчас с похорон скончавшегося, неделю назад, Графа Дмитрия Николаевича Шереметева, и если, полный ещё впечатлений, беру перо в руки, то делаю это потому, что впечатления эти достойны гласности».

«Покойный Граф Шереметев был последний Русский вельможа наших древних преданий. Промыслу угодно было эту блестящую, резко выдающуюся, жизненную роль возложить на такую душу, которой 69 лет жизни были тихим, ничем не прерванным, подвигом смирения».

«Единственный наследник самого обширного Дворянского состояния в России и одного из главнейших имений в Империи, Граф Дмитрий Николаевич Шереметев, вошёл в свою Боярскую жизнь, как входил в свой Боярский дом, тихо, скромно, ставя выше звания вельможи великое призвание быть Христианином. Это не пустые слова, предназначенные быть банальною похвалой; нет, – зрелище, которое мы сейчас видели под сводами церкви Св. Духа, в Александро-Невской Лавре, объяснило нам слишком красноречиво глубокий смысл этих слов...».

«Посреди церкви, на высоком катафалке, стоял, под великолепным покровом, гроб покойного Графа; литургию и отпевание совершал Митрополит, соборне, с многочисленным духовенством; на правом клиросе, в полном своём составе, стоял хор певчих капеллы покойника, и пел так, как человеческий хор может петь лишь один раз в жизни. На левом клиросе – великолепный хор Митрополичьих певчих, церковь же была полна народом: тут сотни крестьян, там сотни семейств, сотни неимущих, лишённых средств облечься в глубокий траур. Толпа крестьян поразила нас своим разнообразием: рядом с крестьянами в соболях и седых бобрах стояли крестьяне в простых армяках; но едва проносилось по церкви имя раба Божия Димитрия, как у тех и других пробежал трепет молитвенного порыва, и сотни рук крестились, произнося: «Упокой, Боже, душу раба Твоего, Графа Димитрия!» и по лицам многим текли слёзы, столь обильные и искренние, что свидетелю их нельзя было не понять глубокого смысла тех слёз. То были прекрасные минуты. Каждому присуща была мысль, что когда судьба налагает печать смерти на одного из избранных, счастливых и великих мира сего, тогда к гробу его подходят те, которые, в слезах и молитвах желают выразить свою благодарность лежащему во гробе, и чем больше таких лиц у гроба, тем громче и ярче свидетельство и суд над угасшею жизнью... Из-под сводов этой церкви мысль моя невольно стремилась в те многочисленные по России сёла, где живет до 130 тысяч крестьян, принадлежавших некогда Графу Шереметеву. Я

вспомнил, что в списке помещиков России, составленном для великого дела освобождения крестьян, Граф Шереметев, стоя первый по числу душ, ему принадлежавших, стоял тоже первый по незначительному оброку, взимавшемуся с этих крестьян. У Графа Шереметева крестьяне были самые счастливые из века в век, из поколения в поколение. Граф Шереметев был на Руси тем народным лицом, о котором вспоминали, желая указать на помещика, крестьяне которого не нуждались в свободе; всё, что им могли обещать, было бледнее того счастья, которым эти 130 тысяч душ пользовались. Это счастье крестьян покойный Граф принял, как святой завет от своих предков, и свято соблюдал его до конца своей жизни. Я вспомнил, сколько Шереметевских сел на своём веку видел, и какое поразительное благосостояние крестьян находил я везде, в каждой мельчайшей подробности крестьянского быта. И вот, горсть этих счастливых, богатых, благодарных крестьян, увидел я теперь в церкви: то были никем не званные представители целого огромного населения, как другая горсть чисто, но смиренно одетая, были никем незванные представители той необъятной семьи бедных, которых жизнь была обеспечена жизнью Графа Шереметева.

«Но слышали ли вы про подвиги человеколюбия Графа Шереметева? Слышали ли вы про блеск его двора, про причуды его Боярской фантазии, про его помещичьи великие дела?»

«Нет! Но в Петербурге, блуждая между тысячами бедных, вы находили множество маленьких уголков, где имя Графа Шереметева благословлялось честными бедняками также точно, как, странствуя по России, вы находите углы, где-то же имя благословляют тысячи крестьян. Одно в доме его было всегда блестящее – это церковь: там звуки чудных духовных песен его хора улаждали его душу; но там же был доступ для всякого, кто стучался в дверь этой церкви. Сколько помнится, было одно время, когда понадобилось покойному Графу ограничить свои расходы; но пострадало ли от этого хоть одно бедное семейство? Нет, расходы ограничены были Графом только для себя одного».

«И вот этой-то жизни прекрасно соответствовало то, что происходило пред нашими глазами в минуты, когда отпевались бранные останки всех любившего и всеми

любимого Графа. Всё, что он любил в своей жизни, всё-то было собрано у его гроба: святыня в великолепном Богослужении; семейство – в его вдове и двух сыновьях; лелеянный им хор, певший всё, что он особенно любил; сотни крестьян из разных концов России, и сотни бедных из разных углов Петербурга, и, наконец, много лиц, знавших его близко и любивших его».

«И всё это казалось прекрасным, потому что носило отпечаток правды и звучало ею, потому что было, как жизнь покойного, просто и искренно».

«Роскошь, которую мы видели, не смущала никого: то было исполнение долга его ближними, долга, которого они не могли не исполнить.

Возле этой роскоши, посреди её, так и виделся нам покойный Граф, как будто смущённый, как будто изумлённый тем, что столько людей собралось кругом его благодарить, со срезами на глазах, за добро, которое он делал тихо, тайно, не признавая, чтоб его можно было делать иначе».

«Мир же праху твоему, последний вельможа нашей славной старины! Ты его заслужил, ты сумел, будучи вельможей, оставаться Христианином и гражданином!»

VI. Борисовская девичья Тихвинская пустынь⁴⁶

1

Среди грозы, грозы военной,
Фельдмаршал с искренней душой,
Стоит в молитве умилённой
Пред ликом Девы Пресвятой,
И у Избранной Воеводы
Победы просит на врагов:
Ведь Христианам во все роды
Она защита и покров!
Он Ей даёт обет священный,
Когда поможет победить
Врагов, гордыней вознесённых,
Для дев обитель соградить.

2

Вот, по указанию Петра,
Над речкой, на холму прекрасном,
Для дев обитель создана,
В тени деревьев, под солнцем ясным.
Сюда девицы введены
Всем сердцем любящие Бога,
И Приснодеве вручены:
Она с Небесного чертога
На них взирая день и ночь,
Усердным их мольбам внимает,
Напасти, беды, гонит прочь,
Обитель миром ограждает.

3

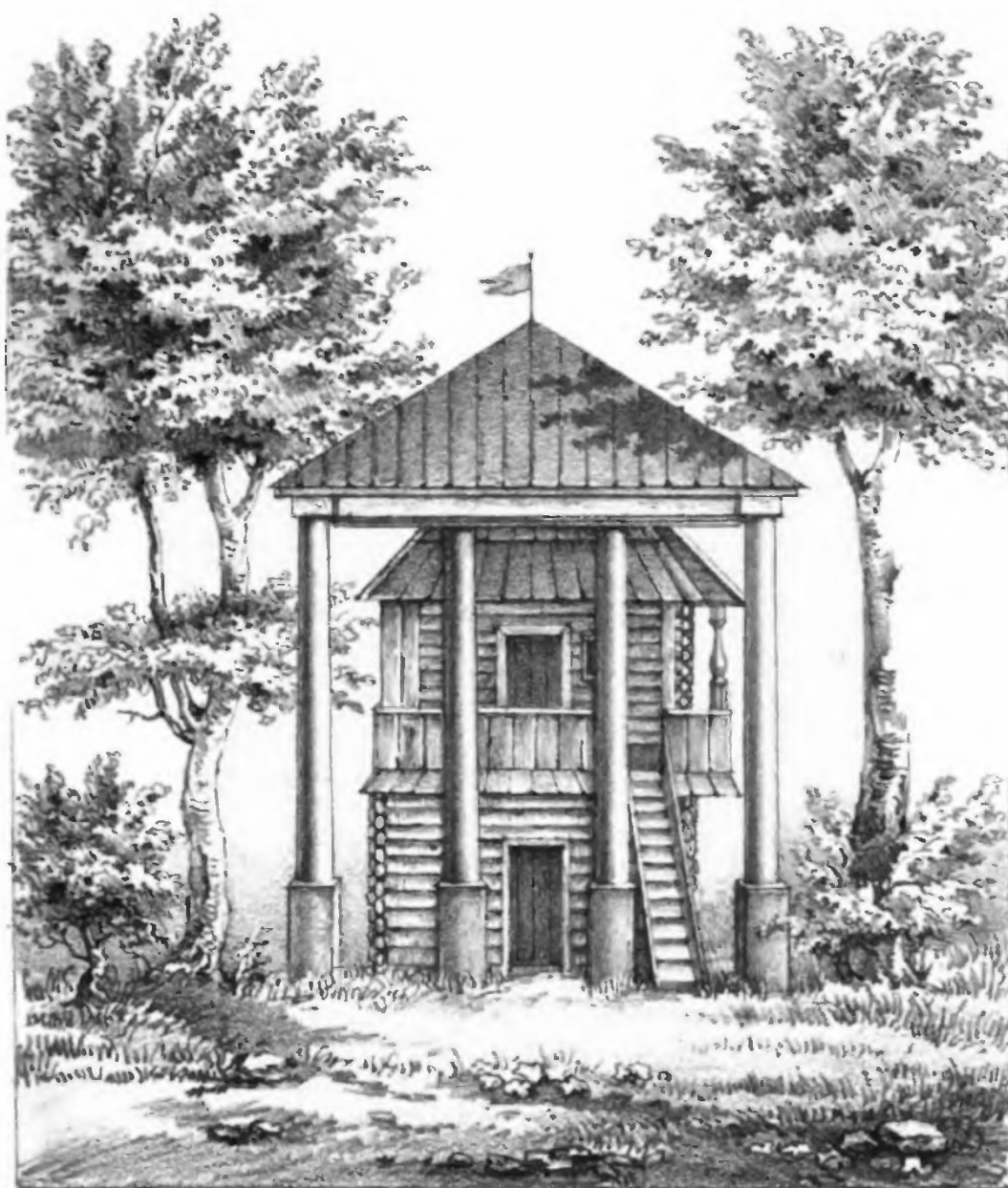
О приют драгий, бесценный,
От мирския суеты!
Монастырь уединённый,
С чем сравню те красоты,
Что здесь тайно обитают
И, не льстя плотских очей,
Дух и ум они пленяют
Не для вздохов и скорбей!
К ним привязанность святая
Нам свободу подаёт,
И о них печаль благая
К вечным радостям ведёт!
Вера в Бога открывая
Цель бессмертная души,
И надежда не прельщая,
Сулит радость в Небеси,
Радость вечно неизменну,
Ту, которой нет конца,

Честь и славу вознесённу
За монашество венца!

4

Как град верху горы стоя,
От ищущих не может скрыться,
Так храм сего монастыря
Далёко путниками зрится;
Призывный колокол гудёт,
Сюда поклонников сзывает:
Сюда всяк с радостью идет,
Отраду в горе получает;
Печали бремя здесь спадёт,
И сердцу лёгко, лёгко станет,
Болящий здравие найдёт,
Когда лишь с верою предстанет
Пред образ Девы Пресвятой;
Пред Ней молитвы проливает,
И несумненной душой
Её он чтит и уповает.
Она, как истинная Мать,
Всем Православным Христианам
Всегда готова помогать;
Тотчас целительным бальзамом,
Сердечны раны обольёт,
От всех скорбей и бед избавить,
И руку помощи прострёт
И духом падшего восстановит.

VII. Домик Петра I в Борисовке

Лит. Искровник Святка 8 Школы

**Домикъ ПЕТРА 1го въ Борисовкѣ, въ которомъ онъ останавливался
послѣ Полтавской битвы въ 1709 г.**

Посетив Борисовку в 1859 году, на обратном пути из Святой Земли, по обозрению украшающего её девичьего монастыря, я пожелал видеть, так называемый, Домик Петра, в котором, по местному преданию, Великий Монарх отдыхал три дня, после приснославной Полтавской победы, в которой не мог не видеть благословения Господня к его неусыпным трудам о благе своего народа.

Проехав по дороге из монастыря часть главной слободской улицы, тянущейся параллельно реке Ворскле, миновав Собор и базарную площадь мой возница повернул наконец к реке, в одну из боковых улиц селения, более похожего на город, чем многие из пользующихся незаслуженно этим названием, и скоро мы въехали на заросший травой забвения барский двор владельца Борисовки, Графа Дмитрия Николаевича Шереметева, к общему сожалению, ещё ни разу здесь не бывшего. По обеим боковым сторонам двора расположены деревянные здания, напоминающие две разных поры: на право низменное, похожее на прочие слободские хаты, это старое Вотчинное Правление, а на левой – большой двухэтажный флигель, где помещается ныне тоже самое Правление. В глубине двора двухэтажный каменный дом владельца Борисовки в Итальянском вкусе, красивый и светлый, с большими окнами, украшенный гербом Графов Шереметевых над верхним карнизом; перед домом поставлены в ряд восемь фальконетов, подаренных Петром Великим первому владельцу Борисовки, Генерал-Фельдмаршалу Российских войск, Графу Борису Петровичу Шереметеву, в память Полтавской битвы и одержанной им в оной над врагом славной победы. Не желая беспокоить никого из «властей», я, по указанию моего возницы, минуя дом (в котором ныне помещается Управляющий Борисовкою), вошёл прямо в тенистый сад, отделённый от двора легкою деревянною решёткой, и очутился лицом к лицу перед домиком Петра Великого, окружённым со всех сторон развесистыми берёзами. Это – двуярусная бревенчатая (на подклети) изба⁴⁷, но не в Малороссийском, а в Великорусском, стиле, с резным полотенцем к фронтому и резным коньком на двускатной крыше. Для сбережения, она покрыта деревянным же навесом на высоких столпах; к ней, для входа в верхний этаж, прорублено особое крыльцо, тоже под навесом, и верхний этаж с двух сторон окружён узкою

ходовую галереей, какая нередко встречается у наших старинных деревянных церквей.

На карнизе верхнего этажа начертана надпись по-русски, но Польскими буквами: «Генеральная это квартира». Каждый этаж состоит из двух комнат, главной и боковой; нижний этаж совершенно пустой (без лавок и столов); в верхнем по стенам дубовые лавки; в восточном углу к образам массивный деревянный дубовой же стол с выдвижным ящиком; в восточном углу икона Распятие Господне живописной работы; боковая комната, очевидно, служила опочивальнею и кабинетом; комната эта освещается одним, а большая четырьмя окнами.

Так как для осмотра столь простого по своему внутреннему убранству домика потребовалось всего лишь несколько минут, то я, желая «помянуть дни древние», обратился с вопросом к провожавшему меня старцу-сторожу с вопросом: «Кто жил в этом домике?» – «Кажуть, що наш старый барын», отвечал он. «А как же иные говорят, что сам Царь?» возразил я. – «Мабуть, вин и був Царём», отвечал мне простосердечно старик, показывая явное нерасположение отвечать на дальнейшие расспросы незнакомого ему посетителя. Убедясь, что, после такого ответа, дальнейшие расспросы будут совершенно излишни, я поблагодарил старца обычным образом; оставшись видимо сим довольным, старик, как говорится, распогодился и, в знак своего внимания, проводил меня до ворот. Дорогой я предложил ему ещё один вопрос, из которого и узнал причину нелюдимости стража заветного домика. Он поведал мне, что «Господа (разумея под сим всех носящих немецкое платье) не посещают этого домика»; от того-то и массивные ключи не так легко повинуются его дрожащим рукам, и бывает досадно возиться с заржавевшими замками, когда, подобно мне, заглянет сюда невзначай вовсе незванный посетитель.

Простившись с домиком и его заветными воспоминаниями, я поспешил к обедне в монастырь, откуда уже доносился до слуха моего призывный благовест, этот «глагол времён», всем временам напоминающий о невечернем дне будущего века.

Домик Петра 1-го в Борисовке, в котором он останавливался после Поставской битвы в 1709 г.

* * *

Примечания

1

По последней ревизии в Борисовке с окружными хуторами числится более 21,000 душ обоего пола.

2

Пища для богомольцев и странников, посещающих обитель, готовится ежедневно и предлагается безвозмездно, оставляя на произвол каждого положить в имеющуюся на гостиннице кружку, сколько кто может и желает.

3

Фельдмаршалом или Генерал-Фельдмаршалом Борис Петрович был переименован ещё в 1701 году, а Графский титул получил, по некоторым свидетельствам, в 1706 году, хотя в письмах к нему Государя титул сей упоминается лишь с 1710 года, может быть, и потому, что писем 1707, 1708 и 1709 годов очень мало.

4

Это благочестивое предание вполне подтверждается свидетельством внука – Фельдмаршала, Графа Николая Петровича Шереметева, как видно сие из письма сего последнего к Высокопреосвященному Амвросию, в котором Граф испрашивает благословение Митрополита на отправку богатой золотой лампы к чудотворной иконе Тихвинской Богоматери в обитель того же имени. Письмо это и доселе хранится в монастырской Библиотеке. Вот точная копия с него: «Высокопреосвященный Владыко, милостивый мой Архипастырь! Подвиги усердия и трудов, посвящённых Отечеству в Бозе, покоющагося деда моего, Фельдмаршала Графа Бориса Петровича, соделавшись достопамятны соотечественникам, наипаче оставили почтеннейшее влияние в чувствах потомства его; всегда шествуя по стезям горячей Веры, всё упование единственно возлагал он на Бога, и всегда утверждался в том, что Вера сопутствовала известным его подвигам. В сих правилах имел наживейшую веру к иконе Божией Матери, сопровождавшей его во всех походах, и ни одной баталии не начинал без молебствия образу сему, и так что оной всегда в нарочито приготовленной крытой повозке предшествовал армии, и дед мой, ехав возле без шляпы, слушал молитвословие, священнослужителями в той же повозке совершаемое. Последствие сей

непоколебимой веры вознаграждалось тем, что он ни одной вверенной ему баталии не проиграл».

5

Рубашку эту Фельдмаршал сохранял до самой смерти, в память чудесного избавления, и доселе она хранится между прочими фамильными редкостями Графов Шереметевых (см. Письма Петра Великого к Фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву).

6

В жизнеописании Бориса Петровича о Борисовке замечено следующее: «В Белгородской Губернии две большие слободы весьма знатные – Борисовку и Михайловку, населил сам Фельдмаршал, и назвал первую по своему имени, другую же по имени сына его, под которые слободы начал он скупать земли у разных владельцев с 1705 года и в следующих, а поселя жителей во время бытности своей в Украине (с 1712 по 1715), часто имел Фельдмаршал своё пребывание в Борисовке со всем своим домом многие месяцы, а особливо зимние (см. предисловие к Письмам Петра Великого к Фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву)». О времени посещения Борисовки Государём положительных сведений не имеется. В пребывание моё в Борисовке в 1859 году В. С. Кондырев, рассказывал мне, что в 1826 году, в бытность его Исправником Хотмыжского Уезда, он сам видел в актах Борисовского Вотчинного Правления письмо Фельдмаршала Б. П. к Борисовскому Прикащику Пояркову, которым Фельдмаршал кратко уведомляет сего последнего, что он с Царём будет в Борисовку, и велит приготовить столько-то быков, баранов, кур и яиц, прибавляя, что он пробудет с Царём в Борисовке три дня. Нет ничего неправдоподобного предположить, что это случилось вскоре после Полтавской битвы (27 Июня, 1709 года); ибо известно, что Фельдмаршал отправился из-под Полтавы для блокады г. Риги, лишь 13 Июля, 1709 года; следовательно, мог успеть провести несколько дней в Борисовке, заехав туда по пути.

7

Есть предание, что будто бы недавно упразднённый Знаменский Хотмыжский мужской монастырь, находящийся невядалеке от заштатного города Хотмыжска, за 7 вёрст от Борисовки, был основан в то же самое время, по указанию

Петра Великого и на его иждивение, также в память Полтавской победы.

8

Сие надписание вероятно сделано кем-либо из Борисовских Управляющих. Ниже увидим, что в 1775 году, Граф Петр Борисович, в Указе своём Борисовскому Прикащику, Герасиму Прокофьеву, приказывал подлинное завещание хранить, «чтоб было не утрачено и не истлело, а в монастыре положить копию». Где ныне находится подлинный акт, неизвестно. Вероятно, в архиве домовой Канцелярии Графа, в С.-Петербурге.

9

Белгородским Архиерем в то время был Преосвященный Митрополит Иларион с 1711 по 1720.

10

Шафар – эконо́м, ключник, заведывающий хозяйством, запасами и припасами.

11

Препятствия.

12

Каша из ярового хлеба, овсяная, ячная.

13

Сырец.

14

С маслом.

15

Кушанья, по монастырски пищи.

16

Дед Бориса Петровича, Боярин Василий Петрович, сконч. в 1659 г.

17

Отец Бориса Петровича, Боярин Петр Большой Васильевич, скончался 1690 года.

18

Мать Бориса Петровича, Анна Федоровна, урождённая Волынская, скончалась в 1684 г.

19

Первая супруга Бориса Петровича, урождённая Чирикова, сконч. около 1697 года; чад её, вероятно, их детей, скончавшихся в малолетстве.

20

Должно быть Князей Долгоруковых.

21

Должно быть – славить.

22

От Немецкого das Frauenzimmer, la femme, la servante.

23

Осталась ли сия девица в Борисовской обители, или отъехала в Москву, сведения нет.

24

Не ошибка ли сие Малороссийского переписчика? Вероятно, вместо сего, должно читать: «из Мекленбургии, из места Шверина»; ибо известно, что Фельдмаршал зиму 1716 года провёл с войском в Мекленбургском Герцогстве (см. предисловие к письмам Петра Великого к Фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву).

25

Не к этому ли времени относятся богатые вклады Фельдмаршала в Тихвинскую Борисовскую пустынь: на престольное Евангелие дестевое в серебропозлащенном окладе с собственноручною надписью Графа по листам, и серебряная дарохранительница в 7 ф. веса (см. описание их ниже).

26

Он сделал разновременно богатые вклады в Киевские монастыри; так, на прим., в Лаврскую соборную церковь Царские двери, кованные из чистого серебра.

27

При заложении его сделана была нарочито на память медная доска с следующею надписью: «Основася храм сей Тифинския Пресвятыя Богородицы за державы Благочестивейшия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны всея России, и при их Высочеств Благоверном Гусударе Великом Князе Петре Феодоровиче, и супруге Его Благоверной Государыне Великой Княгине Екатерины Алексеевны, и Благоверном Гусударе и Великом Князе Павле

Петровиче, по благословению Святейшаго Правительствующаго Синода и Преосвященнаго Иосафа Епископа Белоградскаго и Обоянскаго, и всечестном Архимандрите Леониде Ладинском. 1759 года, месяца Июля 5 дня. Резал Иван Хмаровский».

28

По соображении обстоятельств надобно полагать, что это замечание относилось к нарушению учреждения касательно общей трапезы, то есть, что монахини, по взаимному соглашению, видя неудобство сего учреждения, стали, с соизволения прежних прикащиков, брать запасы и припасы натурою и делить их между собою поровну, дабы иметь через то возможность, прибавляя немного от собственных средств, содержать на своем иждивении послушниц, для облегчения общих монастырских трудов и для постепенного приготовления к замещению монашеских вакансий.

29

Эта община с ограничением не идет в сравнение с нынешними общинами, прием в которые не ограничен числом, а особыми условиями, не обременительными при достаточном числе лиц, между которыми разделяются общие труды.

30

Можно допустить, что Граф Петр Борисович, после прибавки 1775 года (5 рублей Игуменьи и 3 монахиням), ещё увеличил содержание при конце своей жизни, между 1784–1789 годами, в неизвестном нам размере, и что это увеличение послужило переходом к увеличению содержания в размере, упоминаемом монастырскими записками (35 рублей Игуменьи и 17 рублей монахиням), в первое десятилетие нового содержателя обители, Графа Николая Петровича (1789–1800).

31

Все сии вещи и привесы по времени были употреблены на разные обделки икон, преимущественно же на украшение ризы к иконе Тихвинской Божией Матери, пожертвованной Оптинским старцем Иеросхимонахом Леонидом в 1838 году, привезённой им из Тихвинского монастыря, мерою и изображением с явленной иконы.

32

На оловянной доске, сделанной по сему случаю, вырезана следующая надпись: «Заложен жертвенник в честь и память Пресвятыя Богородицы Тихвинския, при державе Благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя нашего Императора Александра Павловича, всея России, по благословению бывшего Преосвященного Евгения, Епископа и Кавалера, что ныне Архиепископом Псковским, а ныне прибывшего Владимира, Епископа и Кавалера, Тихвинской девичей пустыни во оной пустыни Игуменьи Августы Хотмыжского Уезда, заложен храм Белогородского мужского Николаевского монастыря Архимандритом Иосафом Юнаковым в лето от сотворения мира 7330, а от воплощения Сына Божия в 1822, Мая в 7 день Индикта 10-го».

33

В 1836 году, кроме штатных монахинь, было уже в монастыре 115 белиц, из коих штатных 25, заштатных 45.

Келейных корпусов, построенных на счет содержателя, было 7, на свой собственный 19.

34

Здесь разумеется живущая на покое Августа, скончавшаяся в 1849 году.

35

И теперь содержание на 30 монахинь выдаётся неизменно с 1845 года.

36

Освящён в 1862 году, Сентября 21 дня, Преосвященным Сергием, Епископом Курским и Белградским, а предел Трёх Святителей в Ноябре месяце 1861 года, им же.

37

В 1865 году устроена её попечением при монастыре богодельня на 30 человек, на содержание которой пожертвовано ею из собственных своих средств 10,000 руб. сер. и выстроены две ветреных мельниц, с обращением дохода с оных на тот же предмет. При сём, по Указу Курской Духовной Консистории, от 5-го Марта, 1865 г., составлены для богодельни краткие правила, состоящие из 4-х статей: 1) Количество пользующихся трапезою должно быть 30 человек самобеднейших монахинь и послушниц, по их желанию, из живущих в сей пустыни, в выстроенных мною (учредительницею) келиях, для помещения их. 2) Выбор

приёма на помещение, а равно и расход на их содержание, должны быть непременно с общего согласия Игуменьи и старших сестёр. Упразднённое же комплектное место должно быть немедленно замещено другою бедною с общего же совета. 3) По образу жизни с них не должно требовать никакой работы и платы денежной. 4) В количество тридцати нужно, чтобы были приняты шесть послушниц, которые могли бы служить прочим.

38

На сию икону (величиною в 3 арш. 6 вер., шириною 1 арш. 12 вер.), в 1871 голу сделана при нынешней Игуменьи Максимилле серебряная риза с позолоченым венцем, скиптром и державою, в коей весу с камнями 1 пуд 14 фунт. и 49 золот. ценою в 2017 руб. 87 коп., усердием бывшей Казначей монахини Мариониллы Ралчиной, скончавшейся в том же 1871 году, в Киеве.

39

Впрочем, не имея в виду письменных документов, на которых основывается это сказание, мы считаем, по соображению обстоятельств, вероятнее предположение, что община отменена домашним образом, то есть, по взаимному соглашению Игуменьи с сёстрами, постоянно сего желавшими, и с кем-либо из Управляющих, захотевших вникнуть в очевидное неудобство сего учреждения, по особенным обстоятельствам Борисовской пустыни, как обители, не имеющей иных доходов, кроме определённого от её Ктиторов содержания.

40

В воспоминание Св. Отец пустынножителей.

41

Белогородскою Епархией правил в то время Митрополит Иларион 1711-1720, именовавшийся Белогородским и Обоянским.

42

Церковь во имя Петра Митрополита, что близ Петербурга, на даче Графа Шереметева, также построена (первая деревянная) Борисом Петровичем, в благодарность за богодарованные ему победы над Шведами и благополучное занятие места, на коем, в 1703 г. основан С.-Петербург. Это едва ли не первая Православная Церковь в окрестностях сто-

лицы. По преданию, она воздвигнута на том месте, где стояла походная церковь Фельдмаршала: в этой церкви доселе уцелели иконы, поднесённые Царю Петру Алексеевичу, по возвращении его из первого Азовского похода (1695 г.), при торжественной встрече его, яко победителя, Патриархом Адрианом в Черниговском Ильинском монастыре; иконы эти пожертвованы сюда самим Государём, вероятно, как в единственную в то время церковь в новозаложенном граде Св. Петра. На нижней половине иконы Черниговской Ильинской Божией Матери изображено взятие Азова и выше упомянутая торжественная встреча Царя в Черниговской Ильинской обители. Изображение это, к сожалению, доселе не обратило на себя желаемого внимания любителей старины.

43

Борис Петрович суд Царевичев (Алексея Петровича) не подписал, говоря, что «он рождён служить своему Государю, а не кровь его судить», и не устрасился гнева Государева, который несколько времени на него сердился, яко внутренне доброжелателя несчастного Царевича (Из рукописи соч. Князя М. Щербатова).

44

Этот биографический очерк доставлен нам внуком Графини Прасковьи Ивановны С. Д. Шереметевым.

45

И этот биографический очерк доставлен мне от Графа С. Д. Шереметева, по моей просьбе

46

Это стихотворение написано одною из живущих в сей обители сестёр

47

Квадратной формы по 9-ти аршин в каждой стороне, а в вышину 3 аршина; низ тех же размеров, как можно полагать, подделан в последствие, для сохранения знаменитой избы или домика.

Источник: Историческое описание Борисовской Тихвинской девичей пустыни, составленное по монастырским документам и записям архимандритом

Леонидом. - Москва : В унив. тип., 1872. - [4], 135 с., 1 л. фронт. (ил.), 3 л. ил.